

ОСЕННЯЯ КОЛЛЕКЦИЯ ДЕТЕКТИВА

ТРИ РОМАНА ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

Татьяна УСТИНОВА

Татьяна ПОЛЯКОВА

Галина РОМАНОВА

Татьяна Витальевна Устинова
Татьяна Викторовна Полякова
Галина Владимировна Романова
Осенняя коллекция детектива
Серия «Великолепные
детективные истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65924854

*Осенняя коллекция детектива : романы / Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Галина Романова: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-156538-1*

Аннотация

«Осенняя коллекция детектива» – это три увлекательных остросюжетных романа под одной обложкой!

Любое время года прекрасно по-своему, и осень, конечно, не исключение. Когда еще можно со вкусом прогуляться по аллеям парка, засыпанным желтыми и красными листьями, собирая спелые каштаны, или насладиться чашечкой ароматного чая с любимым десертом в кафе, наблюдая за стекающими по оконному стеклу каплями дождя? Вот и наши любимые писатели – Татьяна Устинова, Татьяна Полякова и Галина Романова – разделяют

эту любовь, поэтому написали захватывающие остросюжетные романы, вошедшие в этот потрясающий сборник.

Содержание

Татьяна Устинова

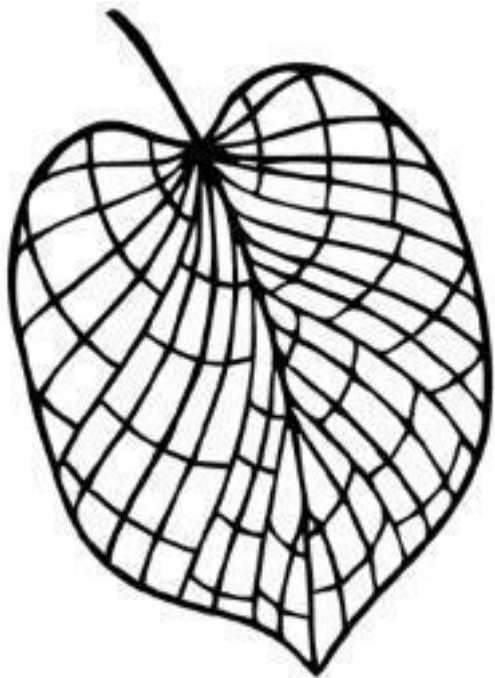
7

Конец ознакомительного фрагмента.

257

**Татьяна Устинова,
Татьяна Полякова,
Галина Романова
Осенняя коллекция
детектива**

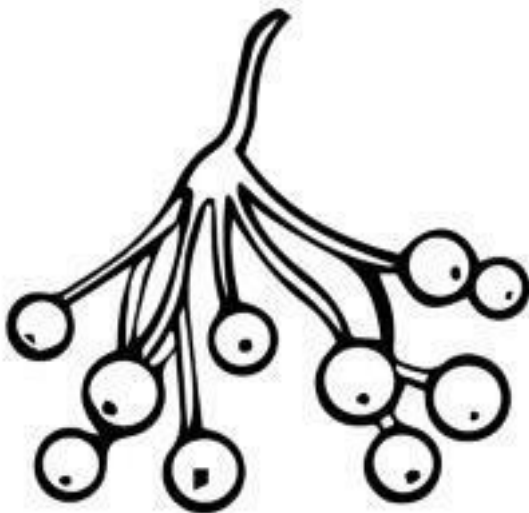

Татьяна Устинова

Где-то на краю света

Всем, работающим на радио, посвящается.

Пересадка была в Якутске.

Мимо по проходу лезли люди, повеселевшие, взбодрившиеся и разом заговорившие громко, как только самолет коснулся бетона. Еще бы! Бог миловал, все вроде благополучно, хочется на твердую землю – скорей, скорей!.. Только

Лиля все сидела, никак не решалась подняться и вклинить в толпу, распиравшую узкий проход.

– Девушка! Ну сколько ждать-то вас?! – Соседка напирала на нее, волокла из-под ног здоровенный баул, дергала, а он все никак не вытаскивался. – Вы чего?! Не выходите?!

– Не нервничайте, – посоветовал ей парень, сидевший у окна. – Все равно не пролезете.

Соседка фыркнула, покрутила головой, словно поражаясь, что есть такие ни на что не годные люди – можно вставать, толкаться, протискиваться, а они не встают и не протискиваются!

Толпа не двигалась с места, двери все никак не открывали, дети хныкали и канючили, женщины шикали на них, обмахивались журналами, мужики переминались с ноги на ногу, переговаривались, похохатывали. По всему самолету полки были распахнуты, из них торчали сумки, ляжки, рукава, как не до конца выпотрошенные внутренности.

– Когда нас выпустите, а?!

– Когда надо будет, тогда и выпустим! И вообще, займите свои места! К выходу мы вас пригласим.

Но где там «занимать места»! После пятичасового перелета всем хотелось скорей на волю – постоять, покурить, подышать. Все в порядке. Мы живы, целы, до Якутска добрались, и дальше с Божьей помощью как-нибудь доберемся.

Трап наконец-то подали, открыли двери, толпа заволновалась, зашевелилась, налегла, а потом потихоньку двинулась.

– Да пропустите вы меня! – Соседка полезла через Лилины колени и баул свой поволокла. – Сидит и сидит, выходить давно пора, а она!..

– Ну вот, сыночек, – говорил за спиной ясный женский голос. – Мы почти дома. Еще три часа, и все в порядке! Представляешь, как хорошо? Папа нас будет встречать! Ты за папой соскучился?

– Мам, а три часа – это сколько?

– Три часа, сыночек, это три часа. Раз, два, три. Ты поспишь, проснешься, и уже будет Анадырь...

– Не хочу спать, я выспался!

– Значит, книжку читаем!

– И книжку не хочу! Я буду на телефоне играть!

Пропустив последних пассажиров, Лиля с трудом вылезла из кресла и постояла немного, приходя в себя.

Да уж. Еще три часа, и Анадырь. Что же мне делать?! Как спастись?

Парень, защищавший ее от нетерпеливой соседки, ждал, и Лиля посторонилась.

Он выбрался из узкой щели, в которую все эти долгие пять часов никак не помещались руки, ноги и спина, где невозможно было пристроить газету или ноутбук, некуда девать бутылку с водой, книжку и самое себя, вытащил за собой портфель и только тут, в проходе, засмеялся.

– Устали? – Он потянулся, закинув руки за голову и высоко задирая локти. Голубая рубаха была измята, изжевана,

пуговичка расстегнулась на животе, и он, стыдливо отвернувшись, быстро ее застегнул.

– Я не люблю летать, – пробормотала Лиля.

– Ну! Это ваше? – Парень достал с полки пальто, за которым потянулись еще какие-то вещи. – Так, как мы сейчас летели, никто не любит! Это просто вивисекция какая-то. Пойдемте?..

Ничего не поделаешь. Ты взрослая, умная, решительная, и ты сейчас выйдешь из самолета. Ничего страшного не происходит. У тебя командировка. Не очень простая и не слишком приятная, но всего лишь командировка. Ты справишься. Никаких ис-терик.

– Я никогда не была в Якутске, – в спину парню выговорила она, и он слегка оглянулся. На ходу он напяливал куртку, не попадая в рукава, и его портфель цеплялся за кресла, в которых валялись смятые газеты, пластмассовые стаканы, бутылки из-под воды, всякий мусор. – А вы?

– Ничего особенного, город как город. Я тоже здесь бывал только проездом... несколько раз.

– А вы... знаете, куда идти?

– Тут одна дорога! В здание аэропорта.

– А там? Знаете?

Он наконец-то оглянулся по-настоящему. Девушка бледная и идет по проходу с таким видом, как будто в конце его уже весело полыхает костер, на котором ей предстоит сгореть заживо. Истеричка, что ли? Или просто не в себе? Хотя сим-

патичная – он посмотрел на ее грудь, – и сразу видно, что не дешевка и не из простых. Хорошо бы до Анадыря летела, вот и развлечение на время!..

– Что ж вы так долго, граждане пассажиры, – укоризненно сказала замученная стюардесса в накинутаой на плечи форменной шинели. Под шинелью она держала себя за локти, как будто мерзла. – Нам еще тут убираться, а вы тянетесь и тянетесь!

Чем дальше от Москвы, вдруг подумала Лиля, тем быстрее и вернее «дамы и господа» превращаются в «граждан пассажиров». Здесь, в Якутске, мы уже никакие не дамы и не господа. Дальше-то что будет?

– На трапе поосторожней! – вслед им крикнула стюардесса. – Дождь прошел, скользко!..

Трап упирался в бетон, казавшийся синим от света прожекторов, и на этом бетоне нет никого и ничего: ни людей, ни автобусов.

– Нам туда! – Парень накиннул капюшон и показал рукой, куда именно. – Пойдемте быстрее, а то вымокнем!

– А что, автобусов не будет?

Он опять засмеялся:

– Автобусы будут в Домодедове, когда вернемся! А здесь ножками, ножками! Сейчас в самый раз пройтись, пять часов сидели!

Лиля поспешала за ним, уверенная, что, если потеряет его из виду, все пропало. Чего бы она только не дала, чтобы ока-

заться сейчас в Домодедове!

Он придержал перед ней дверь. В зале аэропорта было душно, где-то, как будто наверху, шумели голоса, двигались многочисленные ноги, и гроыхание раздавалось, и гул вполне цивилизованный.

– На втором этаже зал ожидания для транзитных пассажиров, – объяснил парень. – Может, кофе удастся выпить.

И он поскакал по лестнице, уверенно и деловито. Лиля поднималась тяжело. За пять часов сидения в самолете она как будто разучилась двигаться и дышать. Ноги шли медленно и неохотно, и воздух застревал где-то посередине между легкими и горлом, так что хотелось протолкнуть его поглубже.

На втором этаже было столпотворение. Ряды пластмассовых синих стульев все заняты сумками и людьми. Некоторые спали, с головой накрывшись куртками. Какой-то дядька пристроился прямо на полу, примостив под себя рюкзак, жилистая желтая рука со свесившейся грязной кистью торчала вверх и мерно двигалась в такт дыханию. Лиля осторожно обошла его, потом оглянулась. Дети бегали между наваленными на полу тюками, кричали, визжали, тоже никак не могли прийти в себя после перелета. В двери с нарисованными мальчиком и девочкой стояла безнадежная очередь. У окна жались какие-то растерянные иностранцы в красных и желтых куртках. Ни у кого больше не было таких курток, ботинок и рюкзаков, ясное дело, туристы.

– Ну что? Попробуем взять штурмом буфет?

Лиля посмотрела на своего провожатого.

– Здесь все равно сидеть негде. – Он махнул рукой. – Может, там повезет?

Им действительно повезло. За перегородкой из голубого пластика с надписью «Буфет. Режим работы круглосуточный. Санитарный час с 08.00—9.00, 11.00—12.00, 14.00—16.00, 19.00—20.00, 22.00—23.00, 00.00—03.00, 05.00—06.00» стояли длинные столы и лавки, помещались игровой автомат с криво привешенной табличкой «Учет», холодильник с жестяными пивными банками – банки переливались разными красками и горели под ярким светом, – стойка и очередь, немного менее безнадежная, чем в двери с изображением мальчика и девочки. За стойкой трудились буфетчицы: маленькая девчушка с проколотым носом и железными кольцами на каждом пальце и степенная толстуха с закрученной на макушке косой. Они проворно наливали кипяток в пластмассовые стаканчики с торчащими из них хвостами чайных пакетиков, швыряли на тарелки худосочные бутерброды, ссыпали мелочь в ящик, перекрывая шум, спрашивали у каждого протиснувшегося к прилавку: «Чего давать, «Балтику» или «Охоту»?»

Парень оглянулся на Лилю:

– Вам «Балтику» или «Охоту»?

– Что?

– Вон есть два места. Займите их, а я принесу чего-нибудь.

– Спасибо.

– И портфель мой захватите!

Лиля пролезла между спинами жующих и прихлебывающих людей, осторожно неся сумку и портфель и стараясь никого не задеть, постояла, сомневаясь, потом быстро глянула по сторонам и провела ладонью по сиденью, проверяя. Ничего таким образом не определив, она деликатно пристроилась – все равно сесть больше некуда.

– Пассажиры Вилуйск – Магадан, пройдите срочно на посадку, – вдруг выкрикнул динамик женским голосом, и Лиля от неожиданности сильно вздрогнула. – Проходим на Магадан!

Никто на Магадан не «прошел», все продолжали торопливо жевать и прихлебывать, и она поближе подтянула к себе сумку, в которой заключалась вся жизнь – кошелек, чудесный маленький компьютер с тающим молочно-белым яблочком на крышке, знак беззаботной, офисной, столичной жизни, книжка-детектив с обязательной зажигательной любовной историей, салфеточки, тряпочная куклешка от мамы, блокнотик, наушники, зеркальце, телефон...

Господи, телефон!..

Лиля распахнула сумку, стала торопливо в ней копать, долго не могла его раскопать, но в конце концов выудила! В динамиках опять грянуло что-то, на этот раз про Мирный и Нерюнгри, но она перестала слышать, торопливо выключая «авиарежим» и нажимая еще какие-то кнопки. Долго не со-

единялось, и она, выпрямившись, вытянувшись в струнку, слушала только тишину внутри телефона и умоляла: ну же, ну!.. Пожалуйста, пожалуйста!..

Пожалуйста, равнодушно ответила тишина, и в ухо длинно прогудело. Раз, потом еще раз, потом еще...

Она ждала. Трубку никто не брал.

Звонок сорвался, обвалился короткими, быстрыми гудочками, словно ледяными брызгами обдало ухо, и она набрала снова.

На этот раз ответили быстро:

– Ты что, с ума сошла?! У нас ночь! Я сплю.

– Кирюша, я в Якутске! Ты слышишь?! Я приземлилась!

Господи, какое счастье, что я дозвонилась! Здесь дождь, а у тебя? Как там у тебя?

– У меня все зашибись, Молчанова, – сказали с той стороны мира. – Ночь у меня. Я сплю.

– Мне до Анадыря еще три часа или даже три с половиной, я сейчас в каком-то буфете!

– Рад за тебя.

– Кирюша, я сидела так неудачно, в самом хвосте, за мной только один ряд, а потом туалет, и все время люди стояли, а я у самого прохода, даже поспать не могла, меня все время толкали! А еще здесь дождь и очень много народу...

– Молчанова, ты знаешь, сколько сейчас времени в Москве?

Тут Лиля вдруг поняла, что он ее о чем-то спрашивает, и

совершенно всерьез. И еще он всерьез недоволен.

Она не переводила часы и могла точно ответить на его вопрос, но дело было не в этом.

– Ты голову-то включай, – посоветовал ей из Москвы любимый человек. – Особенно когда будешь из Анадыря звонить! Мне утром на работу, а тут ты в буфете! Все, давай, пока. Целую.

И опять обвалились гудочки, закололи ухо.

Лиля посмотрела на телефон. На экране возникла его фотография – этим летом на каком-то пикнике. Очень хорошая фотография.

...А что такого? Все правильно! Ночь, он спит, ему завтра на работу. Я его разбудила, он недоволен. На его месте никто бы не обрадовался!..

Слеза капнула на экран, Лиля быстро смахнула ее и полезла в сумку за салфетками.

...Нельзя, нельзя! Не из-за чего плакать, все хорошо! Ты летишь в командировку, и у тебя все нормально. Он спит в Москве, и у него тоже все нормально. Слеза опять капнула.

– Ну, что вы как на похоронах, а?

Перед ней на столе оказался стаканчик с мокрым чайным хвостом и тарелка с завернутыми в пленку бутербродами. Бутерброды навалены кое-как, сбоку пристроены сахар и пластмассовые белые ложки.

– Я еще кофе взял на всякий случай. Растворимый, конечно, но зато крепкий. – Парень плюхнулся рядом, моменталь-

но ободрал пленку с бутерброда и откусил. Потянул пивную банку за алюминиевое колечко. Банка смачно щелкнула, из отверстия повалила пена, как из небольшого огнетушителя, парень отхлебнул, словно опасаясь, что может пропасть хоть капля драгоценного напитка.

Лиля нажала кнопку и искоса глянула на возникшую из черноты телефонного экрана фотографию. Теплое лето, яркое солнце, зеленая трава, синяя вода. Загорелое лицо. Никаких забот. Другая жизнь. Та сторона мира.

Он со мной. Все будет хорошо.

...Она ненавидит это выражение, заимствованное из американской жизни и совершенно непригодное для русской! Что значит – хорошо? Для кого хорошо? Когда хорошо?

– Вы бы чаю попили, – сказал рядом парень, без которого она, ей-богу, не справилась бы нынче. – Остынет.

Лиля двумя пальцами взяла хлипкий горячий стаканчик и пригубила. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Она чувствовала себя уставшей, нечистой, отечной от долгого сидения и очень несчастной.

– А вы... дальше куда летите?

– В Анадырь.

– И я туда же. – Парень запрокинул голову и весело забулькал. Лиля покосилась и тут же отвернулась. Она терпеть не могла пива, даже от запаха ее тошнило. – В командировку? – Она кивнула. – И я тоже. Вы когда-нибудь там были?

Она покачала головой и еще пригубила чай.

– Значит, мы с вами в равном, так сказать, положении!.. Вместе будем осваивать целину! То есть тундру! Меня зовут Владимир. Можно Володя.

Она не собирается с ним вместе ничего осваивать! Еще не хватает! С другой стороны, какое-то сопровождение ей просто необходимо, и этот московский парень вполне подойдет. Хотя бы чемодан донести!.. У нее очень тяжелый чемодан! Впрочем, наверняка там можно взять такси, хоть и край земли, но все же город...

Он смотрел на нее вопросительно и, кажется, с обидой, даже пивом своим не булькал, и она спохватилась:

– Я Лиля. Лилия Молчанова.

Эта Лилия – худшее имя на свете! Хорошо хоть не Роза!.. Или Сирень. Сирень Молчанова – тоже красиво.

Он явно ждал продолжения, и она решила продолжить – в свете будущих услуг по переноске чемодана и защите от аборигенов:

– Я просто растерялась немного, так что спасибо вам огромное за помощь! Я никогда так далеко не летала... Только в Австралию, но... не одна.

– Понятно.

– Я думала, что будет бизнес-класс, и...

Тут Володя опять засмеялся, довольно обидно:

– На таких рейсах бизнес-класса не бывает в принципе, дорогая Лилия Молчанова! По-моему, один борт в неделю с этим самым классом летает, и билет стоит тысяч сто пять-

десять, чтоб не соврать. Ваше начальство готово выложить за ваши удобства сто пятьдесят тысяч?

...Ах, при чем здесь начальство? Мое начальство спит сейчас в московской квартире, и я уверена, если бы оно знало, как трудно мне приходится, оно ни за что и никогда не отправило бы меня в такую немыслимую даль совсем, совсем одну!

Чувствуя, что вот-вот опять заплачет, Лиля торопливо глотнула из стаканчика и спросила, что у него за работа.

– В банке, – объяснил Володя и вылил себе в горло остатки пива. – Мы там филиал открыли, нужно работу наладить и посмотреть, чего, как. Вот меня и отправили.

Лиля приободрилась немного. Если в Анадыре есть филиал какого-то банка и гостиница, ведь гостиницу-то ей заказали, значит, наверняка и такси есть. В общем, можно как-то продержаться. Хотя держаться ей предстоит долго. Так долго, что лучше об этом не думать.

Он сбоку глянул на нее, оценивая. Вроде бы повезло – в один город летят, и командировочные радости проклевываются, а вроде и не повезло – малахольная какая-то, жметесь, сидит на самом краешке лавки, как курица на насесте, глаза не поднимает почти. Может... того... разойдется как-нибудь? Отпустит ее? Симпатичная девуля, жалко ее упускать в смысле... командировочных радостей! Похожа на фотку из журнала, вся такая подтянутая и со всех сторон правильно упакованная. Правда, на голове какие-то густые темные за-

витки, совсем короткие, будто на каракулевой шубе, а Володе нравились девушки с длинными прямыми волосами, но в Анадыре сойдет. Лишь бы только очухалась немного.

– Между прочим, – продолжал он, жалея, что взял только одну банку, вторая бы сейчас не помешала, – в такие командировки просто так не отправляют, это уж точно! Верный знак к повышению.

Лиля слегка улыбнулась.

– А что? – Он ободрал пленку со следующего бутерброда. – Вот только не говорите, что вам все равно! За версту видно, что вы... девушка карьерная! Или я ошибаюсь?

Он не ошибался, но Лиле в данный момент было решительно наплевать на карьеру. Хоть бы она совсем пропала, эта ее карьера. Ей хотелось домой, в Москву, спать сейчас рядом с начальством, просыпаться от счастья, смотреть в окно на огни огромного и прекрасного города, вздыхать от разных чувств, таких правильных и уютных, и вновь устраиваться рядом. И чтоб было тепло, чисто, безопасно и надежно – как всего неделю назад.

Вот тогда все действительно было хорошо! Было, а как будет, неизвестно...

– Так вы-то в Анадырь зачем?

– А... на радио. Там есть какая-то крохотная радиостанция, не помню, как она называется. Как-то странно... «Буран» или «Метель». Наш холдинг ее зачем-то купил, хотя я не знаю, кому может понадобиться радиостанция в такой... –

Лиля хотела сказать «дыре», что полностью соответствовало действительности, но сказала из вежливости: – В такой дали! Кто там ее слушает? Там и людей-то нет, насколько я понимаю.

– Какие-то люди наверняка есть.

– Зачем им радиостанция?! – вдруг вспыхнула Лиля, и ее попутчик посмотрел с интересом. – Да еще в FM-диапазоне?! Там всегда были федералы, «Радио России» на длинных волнах, они там и остались, это же государственная структура, их бюджет финансирует! А нам-то туда зачем?! Все равно будут только убытки, никакой рекламой там ничего не отобьешь!

Ух ты, восхитился Володя, а она ничего, не амеба!.. Как про радио заговорили, на человека стала похожа, вон даже щеки загорелись.

– Кто это слушает? Что там они слушают? Закрывать нужно эту «Метелицу», а не перекупать!

– Так не вы же за свои деньги ее купили! Что вы переживаете?

Лиля переживала, потому что, не случись покупки этой самой радиостанции, не сидела бы она сейчас в забегаловке аэропорта города Якутска за липким столом, не пила бы помойный чай, не слушала, как перекликаются буфетчицы – «толстый и тонкий», – то и дело поминая какого-то Кольку и задавая посетителям все тот же вопрос: «Балтику» или «Охоту»?»

Кирилл сказал: ты должна поехать и все посмотреть. Кирилл сказал: выхода нет, сам не могу, а больше я никому не доверяю. Еще он добавил: нам нужно отдохнуть друг от друга и прийти в себя. Мы продвигаемся такими темпами, что мне страшно, а тебе?..

Ей-то как раз было не страшно. Ей нравились... такие темпы!

...Зачем он сказал, что им нужно отдохнуть друг от друга? Зачем?! Зачем?! Как они будут отдыхать – она в Анадыре, а он в Москве?!

– Да вы не огорчайтесь, Лилия, что вы на самом деле! Даже интересно, – утешил ее добродушный Володя. – Вы там никогда не были и больше никогда не попадете! Потом будете всем рассказывать, что побывали в Анадыре! Да и всего несколько дней!

– Не дней, – поправила она странным, как будто мстительным тоном. – И даже не недель!.. Я лечу на полгода.

Володя присвистнул:

– Ничего себе! Это зачем же так надолго?

– Я должна выработать новую программную стратегию радиостанции. Представляете?! А это непросто и небыстро. Я ведь их даже не слышала ни разу. Говорят, они в Интернете где-то есть, но у меня времени не было искать! Господи, зачем им стратегия?! Там же одни олени и моржи! И у этой «Метелицы» есть директор и редактор, они давно существуют, уже лет десять, наверное, и у них своя стратегия! – Она

презрительно скривила губы, выражая отношение к этой самой стратегии. – А тут являюсь я – из Москвы! «Покажите мне ваши плейлисты и рекламные договоры с заготовителями китового жира! Мне нужно составить бизнес-план!»

– Да, – посочувствовал Володя. Ей показалось, что он над ней смеется. – Не повезло вам. Полгода – это, считай, зимовка! Отто Юльевич Шмидт на «Челюскине». Зато экзотика.

– Я не Отто Юльевич, и мне не нужна никакая экзотика.

– Ну, можете поменять билет и ближайшим рейсом улететь в Москву. Тоже вариант.

Она бы так и сделала – хватит с нее перелета до Якутска. Нахлебалась уже экзотики, когда податые дядьки в вонючих шерстяных свитерах выпадали из очереди в туалет прямо ей на колени, а матери волокли детей с криками: «Пропустите! Пропустите!» Детей рвало, а пакетов никаких, разумеется, не было! Она бы меняла билет, но Кирилл сказал, что нужно «прийти в себя».

Она не может вернуться. Ее возвращение помешает ему приходить.

Они еще посидели. Она нажимала кнопку на телефоне и рассматривала возникавшую из небытия фотографию. Владимир крутил головой по сторонам, соображая, сходить за пивом или воздержаться, учитывая ажиотаж возле дверей с мальчиком и девочкой. Потом позвали на посадку, и Лиля побрела в плотной и шумной толпе, изо всех сил прижимая к себе сумку.

Лететь осталось всего ничего – три с половиной часа.

Она проснулась от того, что солнце светило в глаза. Оказывается, они прилетели в утро, оставив ночь где-то далеко позади, над Сибирью или Уралом, а может, еще где-то, и Лиля, радостно удивившись, оглянулась, чтобы посмотреть, где там осталась ночь, и встретилась глазами с женщиной, сидевшей позади нее, в самом последнем ряду. Женщина ей улыбнулась.

– Слава богу, почти дома. – Она говорила тихо, на двух соседних креслах спал мальчишка, прикрытый теплой курткой. – Еле дождались.

Лиля неопределенно улыбнулась в ответ. Ей ничего не было видно, возле иллюминатора, запрокинув голову, спал ее давешний знакомец Володя, а между ними похрапывала решительная тетка, прижимавшая толстыми руками баул к животу.

– Особенно красиво, когда самолет на посадку заходит, – прошелестела сзади женщина, не отрываясь от иллюминатора. – Ничего прекраснее и лучше не видела!.. Никакой юг с нашим Севером не сравнится.

Лиля кивнула. Она совершенно точно знала, что самое лучшее – и прекрасное! – место на Земле – это Москва с ее пробками, толчеей, нелепой архитектурой, непригодностью для жизни, с ее вечным шумом, вонью, давкой, как будто немислимо огромная воронка засосала в себя людей, воздух,

дома! И эта воронка, знала Лиля, единственное место, где возможна жизнь. Во всех остальных местах можно отдыхать, еще где-то, наверное, работать, но жить только в Москве.

И там, в Москве, Кирилл...

– Внимание, уважаемые пассажиры, – скороговоркой произнес в динамиках пилот, – наш самолет начал снижение, через несколько минут мы совершим посадку в аэропорту «Угольный» города Анадырь. Погода хорошая, солнечно, пять градусов тепла, местное время...

В салоне мигом проснулись, задвигались, зашумели, полезли к иллюминаторам.

– Мам, мы уже прилетели, да?

– Почти, сыночек. Вот видишь, как хорошо, что ты поспал! Смотри, во-он лиман, а вон баржи! А вон и Анадырь наш!.. Красота какая, да?

– А папа? Где папа?!

– Его отсюда не видно, он в аэропорту, небось заждался нас.

По всему самолету вскакивали, привставали, повторяли: «Смотри, смотри!» – одним словом, радовались и ликовали.

Лиля пристегнула ремень, закрыла глаза и стала думать о Москве – назло всем ликующим! В конце концов, эти полгода ведь кончатся когда-то! Она же не заключенный, сосланный на вечное поселение. Если уж совсем станет не в состоянии, плюнет на все и вернется. Не так и страшно, тем более Интернет есть везде, а это сразу облегчает дело, все вопро-

сы можно решить из любой точки мира! С чемоданом и такси ей поможет добродушный Володя, на радио «Буран» или «Метель» тоже все как-нибудь обойдется, в конце концов, именно Лилия Молчанова их новое московское начальство, и, какими бы они ни были замшелыми аборигенами, чукчами или эскимосами, им придется с ней считаться.

Шасси неуверенно коснулось земли, как будто пробуя, потом самолет всей тушей налег на стойки, и стало понятно, что он не летит, а уже бежит, катится по земле наконец-то! Какое счастье не лететь, а ехать, это значит, все позади! По всему салону зааплодировали – ура, приземлились!..

– Слава те господи, – растроганно проговорила толстая тетка-соседка и, кажется, даже шмыгнула носом. – Слава те господи, дома мы...

Лиля посмотрела на нее, а потом, преодолевая себя, в иллюминатор, возле которого весело возился Володя.

Там были серые, странно пологие холмы. Кажется, они называются сопки. За ними угадывалось нечто огромное и холодное. Море?... А может, океан? Что тут... протекает поблизости? Могла бы хоть карту посмотреть! Но все случилось так неожиданно, и Лиля так была поражена тем, что ее отправляют на край земли, на самом деле ссылают, да еще так надолго, что никакую карту она не посмотрела, конечно!

– Ну, здравствуй, Чукотка, – негромко сказала женщина сзади, а мальчишка опять заверещал, что не видит папу, и они стали торопливо собираться, и Лиля тоже вдруг повесе-

лела.

Как бы то ни было, она долетела, а это сейчас самое главное.

Воздух после самолетной духоты показался ей холодным и острым. Он моментально разрезал ее застрявшее где-то посредине между легкими и горлом дыхание, и голова закружилась так, что пришлось взяться рукой за ледяной поручень трапа. Этого самого воздуха оказалось много, слишком много, и он был физически осязаем, как нечто другое, не то, чем приходилось дышать всю прошлую жизнь, будто она на чужой планете. И свет вокруг другой, лазоревый, чистый, хотя как свет может быть чистым?

– Милая, поторопись! – гаркнул сзади какой-то дядька. – Одиннадцать часов в дороге, домой охота, спасу нет!

Лиля стала осторожно спускаться, думая, что нужно было все-таки дождаться Володю, который долго возился, с трудом доставая что-то из сумки.

Тут только Лиля сообразила, что холодно, так холодно, что у нее, словно по команде «пли!», застучали зубы. Все пассажиры оказались в пуховиках и дубленках, хотя в Москве были в утлых ветровочках и безделушных пальтишках.

У нее есть с собой теплая куртка, но в багаже, конечно... Дунул ветер, совершенно ледяной и... непохожий на ветер. Как будто дальние холмы – или сопки – вздохнули. Трясущейся от холода рукой Лиля полезла в карман за перчат-

ками. Ей хотелось постоять и посмотреть, попривыкнуть, но она боялась остаться наедине с инопланетными сопками, воздухом и небом.

Звездолет улетит. Колонисты растворятся, исчезнут. Она останется одна, не имея мужества посмотреть в лицо этому новому миру.

В здании аэропорта, современном и сверкающем настолько, что Лиля не поверила своим глазам и даже оглянулась на стеклянную раздвижную дверь, чтобы проверить, на месте ли сопки и небо, было очень тепло, но она все никак не могла перестать трястись. Белые коридоры, залитые ровным светом, чистые окна, хром, никель и огромные цветные постеры на стенах. «Долина реки Пегтымель, – читала Лиля на ходу, смотреть не успевала. – Залив Онемен, селение Наукан».

Не слишком густой людской поток стал притормаживать, останавливаться, и Лиля остановилась и уставилась на фотографию. На фотографии был снег, очень странный снег, упавшийся в горизонт, – впрочем, кажется, и горизонт слеплен из снега, розового, синего, фиолетового и серого. Солнце тоже из снега, выпуклое и ледяное. Под ним разбросаны прямоугольные конфеты в разноцветных бумажках, слегка припорошенные и промерзшие.

«Уэлен – самый северо-восточный поселок России», – было набрано убедительным типографским шрифтом.

Позвольте, как поселок?!. Где поселок?! Лилия носом почти возила по стеклу. Вот эти разноцветные конфеты – до-

ма?! Но... но их так мало, и они такие крошечные по сравнению с огромностью пространства, занятого льдом и небом!

Так не бывает. Просто потому, что не может быть.

– Девушка! Девушка, проходите!..

– А?

– Проходим побыстрее!

Лиля оторвалась от поселка Уэлен и «прошла».

– Паспорт ваш и командировочное удостоверение.

– Что нужно? – не поняла Лиля, оказавшись перед стойкой с надписью «Контроль».

– Ваш паспорт и командировочное.

Лиля полезла в сумку. Никакого удостоверения у нее не было и в помине. Никому там, в Москве, даже в голову не пришло выписывать нечто подобное, зачем?

– Как зачем? – удивилась тетка на «контроле». – У нас здесь пограничная зона, милая. Не хухры-мухры. Нету, что ль, удостоверения?

Лиля растерянно сказала, что нет, и спросила, что теперь делать.

Тетка уверенно заявила, что делать нечего, придется проводить ее, Лилю, к пограничникам, а они уж там пусть решают. Очередь сзади нетерпеливо пошумливала.

У Лили была невразумительная бумажка, которую перед отлетом всучил ей Кирилл. Нечто вроде просьбы о содействии на имя губернатора округа, подписанная каким-то сенатором или депутатом. Лиля ее даже не разворачивала. В

ночь перед отъездом в горе и разгроме сборов ей было решительно не до бумажек, а сейчас она вдруг про нее вспомнила.

– Подождите. – Она стала торопливо копаться в сумке и выкопала наконец-то папку. – Вот это не сойдет?..

Тетка глянула на нее поверх очков, потом на листок в тоненькой файловой папке и вдруг спросила с подозрением:

– Роману Андреевичу, стало быть, адресовано?

И стала читать, шевеля губами.

– Ну, что там застряли-то?! Нельзя побыстрее?! – закричали в очереди.

– Ребят, сил нету, шевелитесь, а?!

– А в чем дело?..

Лиля преданно смотрела на тетку, которая могла пустить или не пустить ее на Чукотку, как будто от этого зависела ее жизнь! Вот ведь странность какая! Хорошо бы не пустили, и тогда с легким сердцем она улетит домой – пересадка в Якутске!.. Но в эту секунду Лиле казалось страшно важным, чтобы тетка разрешила ей высадиться на этой планете, столь непохожей на ту, с которой она явилась.

Тетка дочитала и вернула листочек.

– Проходите, конечно, – сказала с уважением и, как показалось Лиле, некоторой опаской. – Раз такие гости... Чего ж это нас не предупредили? Может, проводить?

– Нет, нет, спасибо большое!.. – Лиля схватила всеильный листок и затолкала в сумку. – А вот эти фотографии чьи? То есть кто фотографировал?

– Так Аркаша Сухонин, кто же? – Тетка удивилась. – Не слышали? Знаменитый фотограф!

– Девушка, проходите! Сколько можно?! Фотографии смотреть в музее будете!

Лиля пробормотала «извините» и пошла по коридору, сначала быстро, а потом все медленнее и медленнее, притормаживая у каждой удивительной фотографии. Люди обгоняли ее, спешили, и получилось так, что в стеклянный зал с багажным транспортером она вышла последней.

– Слушайте, ну где вы пропали-то?

Володю в ярко-красном пуховике она даже не узнала в первую минуту. Володя как-то сразу утратил «московский» вид, который так подбадривал Лилю.

– А у меня ничего такого нет.

– Чего нет?

– Пуховика.

– Здрасьте! А как же зимовать?!

Она пожала плечами:

– Не знаю.

Он фыркнул довольно отчетливо:

– Нет, а вы на Фиджи, что ли, собирались? И по ошибке прилетели на Чукотку?

Лиле не нравился его тон, тоже изменившийся и гораздо более фамильярный, чем полагается самолетному попутчику, и, не отвечая, она стала рассматривать неподвижный транспортер.

...А и правда, как это ей в голову не пришло, что здесь нужны какие-то специальные теплые вещи? В чемодане есть куртка и еще любимая коротенькая дубленочка, привезенная весной из Милана, а больше ничего такого!.. Впрочем, она не полярник и не сноубордист, соответствующей одежды у нее нет и быть не может! Если будет холодно, купит в Анадыре свитер. Наверняка это можно.

Замигала лампочка, транспортер завыл и поехал. Из черной пасти вываливались огромные тяжеленные тюки, запеленутые в целлофан, и, когда они падали на ленту, пол как будто содрогался.

Лилин чемодан без всякого целлофана и содроганий вывалился и поехал.

– Помогите мне, пожалуйста.

– А?.. – Володя, вытянув шею, неотрывно смотрел в черную пасть, боясь пропустить свой багаж. – А, конечно!

Он стащил с транспортера ее багаж, Лиля постояла немного, ожидая, что он сейчас скажет, чтобы она его подождала, но он не обращал на нее внимания. Впрочем, тут все ждали багаж, как появления из проруби щуки, которая должна исполнить три желания!

Волоча чемодан, Лиля вышла в зал прилета, просторный и чистый, как все помещения в этом аэропорту. Здесь толпились встречающие, очень много, неожиданно много. Ее сосед-мальчишка обнимался с дюжим дядькой в летной куртке и все никак не мог наобниматься. Он как будто снова и сно-

ва повторял момент встречи, отбегал немного, разгонялся, раскидывал руки и прыгал на дядьку с воплем:

– Папа!..

Дядька подхватывал его, прижимал, но тот вырывался, отбегал, и все повторялось. Женщина, которая говорила в самолете, что краше Анадыря нет ничего на свете, держала дядьку за куртку, что-то тараторила, смеялась и совалась поближе.

Лиля улыбнулась.

«Когда я вернусь в Москву и Кирилл меня будет встречать, я тоже с разбегу стану на него прыгать, как этот мальчишка!.. И раз, и два, и... сколько захочется. А он будет обнимать меня и прижимать к себе, и я буду чувствовать его запах и вкус, единственный на свете.

...Я не буду об этом думать. Не буду, и все тут. Где здесь стоянка такси?..»

Она вышла на улицу, под широкий козырек, совершенно позабыв о том, что находится на другой планете. Тем не менее планета была другая. Отсюда сопки казались огромней и... могущественней. Понятно стало, что они далеки и равнодушны, и снег лежит на них как-то не так, поперек, длинными неровными лентами. Никаких сияющих вершин, веселых и ослепительных, как в Альпах. Они были серыми, желтыми, голубыми и шли волнами, как будто на этой планете волны есть не только на море, но и на суше. Впрочем, кто сказал, что сопки – суша? Это на нашей, привычной и обжи-

той Земле так считается, а как здесь – неизвестно, неизвестно...

Холод тоже жил тут какой-то особенной жизнью, он был осязаем, и его можно было трогать. Лиля вытащила руку из кармана и потрогала холод. Он оказался плотный, абсолютно чуждый и слегка обжигал. И лазоревый свет, лежащий на всем вокруг!

Почему-то она стояла на высоком крыльце совершенно одна – ни людей, ни машин. Она трогала холод, смотрела на сопки, напрочь позабыв о том, что ей нужно искать такси, а потом куда-то ехать и там, куда она придет, что-то делать!

Она очнулась от того, что близко заговорили, раздраженно и громко, и в первую секунду ей показались неправильными эти голоса, нарушившие чуждость и отстраненность другой планеты.

Лиля спрятала руку в карман, помедлила, обернулась и посмотрела.

Ссорились двое, он и она. Он – высокий, квадратный, как будто с подкладными плечами. Он не мог устоять на месте, широко шагал до самых ступеней, как будто собирался во все уйти, возвращался к ней, засовывал и вынимал из карманов увесистые кулачищи, дергал «молнию» кожаной летной куртки. Она – фигуристая, нарядная, с нестерпимым блеском, затмевающим лазоревый свет. Блестело все: веки, волосы, серьги, вышивка на свитере и побрякушки на куртке.

– Я тебе говорю, Саша, с меня хватит, а ты знаешь, я зря

слов на ветер не бросаю! Что ты нос воротишь? Что воротишь? Куда опять пошел?! Нет, ты сюда подойди! Ты в глаза мне посмотри, а не вороти!

– Оль, ну что ты опять завела-то? Места другого не наша?

– Да у тебя каждое место – не место, все равно подходящего не найдешь, а вот я точно говорю: уйду я от тебя и жить с тобой не буду, ни за что не буду! Ты мне сколько лет перевод обещаешь? Нет, ты ответь, ответь!.. До зимы, сказал, точно уедем, а теперь выходит, обратно никуда мы не уедем! А я больше не могу! Не желаю я такой жизнью жить, она у меня одна! Может, у тебя десять, а у меня-то одна! И я ее здесь больше тратить не стану!

– Оль, поедem домой, а? Там поговорим. Ну что такое, ей-богу! В этом году не получилось, в следующем переведут!

– Да-а-а, переведут тебя, держи карман! Вот как тебя переведут! – И женщина показала мужчине переливающуюся кольцами и ярко накрашенными ногтями фигу. – Знаю я все твои разговоры! Одни обещания обещаешь! Так вот, я тебе по сердцу говорю – улетаю я! Как борт придет, так и улетаю!

– Оль, ну куда ты улетаешь, а? Ну чего ты несешь? Поедем домой, там давно накрыто все, а я с утра только с Рахманова прилетел и не евши! Я же тебя встречать поехал...

– Вот спасибо так спасибо, встречать он меня поехал, а сам не евши! Тебе только б пожрать, а больше забот нету! А я за мамой, может, скучаю! И за Милочкой!

– Да Милку давно нужно сюда забрать.

– Ку-у-да?! Куда забрать?! В дыру эту?! В холод этот проклятуший?! Культурно выйти некуда! Чего я с тобой, кроме гарнизона да плаца, видела? Вон Маринка Семенова в Италии была, а я где была? А у нее муж, между прочим...

– Оля, все, хватит!

– А я тебе говорю: улетаю! Звони этим своим гаврикам, пусть обратно мне билет заказывают до Москвы! Я хочу, где культура! Ты мне обещал, что после отпуска уже перевод будет, а где он, перевод этот?

– Оля!

Под высокое крылечко невесть откуда подскакал большой черный джип, из него вывалился солдатик с оттопыренными ушами, вскинул руку и затараторил, вылупив глаза:

– Товарищ полковник, вещи получены и погружены в соответствии с вашими указаниями, готовы к отправлению!

– погоди ты, Сережа!..

Блестящая Оля вдруг бегом бросилась в здание аэропорта, товарищ полковник ринулся за ней, а Лиля и солдатик остались. Лиля на крыльце, а солдатик внизу.

Солдатик, помедлив, вернулся в джип, где, наверное, было тепло от печки, и Лиля поняла, что замерзла, так замерзла, что пальцы почти не сгибаются.

– Молчанова?! Вы Молчанова?

Она оглянулась.

Из раздвижных дверей вывалилась расхристанная крас-

нощекая деваха и, громко топая, подбежала к Лиле. Та посторонилась немного, мало ли что.

– Вы Молчанова или нет?

Лиля молча кивнула. Деваха казалась ей подозрительной.

– Слава богу! Я вас ищу, ищу! Даже на контроль сбегала, а мне говорят – прошла давно! Как это я вас проглядела?! – Она сорвала с шеи платок и стала им обмахиваться. Ей было жарко. – А вы?! – вдруг накинулась она на Лилю. – Вы что, по сторонам не смотрите совсем?! Я же вас встречаю! С бумажкой! Стою, стою, и нет никого!

– С какой бумажкой?!

– Господи ты боже мой! С обыкновенной! На бумажке написано «Долинская»! Моя фамилия Долинская. Я вас встречаю! Вы что, не видели?

Лиля понятия не имела, что ее кто-то будет встречать, да еще с бумажкой, на которой написана фамилия встречающего! Если б было написано «Молчанова», она, может быть, и обратила бы внимание, а неизвестную ей Долинскую уж точно не заметила.

– У-уф, жарко, забегалась я! Здравствуйте. – Тут деваха улыбнулась широкой улыбкой, и Лиля ни с того ни с сего ревниво подумала, что у нее, Лили, никогда не было и не будет таких зубов. – Нам вообще-то поторапливаться надо, сейчас баржи все уйдут, будем на этой стороне еще три часа куковать, а может, и больше, однако, дует немного!

Деваха лихо сунула косынку в карман и протянула Лиле

руку:

– Алена Долинская, главный редактор радио «Пурга».

Точно! «Пурга», а вовсе не «Метель» и не «Буран»!

– Лилия, – представиться «по всей форме» Лиля не могла, потому что решительно не знала, как называется ее должность. Куратор? Надсмотрщик? И поэтому сказала глупость: – Из Москвы.

Деваха засмеялась:

– Да мы в курсе! Вся радиостанция на ушах, никто не знает, что теперь с нами будет! А вы?

– Что?

– Вы знаете, что будет?

Долинская вдруг стала серьезной, и Лиля поняла, что она, пожалуй, совсем не такая, как кажется на первый взгляд. У нее были внимательные темные глаза, выписанные искусно и тонко, как у княгинь на картинах художника Глазунова, свежее молодое лицо и блестящие темные волосы, которые она то и дело заправляла за уши длинными красными от ветра пальцами.

– Ну да ладно, потом поговорим! Нам поторапливаться надо, говорю же! Уж все баржи ушли! Коля попросил капитана, он последнюю для нас придерживает, но долго все равно не продержится! Ну чего? Бежим?

Лиля ничего не поняла. Какая баржа? Какой капитан?

– У нас машина вон, за углом. Сюда, однако, не поедешь, только по пропускам. Весь народ тем выходом выхо-

дит. А вещи где? Нет, чемодан я вижу, а вещи-то где? Или потом придут?

Алена подхватила чемодан, сильно перегнулась на одну сторону и поволокла его по ступеням. Лиля металась рядом, пытаясь отнять чемодан, как болонка вокруг мастифа – совершенно без толку.

– Коля! – с середины лестницы грянула Алена, не отпуская, однако, багаж. – Коля, где ты там?!

Из-за угла выскочил мужик, всплеснул руками, выплюнул сигарету, взбежал по ступеням и перехватил чемодан. Лиля решительно не знала, что должна делать.

– Давай, – поторопила Алена. – Мы на «ты», да? Замерзла, что ли? Вон машинка наша, сейчас отогреешься.

Машинка, сопевшая двигателем поблизости, представляла собой доисторическое тупорылое сооружение на колесах, грязно-зеленого колера, кое-где побитого ржавчиной.

– Ты вперед или назад? – Алена распахнула дверь, обитую с внутренней стороны чем-то вроде старого войлочного одеяла. Винил сидений давно потрескался, и на них тоже лежали какие-то подстилки. – Полезай, ты прям зубами стучишь!

Лиля осторожно занесла ногу в лакированном ботинке, влезла в салон, села на подстилку и выпрямилась. Длинная черная палка, приводившая в движение механизм, поехала, и дверь захлопнулась.

Алена взобралась на переднее сиденье, диковинная машина натужно взвыла и двинулась.

– Это «батон», – перекрикивая вой мотора, оживленно объясняла Алена. Когда машину бросало из стороны в сторону, она хваталась за все подряд: за виниловую спинку, за потолок, за черную палку на двери. – Потряхивает маленько, а так – всем машинам машина! Особенно если шофер не подведет! А, Коль?!

Коля, за все время не сказавший ни слова, посмотрел на прыгающую Лилию в крохотное зеркало заднего вида и улыбнулся.

– Коля у нас лучший! Два раза в тундре пурговал, один раз под самый Новый год, помнишь, Коль? И ничего, не замерз! А все потому, что машина у него всегда в порядке! Ну вот, этот поселок называется Угольные Копи. Уголь здесь добывают еще с тридцатых! Сейчас уж четвертая по счету шахта! Анадырь топят и на всю Чукотку везут. В Эгвекинот специальные баржи ходят, «угольщики».

Дорога стала лучше, и Лиля пригнулась, сунулась в самое окошко, чтобы все видеть. Кругом раскинулись огромные черные холмы угольных отвалов, мертвые остовы транспортеров, они проезжали брошенные постройки, полусгнившие вагоны, гигантские железные бочки, похожие на истлевшие корабли пришельцев, рельсы, ведущие к странным апокалиптическим сооружениям и обрывающиеся в мелких озерцах с неестественно синей водой.

Пейзаж вызывал ощущение застывшей катастрофы.

«Батон» – всем машинам машина! – трясся и подпрыги-

вал, и Лилю мотало из стороны в сторону. Ей не хотелось смотреть на застывший мир вокруг, но оторваться от него она не могла.

– Это уже город?!

Алена обернулась:

– Не-ет, говорю же, Угольные Копи! Анадырь на той стороне!

– На той стороне чего?

– Лимана! Нам еще через лиман идти!

– Какой лиман?!

Алена засмеялась и махнула рукой:

– Сейчас увидишь.

«Батон» всхрюкнул, поднатужился, вознесся на невысокую горку – галька сыпалась из-под колес – и съехал прямо на берег, за которым простиралась какая-то большая вода, всклокоченная, желтая и злая. Возле берега болтался широкозадый катер, обветренный, давно не крашенный. Синий дизельный дым крутился над трубой. С кормы были брошены широкие деревянные мостки.

– Слава богу, не ушел, – пробормотала Алена и полезла из кабины. – Ты сиди, не выходи! – крикнула она Лиле. – Холодно!

Нажав на черную пластмассовую палку, Лиля распахнула дверь и выпрыгнула.

Что это, в ужасе спросили ее лакированные ботинки и приняхались. Угольная пыль?! Угольная пыль!!!

Дышать на улице было нельзя – ветер не давал. Его оказалось так много и он был такой плотный, что втянуть его в себя не получалось. Ветер мимоходом залез Лиле в волосы, и под пальто, и в уши, и за шиворот. Впрочем, до Лили ему не было никакого дела. Он играл с водой, злил, веселил и шевелил ее, и желтые волны, исходящие пеной, отвечали ему яростью.

– Зачем ты вышла?! Окоченеешь! Лезь в кабину!

– А на чем мы поплывем? – крикнула Лиля, отворачиваясь от брызг.

– Как?! На барже! Спасибо капитану, дождался нас!

Знатный шофер Коля заскочил в свою знатную машину и стал сдавать задом, прицеливаясь на деревянные мостки, ходуном ходившие по гальке. Дерево скрипело, и баркас – а может, баржа – приплясывал на воде.

– Он не заедет, – пробормотала Лиля.

– Что?!

Но Лиля не отвечала, смотрела, как «батон», едва не забуксовав на гальке, стал взбираться по мосткам на палубу. Мужики, курившие поблизости, махали бычками и показывали, куда крутить. Шофер Коля газанул, «батон» перевалил через стык и аккуратно причалил на палубу, вровень с какой-то еще машиной.

– Пойдем! – Алена потянула Лилю за рукав. – Сейчас на воде совсем холодно будет.

Протиснувшись между деревянным, обшитым побитой

резиной бортом баржи и боком «батона», Лиля кое-как открыла дверь и забралась в узкую щель на свое место. В «батоне» было тепло, тихо, пахло табаком, и радио играло и пело – красота!

– Сейчас покачает немного. Видишь, ветер поднимается. Ты как? Качку переносишь?

Лиля понятия не имела, переносит или нет. Когда Кирилл катал ее на катере по Пестовскому водохранилищу, вроде переносила, но здесь совсем другая качка!

Баржа заревела, загремели цепи, застучал движок, она стала неуклюже разворачиваться, а потом пошла, ныряя в желтые и зеленые волны.

Лиля была как будто без сознания немного.

– Как только лед придет, навигацию закроют, – говорила на переднем сиденье Алена, – до аэропорта можно будет добраться только на вертолете. А зимой уже на машинах, это удобно.

– Как на машинах?

– По льду. Очень просто.

Солнце вдруг выглянуло из-за низких туч, как будто проткнув их насквозь, и один-единственный луч уперся в воду, сделав ее изумрудной, и страшно стало, и весело.

С левой стороны, далеко, проявилась скала, тоже освещенная солнцем, и Лиля спросила, что это.

– Алюмка! – объяснила Алена. – Островок такой. Раньше вроде военная база была, секретная, а потом военные ушли.

Там гнездовья птиц, самых разных, некоторые даже в Красную книгу занесены!..

Шофер Коля закурил, вздохнул и сел вольготно. Спыхватился и спросил:

– Можно покурить?

Лиля ненавидела пиво, сигареты и всякого рода распущенность. Считала это плебейством, недостойным просвещенного жителя двадцать первого века. Даже когда курили на улице, она старалась как можно быстрее пробежать мимо или просила воздержаться – если, допустим, мероприятие проводилось на открытом воздухе, а там какие-нибудь бессовестные курильщики.

– Ничего, если я покурю-то? Я в окошко!

– Курите! – сказала Лиля быстро. – Курите, конечно.

Зеленый луч исчез, вода стала коричневой и бурой, и берег уходил все дальше, а тот, другой, все никак не приближался, хотя движок молотил изо всех сил и пахло соляжкой. Лиля смотрела в окно, в нос и в рот вместе с соляжкой лез дешевый табак, радио пело.

Где я, думала она, а волны все плясали вокруг, и баржу сильно качало. Что со мной? И я ли это?..

Вдруг гладкая голова, довольно большая, вынырнула совсем рядом с бортом, покачалась немного и ушла под воду.

– Там кто-то есть! Вон там, там!!

Коля от неожиданности поперхнулся и закашлялся, Алена взглянула на него, а потом в забрызганное окошко.

– Где есть-то?

– Ну, там, в воде!..

– Так нерпа, кому ж там быть! – Она засмеялась. – Их тут полно. Белухи, должно быть, рядом. Когда косяк идет, нерпы всегда за ним следом. За белухами рыбу подьедают.

Лиля смотрела не отрываясь, и ей казалось, что волны качаются у нее в голове. Вон вынырнула еще одна усатая и гладкая морда, следом еще и еще!

– Кто такие белухи?

– Арктические киты! Белые! Они через лиман в океан идут! Во-о-он спина, видишь?!

Между бурунами переваливалось нечто громадное, первобытное и на самом деле белое. Это белое некоторое время оставалось над водой, словно в глубине перекачивалось огромное, толстое и широкое колесо, а потом скрылось и снова возникло далеко в стороне.

– В эфире радио «Пурга», – очень правильным мужским голосом сказал приемник, перестав петь. – Как всегда, в это время дня с вами Олег Преображенцев. Через полчаса у нас будет программа по заявкам, на всякий случай напоминаю телефон и короткий номер для СМС-сообщений. В чат тоже можете заходить, но я сейчас никому отвечать не буду, договорились?

Олег Преображенцев говорил абсолютно свободно, легко и четко, в микрофон не сопел, не мямлил, не тянул, не пыжился, он просто говорил как высококлассный и опытный

диджей.

– Можно чуть погромче? – попросила Лиля, и Коля прибавил звук.

– Моя смена в восемь часов, – сказала Алена, когда грянула песня. – Я тебя поселю и сразу на работу. Мы по два часа в эфире. Только ночного ведущего нет, не найдем никак, хотя вахтовиков полно, дежурных всяких, кто по ночам работает, и они все время жалуются, что скучно, самое время на радио позвонить, о жизни поговорить, а не с кем!

– Он что, в Москве учился?

– Кто?

– Ну, этот Олег Преображенцев?

Алена с Колей переглянулись.

– Преображенцев, по-моему, из Уэлена. А что?

– Он хорошо говорит, – пробормотала Лиля.

Алена пожала плечами, довольно холодно:

– У нас все хорошо говорят. С музыкой не всегда одинаково, фонотека старая, дисков много, а толку мало.

– А охват?

– Вся Чукотка. От Хатырки до Певека. И поселки слушают, и города. В стойбищах мы вообще как родные, – Алена вдруг засмеялась, – где сигнал принимается! А нас почти везде слышно, на этот счет губернатор постарался, ретрансляторов наставил. Приезжаешь в какое-нибудь кочевье, в сторону от Маркова еще километров двести, только рот откроешь здрасте сказать, а тут со всех сторон: «Алена,

это вы?! Мы вас каждый вечер слушаем, и голос ваш узнали!» На Чукотке радио – первое дело, без него пропадешь. И в вездеходах его слушают, и на кораблях, и метеорологи, и геологи, и строители, да все!

Ничего себе, подумала Лиля. Вот тебе и моржи с оленями!..

Олег Преображенцев опять заговорил, на этот раз про погоду, очень складно, и голос был хорош, очень хорош, и Лиля вдруг представила себе, что она с ним познакомится и узнает его по голосу, как узнают Алену в этих... как она там сказала... становищах, и мысль эта доставила ей удовольствие.

Движок стучал, музыка звучала, гигантские белые спины перекатывались вдалеке.

Баржу сильно качало, переваливало с борта на борт, и приходилось все чаще сглатывать слюну, которая ни с того ни с сего стала застревать в горле, и коричневые и бурые волны, невесть как оказавшиеся у Лили в голове, заливали глаза, и она поняла, что ей нужно срочно выйти.

– Что такое?! Ты куда?! Укачало, что ли?!

Лиля кое-как вывалилась из «батона» в узкую щель, зажмурилась и на ощупь взялась обеими руками за борт, покрытый твердой, изъеденной солью резиной.

От холода тошнота сразу прошла, только голова сильно кружилась, и она еще постояла с закрытыми глазами, часто и коротко дыша. Мелкая водяная пыль летела в лицо, и ледяной ветер моментально пробрался сквозь все ее одежды,

так что ознобно стало даже позвоночнику.

– Ну что? Лучше?

Лиля сквозь зубы что-то промычала. Ей сейчас не требовалось ничье сочувствие, ей требовалось отсутствие зрителей!

Она открыла глаза и замерла. На той стороне раскинулся разноцветный город – на самом деле разноцветный! Город поднимался вверх от береговой линии, розовый, голубой и зеленый, и казался нарисованным на коричневом и сером фоне. Он начинался сразу за яркими клювами портовых кранов, и продолжался, и расходился в стороны, и небо над ним было очень синим, как будто специально оставленным для того, чтобы город обрамился рамкой из синего неба и коричневой воды!

– Анадырь, – сказала Алена таким тоном, как будто она Витус Беринг и только что самолично открыла невиданное раньше чудесное чудо.

– А почему он... цветной? Разве бывают цветные города?!

– На Арктическом побережье бывают, – ответила Алена как ни в чем не бывало и поплотнее запахнула куртку. – Тут мало света, понимаешь? Полярная ночь! И ярких красок не хватает! Глаза устают очень, люди болеют! Анадырь раньше тоже весь серый был, а потом, когда новый губернатор пришел, стали его раскрашивать! Все теперь разноцветные: и Эгвекино, и Билибино, и Уэлен, и Певек!.. Потихоньку-полегоньку, глядишь, и выбе-ремся.

– Откуда?

Алена махнула рукой:

– Что тут пятнадцать лет назад было, вспомнить страшно! У кого ни спроси, тебе всякий скажет! А сейчас получше, полегче. Губернатор у нас правильный мужик, я же говорю!

– А так бывает? – Лиля не могла оторвать глаз от разноцветного города – абсолютно человеческого посреди чужой планеты! – Так бывает, чтоб губернатор был правильный? Из бюджета не все деньги украл, немного на краски оставил?..

Тут Алена вдруг крепко взяла ее за руку. Ладонь была холодной и жесткой.

– Ты, если чего не знаешь, не говори, – посоветовала она таким же холодным и жестким тоном. – Поживешь с нами немножко, может, поймешь чего. Ясно тебе?

Лилия кивнула не слишком уверенно. Что именно задело главного редактора радио «Пурга»? Она же ничего такого не сказала! А если сказала, то что именно? А может, у них тут культ личности этого самого губернатора, и он для них «отец народов», как Иосиф Виссарионович, Мао Цзэдун или сам товарищ Ким Ир Сен? Вопросов задавать нельзя, можно только восхвалять?..

Баржа заревела, наддала движком и стала поворачивать к причалу. У Лили заболела шея от того, что она все время смотрела вверх, на разноцветный город, и холодно было так, что зубы стучали всерьез. Когда «батон» следом за каким-то ухарским джипом съехал на гальку и Лилия забралась в него,

ей показалось, что салон с просиженными виниловыми сиденьями, ворсистыми подстилками и табачной вонью – самое прекрасное место на земле.

Прекрасное, потому что теплое.

– Вот это коса Святого Александра, с нее Анадырь когда-то пошел, и тогда он назывался Ново-Мариинск. Раньше только здесь строились, на косе, уж потом Анадырь за речку переехал. Видишь мост? Речка Казачка называется!..

Лиля не видела никакого моста. Она вся тряслась, пытаясь согреться, дула в ладони.

«Батон» взревел, поднимаясь в горку между разноцветными домами. Странное дело, они стояли не на земле, а на сваях, довольно высоких.

– Ну, конечно, а как же? – удивилась Алена, когда трясущаяся Лиля спросила. – Тут же мерзлота! Вечная! Только на сваях и ставят. Смотри, вон колледж, тоже при новом губернаторе построили! Видишь, красота какая!

Лиля посмотрела. Здания были из золотистого камня, стояли широко, просторно, врезанные в лазоревый чистый свет. На самом деле красота!

«Батон» повернул и бодро покатыл по улице. Асфальт был гладкий и блестел, как стекло и разноцветные дома на сваях!

– Здесь городская библиотека, крылечко высокое, а вон «Полярный», сюда кино самое новое привозят и группы всякие на гастроли приезжают! Его тоже перестроили, у нас тут много чего перестроили! А на Новый год как красиво, иллю-

минация кругом, елки!

Лилю вдруг стал раздражать жизнерадостный Аленин восторг. Как будто она, Лиля, из глухой тамбовской деревни первый раз приехала в приличный город, и ей с гордостью показывают «красоты» цивилизации – вот школа, вот больница, а вот, ты гляди, гляди, кинотеатр!..

– Ну, сейчас на светофоре направо! В Анадыре теперь два светофора, представляешь? Гостиница твоя у нас самая лучшая, между прочим! Архитектора приглашали то ли из Италии, то ли еще откуда! И строили долго, старались.

– Губернатор старался?

Но Алена не заметила никакого сарказма.

– Ну, конечно! Он как пришел сюда, на Чукотку, так сразу стал зимники строить, ну, дороги, жильё ремонтировать, много всякого! И вот гостиницу эту! У нас еще одна есть, по канадской технологии, но попроще. Между прочим, как только эта открылась, сразу с материка всякое большое начальство повалило. Жить-то есть где! Президент был, министр обороны был, премьер тоже. Может, еще приедут!

Классный водитель Коля остановил «батон» как-то странно, не вдоль и не поперек стоянки, попробовал бы он в Москве так машину бросить! Впрочем, на асфальтовом пятчке перед стеклянными гостиничными дверями больше никого не было, на свободное место никто не претендовал, и это казалось непривычным.

Лиля выбралась из теплого прокуренного нутра на ле-

дяной чистый простор, зубы моментально застучали, и она опять затряслась.

Двери были узкие, двойные – чтоб тепло не выдувало, объяснила Алена, протискиваясь, – а дальше полукруглые мраморные ступени, плитка, красное полированное дерево, зеркала, лепнина, хрустальные светильники, картины в тяжелых рамах, и очень тепло, сказочно тепло.

Лиля приободрилась.

Пожалуй, в гостинице «Чукотка» она как-нибудь протянет, это вам не вокзальный буфет с липкими стаканами!

Пожалуй, местный губернатор на самом деле молодец.

Пожалуй, можно его похвалить.

– А ресторан здесь есть? – спросила она девушку за конторкой моментально вернувшимся особым, московским тоном. Девушка казалась растерянной, и Лиля отнесла ее растерянность на счет своего столичного вида. – Кофе хочется!

Девушка сказала, что ресторан есть, конечно же, можно пройти туда прямо сейчас. Лиля заявила, что для начала ей хотелось бы пройти в номер. Алена ничего не говорила, рассматривала сувениры в сияющей витрине, переминалась с ноги на ногу.

– Вы заказывали? – спросила растерянная девушка. – Номер?

– Из Москвы заказывали, – устало ответила Лиля. Скорее бы в ванну, кофе и поспать. От тепла и окружающего привычного комфорта ей вдруг страшно захотелось спать, и она

поняла, как устала. – Моя фамилия Молчанова.

– А... когда заказывали?

– Девушка, я вас умоляю! – Лиля длинно вздохнула, стараясь не раздражаться. Конечно, это не Москва, быстро работать они не приучены, но хоть как-то же они должны работать! – Заказывали три дня назад. Холдинг «Московское время». Вы посмотрите получше!

– Но у нас все занято, – сказала девушка виновато. – На самом деле занято! С Аляски большая делегация прилетела, они все у нас живут. И еще две недели будут жить. Ни одного свободного номера.

Лиля не поверила ни единому слову, она даже не поняла ничего! Как такое возможно, чтобы в гостинице «Чукотка» города Анадыря не было ни одного свободного номера?!

А вот Алена оказалась сообразительней.

– Маша, – обратилась она, глянув на приколотую к форменной курточке табличку с именем, – узнайте, пожалуйста, из холдинга «Московское время» звонили или нет? И когда?..

Получив четкие указания, девушка с облегчением кивнула и взялась за телефон, а Алена увела несколько упирившуюся Лилю под шикарную развесистую люстру.

– А ты давай в Москву звони, – велела она негромко, – кто там чего напутал! И не переживай, не переживай, найдем мы тебе жилье!

– Как это найдем жилье?! У меня номер в гостинице за-

казан! Именно в этой! Никто ничего не напутал, это у вас тут напутали...

– Делегация с Аляски на самом деле прилетела, – понизив голос, сообщила Алена. – У них каждую осень бывает конференция коренных народов. Я точно знаю, к нам на радиостанцию все новости в первую очередь поступают. Так что вполне возможно, что мест нет. Звони.

Чуть не плача от досады, злясь и уже понимая, что номера ей не видать, Лиля принялась звонить в Москву, и это было мучение, и оно продолжалось долго.

Телефон или вовсе не соединялся, или соединялся с каким-то невероятным трудом, звонки падали в пустоту и глухоту, никто не отвечал – еще бы!.. Там, куда Лиля звонила, никто не начинал работать в шесть утра.

Еще она дала себе слово, что Кириллу звонить ни за что не станет.

Алена повздыхала рядом, отошла к конторке, и они стали о чем-то совещаться с дежурной, а Лиля все нажимала кнопки, совершенно одна – свой среди чужих!..

Примерно через полчаса ей удалось добыть в недрах записной книжки мобильный номер секретарши Риты, та трубку сняла, сначала ничего не поняла, долго переспрашивала, и голос у нее был сонный и перепуганный. Пообещав что-нибудь выяснить, секретарша Рита из Лилиной жизни исчезла – мобильный на все призывы отвечал, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны»...

Лиля пришла в отчаяние. Что делать?! Ну что?!

Еще минут двадцать ушло на бессмысленные терзания и попытки соединиться с Ритой, наборы всех номеров подряд, а когда она дозвонилась до Димы, заместителя Кирилла, он тоже ничего не понял, переспрашивал и вообще, похоже, Лилю не узнал.

Алена подошла и стала рядом:

– Ну что?

Лиля подняла на нее глаза.

– Поедем ко мне, – предложила Алена. – Примешь душ, в себя придешь. Я все равно сейчас на работу пойду!

Мыкаться в городе Анадыре в чужой квартире, куда приглашают из милости, потому что больше девать ее некуда, – нет уж, спасибо!.. И потом, Лиля представляет новое московское начальство, а Алена старое местное! Есть же корпоративная и профессиональная этика, в конце концов!

Или здесь нет корпоративной и профессиональной этики?

Телефон вдруг зазвонил у нее в руке – он молчал сутки, нет, больше суток и вдруг зазвонил, сам! Звук громко и радостно отдавался от мраморных стен и высоченных потолков, и от неожиданности Лиля трубку чуть не уронила!

– Молчанова, – сказал в трубке Кирилл. – Ты чего там в истерике бьешься? Всю Москву на ноги подняла, какого лешего?!

– Как... какого лешего? – пролепетала Лиля. – Я в Анадыре, и мне жить негде. Мне гостиницу не заказали!

– Ой, да все тебе заказали! Там в какой-то мест не было, у них смотр эскимосского пения! Так тебе в другой заказали.

– В какой... другой, Кирилл? И почему мне ничего не сказали?

– Ты чего, Молчанова?! Совсем ку-ку? Ни одной проблемы без меня решить не можешь?! Откуда я знаю, что там тебе сказали, а чего не сказали! Димку взбаламутила, он меня! Смотри, я сейчас Марье Павловне позвонил, заметь, еще не рассвело, а я уже позвонил. Тебе там сняли какую-то квартиру. Сейчас... Ох, елки-палки! Вот: улица Отке, дом семнадцать. Там специальные люди сдают специальное жилье командированным. Ну, надо же, Отке еще какой-то, хорошо не Шнитке! Поняла, Молчанова? Или нас разъединили?

– Какую квартиру, Кирилл? – выговорила Лиля с трудом. – А?! Как я там буду жить?!

– Квартиру? – переспросила рядом Алена. – Где?

– Как люди живут! И голову включай, включай, Молчанова! Я за тебя должен все вопросы решать, что ли?! Все, давай, пока. Целую. Отке, семнадцать, не перепутай только! И не звони ты нормальным людям в шесть утра!

Лиля опустила телефон и потерла загоревшееся ухо. И посмотрела вверх, на Алену.

– На улице Отке, – выговорила она очень старательно. – Какая-то квартира для командированных.

– А, так это у Тани слевой. – Алена рассматривала ее, как будто опасалась, что Лиля хлопнется в обморок. – У них

такой бизнес. Несколько квартир, они их сдают. Тут рядом совсем, за углом. Давай поднимайся потихонечку, и пойдем. Может, оно и правильно, что у Левы с Таней! В гостинице дорого очень выйдет, а ты же надолго приехала! Ничего, ничего, обойдется, однако. Все будет хорошо.

Лиля ненавидела это выражение! Что будет? Когда будет? У кого будет?!

Через двадцать минут дело было сделано.

Вместе с чемоданом Лиля оказалась на третьем этаже самого обыкновенного панельного дома – и наплевать ей сто раз, что панели раскрашены в разные цвета! Подумаешь, красота! В квартире была комнатка, смотревшая окном на сопки, с гардеробом и кроваткой, узкий коридор, крохотная кухня и еще более крохотная ванная.

Пахло чем-то горелым.

– Если в душ хотите, воду нужно заранее открывать, она у нас тундровая, черная, – предупредила хозяйка. – Все собираемся фильтры поставить. Ну, устраивайтесь. Если что, мой телефон вон на бумажке записан, я под зеркало положила.

– Ну и отлично! – бодро подытожила Алена, которая все как будто не решалась уйти и оставить Лилю одну. – Зато сама себе хозяйка! Когда захотела, ушла, когда захотела, пришла. Таня слевой очень симпатичные, да и я тут рядом.

Лиля кивнула. Она смотрела в окно, за которым начался дождь. Дрожащие от ветра струи вкривь и вкось растекались по давно не мытому стеклу.

Алена вздохнула:

– А одежда у тебя есть?

Лиля обернулась и взглянула на нее.

– Понятно. – Алена опять вздохнула. – Значит, так. Пуховик я тебе принесу, а насчет обуви... даже не знаю. У тебя какой размер?

– Алэн, я очень устала, – сказала Лиля. – Спасибо большое, но...

– На улице Ленина дедок один есть, шьет торбаса. Он летом в тундре, а осенью в город переезжает. Там вывеска, не потеряешься. Сходи купи, пока не разобрали. Я тебе серьезно говорю.

– Что... шьет? – переспросила Лиля.

Если Алена скажет еще хоть слово, она набросится на нее с кулаками, вытолкает вон, завизжит, совершит что-нибудь отвратительное, неприличное, мерзкое.

Кажется, Алена все поняла, потому что постояла немного, покачала головой, усмехнулась и вышла, а Лиля осталась.

Сопки за тонкой сеткой дождя придвинулись и потемнели. Небо навалилось на них сырой промозглой тяжестью, и Лиля подумала, что так теперь будет всегда – никакого про света, только сырая промозглая тяжесть на чужой планете.

Она посидела сначала на кухне – возле шаткого стола на такой же шаткой табуретке. Потом на кровати, застланной тонким пикейным покрывальцем.

Положение представлялось ей не просто безнадежным, а катастрофически безнадежным. Раскладывать чемодан не имеет смысла – завтра же она вернется в Москву.

Возвращаться в Москву не имеет смысла – ее там никто не ждет.

Смутная мысль о том, что ее не просто выставили из прежней жизни, а выставили с дальним прицелом, только еще пока непонятно каким, выползла из глубины мозга и заняла сознание полностью, целиком, как толстый тяжелый удав занимает все пространство тесного террариума. Куда ни помотришь, все те же жирные омерзительные кольца.

Постучав, заглянула хозяйка, как ее, Зина, Маша, сказала что-то про обед. Лиля покачала головой. Ни Зину, ни Машу, ни обед она сейчас видеть не могла.

В конце концов, изнемогая под тяжестью удава в голове, она поднялась и вышла на улицу.

Дождь кончился, и сильно похолодало. С той стороны, где была большая коричневая вода, а за ней на другом берегу сопки и какие-то громадные круглые белые сооружения, то ли шатры, то ли непонятные емкости, несло ледяным ветром. Тротуары блестели, как стеклянные, и Лиля боялась поскользнуться и упасть.

Она натянула перчатки – что от них толку, от этих перчаток! – подняла воротник и быстро пошла вверх по широкой улице. Немногочисленные машины притормаживали, пропуская пешеходов, в странных, непривычных зданиях го-

рели огни, там, должно быть, хорошо, тепло!..

Замерзла она очень быстро и как-то окончательно. Пальцы в лакированных ботинках заледенели, и ветер не отставал, забирался внутрь ее пальтишка, и она чувствовала себя совершенно беззащитной, как будто вовсе без одежды.

Хорошо бы простудиться и умереть. Чем быстрее, тем лучше. Не придется мучиться и носить в голове жирного удава.

Она все шла и шла, когда улица поворачивала, Лиля тоже поворачивала, когда взбиралась в гору, тоже взбиралась, и ей казалось, что сейчас она дойдет до такого места, где земля кончится – ведь он где-то поблизости, этот самый край земли!.. Она окажется над обрывом, за которым бездна, космос, и камушки будут сыпаться из-под ее лакированных ботинок, пропадая в немислимой пустоте.

Вместо края земли она дошла до какого-то длинного дома. Он стоял вдоль холма на тонких журавлиных ногах, и к подъездам вели чугунные узкие лестнички, упирившиеся в крылечки.

«Пошив торбасов, 5-й этаж, кв. 17», – прочитала Лиля на одном из подъездов. «Пошив» был старательно выведен синей краской.

Ни о чем не думая, она взбежала по чугунным ступеням, потом забралась по бетонным и потянула на себя дверь. Внутри было не так холодно, ветер остался снаружи.

Держась рукой за крашенные коричневые перила, она стала

подниматься. В подъезде было тихо и сильно пахло жареной рыбой.

Какой-то парень попался ей навстречу, посторонился, пропуская, а потом, кажется, посмотрел вслед. Лиля заспешила. На Севере, как известно, сплошь преступный элемент, вдруг и этот преступный?

На площадке было всего две квартиры. Дверь в семнадцатую приоткрыта, Лиля постояла, подумала и позвонила. Если бы не тяжесть в голове, задавившая все мысли, и не Кирилл, сказавший, что она «совсем ку-ку», она ни за что не решилась бы позвонить.

– Открыто, однако!

Лиля потопталась на площадке, подождала – в квартире кто-то ходил – и еще раз позвонила.

Дзы-ынь!.. Дзы-ынь!..

Перед ее носом вдруг возник маленький человек в мятой клетчатой рубаше и тренировочных штанах. В зубах у него была трубка. Трубка дымилась.

Лиля попятилась.

– Чего звонишь, однако? Открыто.

Тут человек повернулся спиной и пошел по темному коридору, заваленному каким-то хламом, мягко и неслышно ступая.

Лиля поняла, что должна немедленно бежать, спастись, но человек снова возник на пороге. Он перемещался как-то совершенно бесшумно.

– Заходи, – велел он, не выпуская изо рта трубки. – В комнату иди.

Почему-то она пошла. В тесноте и темноте крохотного коридора было навалено и наставлено так, что оставалась лишь узкая тропка, по которой никак нельзя было идти, только... пробираться. И воняло невыносимо! Рыбьим жиром, сырой кожей и еще какой-то дрянью.

Лиля добралась до освещенного проема и остановилась. От запаха ее мутило, и она стала дышать ртом, чтобы не вырвало.

В комнате свободным оказался только пяточок посередине, а вокруг него нагромождения немислимого хлама: куски брезента, кожи, шкур, гладкие деревяшки и неструганные доски, заржавленные круглые емкости, о назначении которых ей страшно было даже думать, крюки, цепи.

Лиля обернулась – бежать, бежать немедленно! – и очутилась нос к носу с человеком с трубкой. Он смотрел на нее внимательно. Единственный путь к отступлению отрезан. Разве что в окно кинуться.

– Вуквукай, – вынув трубку изо рта, сказал человек на непонятном языке, но вполне миролюбиво.

– Что?

– Дядя Коля Вуквукай, – повторил он, не меняя тона. – Так меня зовут. Я из Нешкана. Вся моя семья из Нешкана.

– А меня... Молчанова Лилия. Вся моя семья... из Москвы.

– Давно с материка?

– Сегодня. Нет, то есть вчера. Нет, сегодня. Да, точно сегодня.

– Ръапыныл? Какие новости?

Лиля судорожно вздохнула:

– Все благополучно. Россия вступает в ВТО.

Сообщив про ВТО, Лиля почувствовала себя идиоткой. Дядя Коля помолчал.

– Как погода?

Лиля пожала плечами.

– Два дня будет тихо, – сказал дядя Коля Вуквукай. – Потом начнутся ветра и шторма. Потом к берегу пригонит лед. За торбасами пришла?

Лиля кивнула.

Дядя Коля Вуквукай сунул в рот свою трубку, подумал, отогнул брезент и стал что-то вытаскивать. Лиля заглянула – мягкие меховые сапоги, очень красивые. Неожиданно красивые. Она вдруг позабыла о вони и о том, что этот человек может быть опасен.

Она подошла поближе и потрогала.

– Это мужские, однако. Тебе не подойдут. Вот эти подойдут. Пробовать будешь?

Пробовать? А, наверное, мерить!

Она поискала глазами, на что бы сесть, и дядя Коля выдвинул обшарпанный стул без спинки с коричневым кругом посередине, выжженным чем-то горячим. Стул был как буд-

то сальный.

Дядя Коля посмотрел на нее и усмехнулся:

– Однако, ты ко мне в гости пришла, а не я к тебе.

Лиля тоже посмотрела на него, потом быстро села и стянула лакированный ботинок. Дядя Коля запыхал своей трубкой.

– Замечательно, – сказала она, потопала ногой и полюбовалась. – Просто замечательно! И как красиво.

– По тундре ходить, однако. В городе жарко.

– А из чего их делают?

Дядя Коля несколько не удивился и ответил ей как неразумной:

– Из оленьих камусов и нерпичьей кожи. В тундре еще подкладываем мох, чтобы мягче ходить по камням. Погоди, вот тут поправить надо, однако!

Лиля стянула сапог, отдала и сунула ногу в лакированный ботинок, где было влажно, холодно и, кажется, слишком тесно.

– Надолго прилетела? – Дядя Коля откусил толстую нитку и теперь заворачивал торбаса в пожелтевшую газету «Крайний Север».

– Надолго, – сказала Лиля. – До весны.

– Однако, не слишком надолго. А живешь где?

Лиле понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить.

Она заплатила столько, сколько он сказал – не так уж и мало, – и попрощалась.

Дядя Коля Вуквукай покивал.

На улице ей показалось так холодно, что она чуть было не решила надеть свои торбаса из оленьей шкуры – или из чего там? – прямо на лавочке. Смеркалось, и дом на улице Отке она нашла не сразу, пробежала мимо и вернулась.

В квартире на третьем этаже стоял нежилой затхлый дух, и чемодан у застеленной покрывальцем кровати почему-то лишил ее остатков мужества.

Она сунула сверток на стул и зарыдала.

Разбудил ее какой-то звук, не слишком громкий, но назойливый. Бум-бум-бум, потом пауза, потом опять бум-бум-бум. И опять пауза!

Ничего не соображая, Лиля встала и побрела на бумканье. Оказалось, что стучат в дверь.

– К вам можно?

Не зная, можно или нельзя, Лиля повернула ключ.

– Доброе утро! – бодро произнесла женщина, показавшаяся ей совсем незнакомой. – Вы все спите, я забеспокоилась! У нас, когда с материка прилетают, долго к новым часам приспособиться не могут!

– Вы кто?

Женщина удивилась:

– Я Таня! Не узнали? Я вас вчера селила. Время-то уж двенадцатый час, вот я и решила...

– Двенадцатый час... чего? Дня или ночи?

Таня посмотрела на нее.

– Дня, дня, конечно, – выговорила она успокаивающе, – у вас же нет ничего, ни кофе, ни молока, я вот принесла позавтра- кать...

Она проворно нагнулась, и в руках у нее оказался поднос. Лиля уставилась на поднос. Таня протиснулась мимо нее на кухню.

– Тут блинчики горячие, сметана, ну, икра, конечно. В кастрюльке оленинка свежая, только сейчас натушила. В банке кофе, а в пачке сахар. Чайник вот здесь, в уголку, видели уже? Водичку из канистры наливайте!

Лиля изо всех сил потерла лицо и пригладила короткие вихры.

Какая оленинка? Какой чайник? А?..

– Ночью не замерзли? Похолодало что-то! У вас в комнате за шкафом обогреватель, вы его включайте, не стесняйтесь. А будут какие вопросы, к нам заходите! Мы на втором этаже, в двадцать седьмой квартире. Ой, торбаса купили! Это правильно, по зиме самое подходящее. Местной-то одежды лучше нет! Только в городе в них все равно жарковато, тундровая обувь. Ну, завтракайте, а я пойду. Посуду потом принесете или позвоните, я сама за- беру.

Благожелательная и приветливая Таня поулыбалась Лиле еще немного и ушла. Лиля посмотрела на поднос.

...Что такое вчера было? Коричневый лиман, белые арктические киты, черная угольная пыль. Разноцветный город,

клювы портовых кранов. Ветер и холод, от которых почти невозможно дышать.

Кирилл даже не предупредил о том, что жить ей придется не в гостинице, а у чужих людей. Кириллу наплевать, как именно она будет жить. Он три раза повторил, чтобы она «включала голову» и не звонила приличным людям в шесть утра!

Ноги сильно мерзли, и Лиля задумчиво и медленно напялила меховые сапожки, пошитые дядей Колей. Интересно, сколько ему лет? Сто? А может, тридцать?.. Как он сказал: не я у тебя, а ты у меня в гостях?

В крохотном выстуженном помещеньице, где обнаружались хлипкая душевая кабина, зеркало с кривой подставкой в овальной пластмассовой раме, несколько крючков, а на полу розовый тазик с синей розой, Лиля открыла воду, которая, как ни странно, сразу хлынула, по цвету похожая на вчерашний чай. Лиля зачем-то потрясла шланг, будто ожидая, что от ее манипуляций чай перестанет идти, а пойдет нормальная вода.

...Или позавтракать, что ли?..

Меховые сапожки – торбаса! – грели так, как будто ноги обложили горчичиками, хотя ходить неудобно или просто непривычно, что ли? На кухне Лиля плюхнулась на табуретку и пощупала сначала один сапог, потом второй, но за толстым и плотным мехом ничего не нащупалось. Нужно будет потом изнутри проверить, что там, или отнести дяде Коле,

пусть сам проверяет! Все же она ему приличные деньги заплатила!

Лиля поставила чайник и с осторожной брезгливостью заглянула в кастрюльку. Там было тушеное мясо, и пахло от него, между прочим, упоительно. Под фольгой на стеклянной тарелочке оказалась горка блинов, еще горячих, а рядом миска красной икры, самой настоящей. Икры было что-то много, слишком щедро, сметаны поменьше.

Лиля скатала блинчик в трубочку и откусила – вкусно. Сколько времени она не ела?

...Интересно, а блины с икрой и что там еще... – оленина? – входят в стоимость проживания или оплачиваются отдельно?

Не в силах остановиться, Лиля свернула еще один блинчик, подцепила икры, отправила в рот, замычала от удовольствия, продолжая жевать, кое-как насыпала кофе из банки, залила кипятком, щедрой рукой плеснула сливок, сунула палец в холодную сметану, облизала, и тут только ей стало неловко.

Нужно было вежливо поблагодарить и отказаться – она ухватила еще один блин, горкой выложила на него икру, завернула и откусила сразу половину. Как вкусно-то, а! Надо было спросить эту самую Таню, где здесь можно поесть, пойти и позавтракать цивилизованно. Она же москвичка, умница, столичная девушка, а не какой-то там дядя Коля Вуквукай!..

Кстати, торбаса правда неудобные, подвел дядя. По крайней мере правый, правая торбасина! Дядя Коля же что-то с ней возился!

Нет, нет, правый сапог давит, вот как сказали бы цивилизованные столичные люди, хоть бы и заброшенные на край земли судьбой-злодейкой.

Впрочем, неизвестно, что именно должны чувствовать ее ноги в такой странной обуви! Вполне возможно, что они и должны чувствовать себя странно.

Лиля доела все блины до последнего, ложкой подобрала из миски икру, еще раз осторожно понюхала мясо в кастрюльке – пахнет отлично! После этого ей так сладко и обморочно захотелось спать, что она вытянула ноги, которым было тепло и прекрасно в неудобных торбасах, откинула голову, подвигала плечами, пристраиваясь к холодной, до половины крашенной в зеленое стене, и сразу же задремала.

Проснулась она через пять минут. Кошмар, привидевшийся ей в эти минуты, был настолько чудовищен и реален, что, задохнувшись, она вскочила с табуретки, уверенная, что должна бежать, спастись.

Табуретка повалилась с грохотом. Тяжело дыша, Лиля огляделась по сторонам.

Чужая кухня с чужой посудой. За мутным окном – чужая планета. На клеенке красный пластиковый поднос с остатками еды, на полу перевернутая табуретка.

Лиля медленно нагнулась и подняла ее.

Нужно что-то со всем этим делать. Надо что-то делать немедленно!..

Она помчалась в ванную, открыла воду, похожую по цвету на чай. В комнате взволокла на разобранную постель чемодан и стала в нем копать. Вещи, сложенные трепетными и правильными кучками, не годились для этой планеты, а скарфандра у нее в чемодане не было. Она дорылась до куртки и джинсов, вытряхнула их и опять побежала в ванную, на ходу скидывая сапожки.

Она очень спешила, не понимая, куда спешит, как будто от этого зависела ее жизнь, даже руки дрожали, и пришла в себя только на улице, столкнувшись нос к носу с равнодушным и плотным холодом, абсолютно осязаемым и чуждым. Холод не обратил на Лилию никакого внимания, а она от этой встречи сразу затряслась, не спасла ее куртка из чемодана!

Невдалеке за домами виднелись широкая полоса воды, подсвеченная низким солнцем, белые буруны и сопки на той стороне. Лилия не хотела туда смотреть.

У первого же встречного она спросила, где здесь авиакасы, и человек махнул рукой куда-то влево:

– На улице Рультытегина! Вниз пойдете, а там увидите!

Она решила, что сначала все же отнесет торбаса – завернутые в газету «Крайний Север», они были у нее под мышкой, – а потом купит билет в Москву. Хорошо бы дядя Коля смог быстро переделать неудобный правый сапог, чтобы она забрала их с собой – все же экзотика и народные промыслы,

память о единственном дне, проведенном в Анадыре!

Вряд ли она еще когда-нибудь здесь окажется.

Нет, не так. Она больше не окажется здесь никогда.

По тротуару, блестящему под низким солнцем, Лиля добралась до длинного дома с чугунными лестницами. Она была здесь только вчера, но ей показалось, что сто лет назад.

Дверь в квартиру номер семнадцать на пятом этаже все так же оказалась приоткрытой. Лиля сначала позвонила – звонок залился бодрым электрическим звоном на всю площадку, – а потом вошла.

– Здравствуйте! – громко сказала она с порога. – Можно? Я у вас вчера сапоги купила!

Никто не отозвался, и Лиля заглянула в коридорчик, заваленный всякой дрянью. Сегодня не осталось даже тропки, чтобы пробраться в комнату, все было выворочено и навалено, как будто дядя Коля Вуквукай строил здесь баррикады! Кое-как, задерживая дыхание и перешагивая через ведра, брезент, палки, разъехавшиеся кипы пожелтевших газет, тюки и узлы, Лиля добралась до комнаты.

Дядя Коля лежал под окном, зацепившись рукой за батарею, как будто собирался подняться и в последний момент так и не смог. Лиля пролезла к нему, наклонилась и, преодолевая тошноту, потрогала за плечо.

Стеклянные глаза сосредоточенно смотрели в пол. Дядя Коля был абсолютно, окончательно, непоправимо мертв.

– Ничего, ничего! Господи, как же это так вышло-то... Сейчас чайку заварим, а может... Марья Власьевна, Марья Власьевна! У нас вроде коньяк был. Или выпили?

– Я-то не пила, однако!

– Ну, гляньте, гляньте там!

Дверь открылась и закрылась. Лиля, не отрываясь, смотрела в окно на другую планету, которая жила совершенно равнодушной и независимой жизнью. Волны, вскипавшие по верхушкам белой пеной, догоняли друг друга, над дальними сопками толпились облака, и грандиозность пространства отсюда, из окна панельного дома, казалась невероятной. Лилия обеими руками взялась за подоконник, на котором лежали кипы каких-то бумаг, наклонилась вперед и прижалась лбом к холодному стеклу.

– Вы бы сели! Вам нехорошо, да?

– Хорошо, – сказала Лилия.

– Это, конечно, ужас что такое... Я бы, наверное, там сразу бы и упала, а вы молодец!

– Я молодец, – согласилась Лилия.

Женщина суетливо, в несколько приемов переложила стопки книг из кресла на стол и, подумав немного, на пол и подвинула кресло так, что Лиле волей-неволей пришлось в него плюхнуться.

– И как это угораздило его, господи!.. И человек, главное, хороший, пьющий, конечно, сильно, но так, чтобы до белой горячки допиться и такое над собой сотворить!

Дверь опять открылась, впустив немного детских голосов и какого-то школьного шума.

– Вона все, что осталось, Лариса Витальевна. Если больше надо, давай скажи, я до третьего гастронома схожу.

– Ничего не нужно, спасибо, Марья Власьевна.

Лиля все разглядывала сопки и воду – так пристально, как будто в этом был какой-то смысл.

– Я вам вот коньячку сейчас и чайку с сахаром! Вам обязательно нужно с сахаром выпить!.. Ну, глотните, глотните!

Лиля послушно глотнула коньяк из подсунутого стакана зеленого стекла – довольно много, – не почувствовала никакого вкуса и сказала, обращаясь к подоконнику:

– Главное, понимаете, я только вчера у него была, купила сапоги! А сегодня пришла, потому что мне в них неудобно. А он мертвый, вот в чем дело. А я еще очень торопилась, опоздать боялась. И опоздала.

Женщина вздохнула, и та, вторая, кажется, вздохнула тоже.

– Вы молодец большая! Сразу к нам прибежали! Я бы прямо там замертво упала, честное слово.

– Будет врать-то, Лариса Витальевна!

– Да ну вас, Марья Власьевна!

– Николай человеком был, – помолчав, сказала Марья Власьевна. – Луораветлан. Совсем мало осталось.

Лиля оглянулась.

Смуглая коротко стриженная узкоглазая женщина с мор-

щенистым жестким лицом смотрела на нее, не моргая, как будто ждала ответа или объяснений. Лиля зачем-то повела плечом и покачала головой – ничего-то она не знает, ни ответов, ни объяснений.

Вторая, молодая, беленькая, озабоченная, казалась Лиле почему-то знакомой. Она примостилась к краю письменного стола, подвинув бумаги, угрожающие вот-вот завалиться, мешала в стакане чай, вздыхала.

– Вы меня не помните? Я Лариса! Из Москвы летели, так мы с Павликом прямо за вами сидели!.. Я заведующая детской библиотекой, а Марья Власьевна мне помогает. Наливайте еще, наливайте!..

Из Москвы, подумала Лиля. Она так легко это сказала, как будто Москва на самом деле существует на свете. Но ведь ее нет.

– Хватит ей.

– Марья Власьевна!

– Чуть что за бутылку хватаетесь. А бутылки ваши вон к чему ведут! У Николая вся семья в Нешкане. Как им сказать, что он по доброй воле в верхний мир ушел? Кто поверит?

– Пустите, я сама налью. И кто там с детьми?.. Шумят что-то.

Марья Власьевна помолчала, а потом сказала решительно:

– Посмотрю.

И вышла.

– Вы на нее не обращайтесь внимания. Она человек золотой,

книг столько прочла, мне за всю жизнь столько не одолеть!.. Детей любит и понимает. А спиртное на дух не переносит. Говорит, всю ее семью сгубило это дело. У них, знаете, у коренных, какого-то фермента нету, всегда забываю, как называется, им алкоголь вообще нельзя, но ведь пьют. Все пьют, особенно в стой- бицах...

Лиля ее не слушала.

От чая – или от спиртного, погубившего всю семью Марьи Власьевны, – ей вдруг стало тепло и голова закружилась. Странное дело, до этой минуты она соображала совершенно четко и ясно.

Там, в квартире номер семнадцать, она удостоверилась, что помочь дяде Коле никак невозможно – он не дышал и не двигался, и глаза, сосредоточенные, еще не потускневшие, смотрели в одну точку. Лиля уже не слышала одуряющей вони, а вот запах крови, которой было довольно много, почувствовала отчетливо. Откуда-то она знала, что это запах свежей крови, которая только что была живой, а теперь стала мертвой. Ей даже в голову не пришло, что она может, к примеру, упасть в обморок рядом с дядей Колей! Она только за-чем-то пристроила его поудобнее, чтоб он не лежал с задранной вверх рукой – сухая смуглая кисть, описав полукруг, глухо стукнула о пол, из нее выпала и покатилась крышка то ли от банки, то ли еще от чего-то. Лиля подобрала крышку. Давешние клетчатая рубаша и тренировочные штаны дяди Коли были черными от крови. Рядом валялось ружье, и Лиля

старалась не задеть его и не прикоснуться случайно. Потом она вышла на улицу, посмотрела по сторонам, точно зная, что ей понадобится помощь, и увидела на соседнем подъезде вывеску.

«Детская библиотека г. Анадыря» – вот что было на вывеске. Лиля зашла и очень четко объяснила, что именно случилось. Дальше начались звонки, суета, беготня, и вскоре под окна подъехал сине-белый «Форд», из которого вышли люди в форме. Лиля и эта самая Лариса, оказавшаяся заведующей, поговорили с ними на улице, и Лиля четко рассказала все, что знала.

Дети, много детей, целая толпа, с жадным любопытством, от которого их глаза и уши казались растопыренными, вились вокруг них, как комары, из узких дверей выплескивались все новые и новые, а потом явилась Марья Власьевна, очень строгая, и стала загонять их обратно, и – странное дело! – они послушались. Люди в форме пошли в подъезд, за ними Лариса и еще кто-то. Лиля вернулась в библиотеку, села на первый попавшийся стул под какой-то стенгазетой и стала ждать.

Она ни о чем не думала, ничего не вспоминала, она просто сидела и ждала, а потом встала и принялась читать стенгазету. «Наши любимые учителя» – было выведено красными и золотыми буквами. Лиля изучила фотографии, отрывки из сочинений, воспоминания в рубрике «Учительница первая моя». По краям газету украшали очаровательные котята и

букеты, вырезанные из открыток. Лиля дочитала все до конца и собралась перейти к следующей – на стене висело довольно много разных газет, но тут прибежала Лариса, перепуганная и несчастная, увела ее в кабинет и рассказала, что вроде бы дядя Коля выстрелил в себя сам. И винтовку рядом нашли.

Лиля кивнула – винтовку она видела.

– ...А у нас как раз сегодня тематические занятия и внеклассное чтение для разных возрастов, все дети тут, как на грех!

– У вас всегда так много детей собирается? – В благодарность за чай и заботу Лиля решила проявить интерес – особый, «гостевой». Ответ ей был безразличен.

– Ну, конечно! – Лариса улыбнулась и неловко полезла через стол добавить ей чаю. Вообще в кабинете было очень тесно и тепло, зато вид из окна грандиозный и холодный. – Мы стараемся, чтоб им было интересно! Писателей всяких приглашаем, народных мастеров! Знаете, какие в Уэлене косторезы? Это диво дивное! Да я могу вам фотографии показать!.. У нас целые подборки собраны, а у меня даже есть моржовый клык работы самого Туккая! Мне Игорь подарил, муж.

Лиля понятия не имела, кто такой «сам Туккай», и от просмотра фотографий вежливо отказалась. «Гостевой» интерес на это уже не распространялся.

– Как вы думаете, Лариса, я могу еще понадобится этим

людям?

– Каким людям?

– Которые... там. У дяди Коли?

Лицо у той стало растерянным, как будто она забылась на миг и вдруг вернулась в неприятное, горестное.

– Да кто ж их знает!.. Спросить нужно.

Лиля точно знала, что ничего и ни у кого она спрашивать не будет.

– А вы уйти хотите? Я могу вас проводить! Или Марью Власьевну попросить! Как вы одна доберетесь-то?

– Я прекрасно сама доберусь! – вскричала Лиля. Не хватало ей только Марьи Власьевны в провожатые. – Спасибо вам за помощь и поддержку.

Так всегда благодарил Кирилл, когда проводил «расширенные» совещания с работниками региональных радиостанций. Он говорил «спасибо», и голос его звучал тепло и искренне, и работники верили, что их «помощь и поддержка» на самом деле имеют значение для московского начальства. «Как они меня задрали!» – обычно добавлял Кирилл, когда за последним из них закрывалась дверь.

– А вы где живете?

Лиле понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить. Кто-то совсем недавно уже задавал ей такой вопрос, и она точно так же не могла сразу сообразить, что именно спрашивают!

– На Отке.

– А, у Тани слевой? Они хорошие. Вы к нам в командировку, да?

Лиля кивнула, поднимаясь из неудобного кресла.

– Надолго?

– Нет. – Тут она улыбнулась. – До завтра.

– Как до завтра? – удивилась Лариса. – Вы же только прилетели! Ничего толком и не увидели!

Лиля хотела сказать, что увидела вполне достаточно, теперь впечатлений надолго хватит, но ответила – в духе Кирилла, – что ей очень жаль, но пора в Москву.

...В Москву, в Москву!

– Ну, – огорчилась Лариса, – к нам надо на подольше приезжать! Чукотка – самое чудесное место на свете, а у вас теперь такое... тяжелое впечатление останется. Господи, как это только угораздило его, дядю Колю!..

С торбасами, завернутыми в газету «Крайний Север» – оказывается, она все это время таскала их с собой, – Лиля вышла на улицу и, не оглядываясь, пошла вниз по ровному, будто стекло, асфальту. Даже если бы она оглянулась, то все равно не заметила бы в окне на первом этаже пожилую женщину с жестким и смуглым лицом, которая холодно и оценивающе смотрит ей вслед. Так смотрит волк, прикидывая расстояние до жертвы, которая ни о чем не подозревает.

В билетной кассе на улице Рувальтегина – опять первый этаж длинного панельного дома на сваях, раскрашенного в

разные цвета, – Лиле сказали, что купить билет в Москву никак невозможно. Ни на сегодня, ни на завтра, ни «вообще». Их не продают.

От неожиданного удара Лиля покачнулась, пришлось ухватиться за стойку, чтобы не упасть на самом деле. Торбаса один за другим мягко вывалились из свертка.

– Погоды нет, – объяснила из-за стекла молоденькая касирша с ярко покрашенными губами. Перед ней страницами вниз лежали захватанный детектив, а рядом две конфетки в бумажках и сушка. – Два наших борта, анадырских, в Якутске сидят, а один в Нерюнгри. Говорят, пурга идет. Мы даже на местные рейсы не продаем. Тут, на Чукотке, все по фактической погоде летают!

Лилия наклонилась и подняла чертовы торбаса. Зашелестела газета «Крайний Север». Преувеличенно аккуратно Лилия пристроила их на пластмассовый стул, вдохнула, выдохнула и крикнула на девушку за стеклом так, что голос отдался от сырых, плохо оштукатуренных стен:

– Что значит нет погоды?!

Та, принявшаяся было за детектив и сушку, от неожиданности откусила слишком много, щека у нее оттопырилась, и глаза вытаращились.

– Солнце светит, вы что, не видите?! – И Лилия ткнула рукой в окно. – Какая может быть пурга, сегодня только десятое октября!.. Вы с ума сошли?! Как это возможно?! Если нет обыкновенных билетов, давайте мне бизнес-класс, я за-

плачу сколько угодно, и все дела!.. Мне нужно в Москву, это вы понимаете?!

Кассирша, не ожидавшая такого поворота и не готовая скандалить, проглотила сушку и моргнула.

– Не продаем мы билетов, – сказала она осторожно. – Со вчерашнего дня не продаем. Как московский борт пришел, так и все, аэропорт закрыли! У нас даже система не работает.

– Мне наплевать на вашу систему!

– А на пургу?! Пурга идет! Говорю, даже в Эгвекинот и на Лаврентия не летают!

Лиля, которая не рыдала и не билась в истерике возле трупа, вдруг совершенно отчетливо поняла, что сейчас в маленьком промозглом помещении с перегородкой и оконцем наподобие кассового совершит что-нибудь неприличное, гадкое: завопит, заплачет, швырнет ненавистные торбаса в девушку с накрашенными губами!

Кажется, так уже было с ней именно здесь, в Анадыре, только она никак не могла вспомнить, почему это случилось.

– Я не могу тут оставаться, вы это понимаете?! – тяжело и старательно дыша, выговорила Лиля. Никелированные поручни были очень холодными, а ее ладони очень горячими от гнева. – Мне нужно улететь. Как угодно, только улететь. Сегодня же. Лучше прямо сейчас! Я заплачу любые деньги!

– Да некуда лететь, – сказала девушка, пожалуй, с сочувствием. – И плыть некуда. Можно через пролив на Аляску, только эмчезники сегодня навигацию для маломерных су-

дов закрыли. Они каждый год по-разному закрывают, бывает, и попозже, а в этом рано! На самом деле пурга идет.

Два дня будет тихо, сказал ей вчера дядя Коля Вуквукай. Потом начнутся ветра и шторма. Потом к берегу пригонит лед.

Лиля приткнулась на пластмассовый стул рядом с проклятыми торбасами и зарыдала громко, в голос. Она рыдала в промозглой комнате с отсыревшей штукатуркой на глазах у изумленной кассирши, а глубоко внутри отстраненно думала, что сегодня улететь не удастся, это совершенно точно, и неизвестно, когда она отсюда выберется, а это значит, что придется как-то жить. А как?..

Девушка выскочила из-за загородки, подала ей попить. Лиля глотнула воды и опять зарыдала.

– У вас случилось что?.. – участливо спросила девушка. – Умер кто?

Лиля отрицательно покачала головой и еще попила.

– Так погода будет, и полетите тогда! Ну, неделя, дней десять, а бывает, что и меньше! Я думала, беда какая! А раз нет беды, значит, как придет борт, так и полетите!

– Вы ничего не понимаете!

Девушка вздохнула и приняла у нее шербающую кружку с цветком. На цветке были чайные потеки, и казалось, что он тоже плачет коричневыми слезами.

– Может, и не понимаю, – философски сказала девушка и поднялась. – Только лететь-то все равно не на чем!

Лиля еще посидела. Ей было стыдно за себя, за то, что рыдала и кричала, и казалось, что ничего этого нет: ни города Анадыря, ни квартиры на пятом этаже, пропитанной рыбной вонью и запахом свежей крови, ни мертвого тела, ни другой планеты за окнами.

Москвы на этой планете тоже нет. До нее не добраться. Звездолеты не летают.

Лиля пошмыгала носом, достала из кармана пакетик с салфетками, утерлась и хмуро сказала в сторону окошка:

– Извините меня, – и ушла.

Девушка догнала ее уже на углу:

– Вот! Вы забыли!

Сунула ей сверток с торбасами и убежала. Лиля посмотрела ей вслед и побрела по улице Рувальтегина в сторону улицы Отке.

На этой планете улицы носили неземные названия.

Когда именно телефон перестал работать, она так и не поняла, но он не работал ни ночью, ни утром. Устройство с тающим белым яблочком на крышке, последняя надежда, единственная ниточка и что там еще, теперь годилось только для украшения интерьера. Лиля нажимала кнопку, умоляя его: «Соединись, соединись!» – но устройство решительно не знало, что именно нужно делать, и ничего не делало.

Лиля нажимала кнопку полночи, потом все же уснула и проснулась в слезах, прижимая телефон к груди обеими ру-

ками. Он был горячий и влажный. В комнате было темно, а никчемный телефон показывал московское время, и Лиля долго не могла сообразить, что именно он показывает, а потом решила, что наступила полярная ночь.

Ночь не наступила. Пришла пурга.

За окном не видно ни сопок, ни улицы, только возникают и пропадают внизу, в метели, размытые желтые круги автомобильных фар.

Лиля стояла и смотрела на круги, и ей казалось, как будто из-под земли прорывается чужеродный и дальний свет.

– Пурга! – весело объявила Таня, когда Лиля пришла к ней со вчерашним подносом. – Ой, а что же оленинка? Не ели? Свежая совсем! Мясо отличное, самое полезное! А ужинали чем же?

Лиля не ужинала и не завтракала. На завтрак и на ужин вместо оленины были страдания и горестные мысли.

– Ну, нет, – продолжала Таня, – так не годится, у нас тут без еды никак, замерзнете где-нибудь! Давайте-ка я вам подам...

– Ничего не нужно, спасибо большое.

Таня поправила на носу очки, вздохнула и сложила руки на груди.

– Север кислых не любит, – вдруг изрекла она. – Хоть у нас и город, цивилизация, все удобства, а все равно Север, с ним шутки плохи! Проходите и садитесь. На кухню проходите!

Она сказала это так, что Лиля почему-то послушалась и «прошла».

На кухне было тепло, хорошо пахло, плита заставлена кастрюлями, такими огромными, как будто здесь столовался гарнизон солдат.

– Постояльцев много. – Таня кивнула на кастрюли. – Гостиницы-то обе заняты, да у нас и дешевле! Кофейку могу вам сварить, яишенку пожарить. Только яйца, сами понимаете... Кур рыбной мукой кормят, а больше чем?.. Больше нечем. Так что яйца малость рыбой отдают.

Лилю вдруг замутило. То ли от голода и несчастий, то ли от мыслей об яичнице с рыбным духом.

– Давайте-ка лучше котлеток с гречневой кашей, а? Котлетки из медвежатины, самые вкусные! Леву третьего дня Сергей Нифонтович, который из Чукотснаба, медвежатиной угостил. Они куда-то далеко в тундру ходили, добыли медведя.

Лиля приткнулась за стол, ссутулила плечи и сунула руки в колени.

Котлеты из медвежатины на завтрак? Что может быть лучше!

И нельзя улететь. И нельзя позвонить. И нельзя пожаловаться.

– Говорят, вы вчера дядю Колю мертвого нашли?

Лиля кивнула.

– Такое несчастье, господи помилуй! А мы слевой вече-

ром хотели вам стукнуть, поужинали бы, выпили, а я подошла, послушала, тихо у вас! Думаю, может, спит. И не стали стучать. Как вы пережили-то, я прям не знаю. Пейте кофеек, пока горячий! Это нам дочка присылает с материка. Сразу ящик или два, с оказией. Если в магазине брать, дорого выходит, да и пока до нас дойдет, все сроки годности выйдут. А мы слевой уж больно кофе любим! Ему нельзя, давление у него, так я водой разбавляю, а он делает вид, что не замечает. А в восемьдесят втором он однажды винограду добыл! Я в каком-то кино увидела, как кофе пьют с виноградом и с сыром, а кино французское, и так мне захотелось!..

Таня говорила, не останавливаясь ни на секунду, и все время что-то делала, и перед Лилей на чистой скатерке постепенно появились большая чашка кофе, стакан апельсинового сока, стеклянная тарелочка с горкой блинов, миска красной икры – здоровая такая миска!

– А что вы в куртке-то? Мерзнете? Это с непривычки! Ничего, сейчас согреетесь! Да вы бы и у себя обогреватель включали! Это советская система еще, тепло только пятнадцатого дадут, представляете? А у нас тут не Краснодарский край все же. Мало ли что положено! Пурге вон все равно, пятнадцатое уже или только десятое!.. Ну вот, и так мне захотелось пить кофе шикарно, с виноградом! А где у нас тут взять виноград? Смешно даже! А Левка добыл. То ли летчиков упросил, то ли еще кого. Приходит, как сейчас помню, третьего декабря, а уж холодно было, и дуло сильно. А под

курткой у него пакет коричневый, здоровенный, а в нем виноград, самый настоящий, южный, весь черный, слегка только помятый и такой белой пылью как будто подернутый!

Таня засмеялась счастливым смехом.

– Вот у нас был праздник, никогда не забуду. Вы котлеты кушайте, пока горяченькие. Холодные они тоже ничего, но с пылу с жару в самый раз.

Лиля взялась за вилку, вздохнула и откусила.

– А вы давно здесь живете? – спросила она с набитым ртом.

Таня махнула рукой. Она не садилась, стояла возле плиты, готовая немедленно кинуться и чем-то услужить.

– Я-то с восьмидесятого, по комсомольской путевке поехала. Двадцати лет от роду! Кулинарный техникум закончила, и меня сюда ресторанный трест направил. Не попасть было, вызов нужен, просто так не пускали! А мне романтики хотелось, я отличницей была. Помню, на комсомольском собрании решали, кого посылать, вот меня и выбрали как самую лучшую студентку. А Лева...

Выходит, ей за пятьдесят, подумала Лиля, принимаясь за следующую котлету из медвежатины. А на вид – ну, тридцать. Странное дело.

– А Лева с семидесятых. Он сначала по снабжению работал, в Чукотторге, а потом на метеорологической станции, и... Да вот он, приехал, слава богу!.. Сейчас кофейку ему тоже...

Лиля быстро прожевала котлету, чтоб не здороваться с набитым ртом, утерлась салфеточкой, выпрямила спину и приняла вид «московского гостя». В глубине квартиры кто-то ходил, что-то двигал и трогал. Лиля все сидела, смотрела на дверь, сделав специальное лицо и правильно поставив ноги.

– Еще котлеточку, может?

– Таня! – закричали издалека, и что-то грохнуло. – Где куртка, знаешь, красная?.. Метет что-то!

– Лева, зайди, поздоровайся, а куртка та в гардеробе, в зале! Я сейчас достану. Ты мне там все перепутаешь!

– А?!. А, ну ладно.

И опять никого. Таня сорвалась с места и пропала в коридоре, а Лиля, уставшая сидеть правильно, длинно вздохнула, свернула блинчик, щедро выложила на него икру и отправила в рот. Кофе еще много осталось – хорошо!

– Так вы и есть та самая гостья, за которую мне Татьяна вчера все уши прожужжала?..

Лиля в ответ смогла только помычать согласно и приветственно.

– Да вы кушайте, кушайте! Вчера не кушавши, так хоть сегодня!.. Татьяна весь вечер убивалась, что такой кошмарный кошмар с вами приключился, да еще и не кушали!.. Когда поешь, всегда легче делается!

Лиля кивала всякий раз, когда он говорил «кушать», и щеки у нее покраснели от неловкости.

– Лева Кремер, – весело представился дядька, когда она

наконец проглотила. – Танин муж! Нет, вы могли когда-нибудь представить себе, что я стану называться Танин муж?! Или да?.. А вот вообразите! Теперь я на пенсии, и я всего лишь Танин муж! А раньше был сам по себе Лева Кремер, и меня тут каждая собака знала и могла столько историй рассказать не только на своем собачьем языке, но и на вполне человеческом! Как вас звать, я запомнил?

– Лиля, – пролепетала московская гостья, – Молчанова.

– Левушка, кофейку?..

– И кофейку! А что?

– А покушать?

– Сейчас нет. Потом да. Мне еще до одного места надо съездить.

– До Сереги?

– До Николая Юрьевича! Так что только кофейку и больше ничего предосудительного!

Тут Лева Кремер уселся напротив Лили, наострил, уперся растопыренной ладонью в колено и посмотрел на нее сначала одним, а потом другим глазом довольно весело. У него был потрясающий нос и совершенно дивная улыбка.

– Гости из Москвы всегда большое дело! – ни с того ни с сего заявил он. – Какие новости на материке?

– Все... в порядке, – не сразу нашлась Лиля. – Цены на нефть растут. – Тут припомнился ей дядя Коля Вуквукай. – Наша страну приняли в ВТО.

– Всероссийское театральное общество?

Она моргнула:

– Нет, нет, во Всемирную торговую организацию.

– А жаль! – вдруг энергично сказал Лева. – В театральном обществе гораздо больше проку, скажу я вам как театрал! Я сто лет не был в театре!

– Как не был, Лева? Прошлой весной МХТ приезжал, так мы с тобой сходили!

– Разве то театр?! То не театр, а жалкие потуги комедиантов, которые желают убедить меня в том, что они артисты! Впрочем, не очень-то они и желали! Таня, голубчик, ты держишь своего мужа за старого и больного человека, а он еще-таки не стар и не болен! Я отказываюсь пить эту коричневую бурду! Налей мне нормального человеческого кофе!

– Лева, тебе нельзя!

Лева подмигнул Лиле:

– В восемьдесят восьмом фельдшер Щупакин уверял меня, что я проживу намного дольше, если брошу курить! Я бросил. Фельдшер Щупакин бросил за десять лет до меня и гордился этим, что совершенно справедливо с его стороны. А еще лет через пять он помер от белой горячки. Потому что оказалось, что надо было не только бросить курить, но еще и пить, а об этом он и не подумал!..

И Лева Кремер гордо отхлебнул свежего кофе из кружки. Лиля помалкивала, стараясь не очень пялиться на него.

– Значит, на материке все в порядке, и столица богатеет и процветает, дай бог каждому из нас такого богатства и про-

цветания. Каким же макаром теперь придут ваши вещи, когда все борта сидят в Якутске и ждут погоды, как будто кто-нибудь, кроме Бога, знает, когда она будет, эта погода?

– Вещи? Какие? Все мои вещи здесь... со мной.

Тут Лева с Таней переглянулись, и Таня положила руку на широкое Левино плечо.

– Таки это чудесно, – задумчиво сказал он и посмотрел вверх на супругу. – Таки просто великолепно, если в ваши планы на ближайшие полгода не входит покидать эту самую жилплощадь хотя бы на пятнадцать минут. Или входит?

Лиля выпрямилась и улыбнулась официальной улыбкой:

– Что, простите?..

– Найдем что-нибудь, – успокаивающе сказала Таня и погладила мужнино плечо. – Не переживай, Левушка.

– Как мне не переживать, когда наша гостья не имеет что надеть, а вчера был такой ужасный кошмар в виде собственноручно ею найденного трупа!

– Ох, и не говори, Левушка.

– У нас здесь не бывает никаких трупов, – доверительно сообщил Лева Кремер. – У нас не развивается преступный элемент, потому что элемент этот, будучи общественным паразитом, как любой паразит, ищет где потеплее! Таки даже бичей, или бомжей, как их называют у вас на материке, здесь нет, потому что они вымерзают в первые же холода! И надо такому случиться, что вы своими глазами обнаружили кошмарное происшествие!..

– Почему он застрелился? – грустно спросила Таня и, кажется, даже утерла глаза. – Такой хороший дядька! Пьющий, конечно, но хороший...

– Что дядя Коля застрелился, если кому-нибудь здесь интересно мое мнение, я ни на двадцать копеек не верю. И пусть рядом с ним нашли сто винтовок, и из всех ста он выстрелил себе в сердце, все равно не верю!

Лиля не стала спрашивать, откуда ему это известно. Ей уже стало ясно, что в Анадыре все знают всё обо всех. Причем узнают каким-то образом в ту самую минуту, как только происшествие случается.

Такая своего рода телепатия, что ли. Впрочем, инопланетный разум никаким человеческим объяснениям не поддается.

– А почему вы спросили меня про одежду, Лев... извините, как вас по отчеству?

– Моего батюшку звали Михаилом Семеновичем, царство ему небесное, а меня вы смело можете называть Левой! Но если вам таки это неудобно, так же смело вы можете называть меня Львом Михайловичем, что есть чистая и абсолютная правда жизни! Таня вчера рассказывала за вас, бедняжку, и сообщила, что у вас с собой всего одна сумочка, а при всем уважении в одну сумочку нельзя уложить теплых вещей столько, чтоб не вымерзнуть, как тот преступный элемент! Таки я подумал, что придется ждать ваших вещей, а все это время вам надо что-то носить, и это что-то мы сейчас для

вас поищем.

– Да я обойдусь, спасибо, Лев Михайлович...

Лева Кремер с шумом втянул остатки кофе, прижмурился от удовольствия и вооружился ложкой, чтоб доесть со дна сахар.

– Я на Чукотке с семьдесят второго, – объявил он, взмахнул ложкой и посмотрел на Таню. Та кивнула, подтверждая. – И еще ни разу не слышал, чтоб тут у нас в пургу кто-то обошелся в декольте и лакированных штиблетах!

Лиля быстро подобрала под себя ноги и поправила на шее шелковый шарфик.

– В те времена, – продолжал Лева, – когда деревья были большими, люди благородными, все поступки до одного героическими, а мы молодыми, существовал здесь даже особый фонд. Таки здесь, в Анадыре! И когда зеленый романтический юнец приезжал покорять северные просторы – заметьте, этот умозрительный юнец приезжал всегда зимой, всегда в демисезонном пальтишке, штиблетах навроде ваших и ворсистой кепочке, купленной в магазине «Шляпы» на улице Горького, – в первый или во второй вечер в дверь его комнаты стучал совершенно посторонний человек. Посиневший от холода юнец открывал ту самую дверь, и незнакомец выдавал ему двести пятьдесят рублей. Дикае деньга! Две материковые зарплаты! Больше, чем две материковые зарплаты! На эти деньги юнец покупал в магазине «Север» доху, малахай и собачьи унты, потому что не понимал, что

нужно покупать оленьи торбаса, а не собачьи унты! Но в таком виде он мог хотя бы дожить до весны. На следующий год приезжал следующий юнец, и уже этот, перезимовавший, стучал в его промерзшую дверь и выдавал ему двести пятьдесят рублей подъемных! И никто никогда не считался, ни боже мой!

– Север, – пояснила Таня и улыбнулась. – Что вы хотите? Взаимовыручка, без нее пропадешь. Кофейку?..

– Но ведь погода может измениться, – проскулила Лиля. – Да? Завтра или послезавтра! И самолет придет. И можно будет улететь.

– Да, – подтвердил Лева. – Таки вполне. У нас погода себя ведет как хочет и меняется как хочет. Так что и завтра, и послезавтра она вполне может измениться. Но вам, Лилечка, я советую в будущую пятницу сходить в кино. В «Полярный» привезли новый фильм, но придерживают до пятницы. Раньше, когда в ресторан завозили водку, ее тоже придерживали до...

– Подождите! – перебила Лиля. – А связь?! Телефон не работает! Или тоже ждать до пятницы?! Я не могу без связи, мне нужно позвонить!

– Можно отбить телеграмму, если уж окончательно немоготу, – предложил Лева и поднялся. – Жди меня зпт как я тебя тчк люблю вскл. Таня, та Наташкина кухлянка, которую мы хотели отправить на материк...

– Да, да, Левушка, я тоже про нее подумала! Сейчас, сей-

час. Наташка – это наша младшая, в Питере живет, – объяснила она Лиле, хотя та ни о чем не спрашивала. – А кухлянка хоть не новая, но такая красивая! Да им сносу нет, этим вещам, что местные шьют! А мы слевой ее почистили, в порядок привели, собирались послать, да все как-то, знаете, руки не доходят.

И супруги из кухни пропали.

Лиля вздохнула, посмотрела на часы, которые показывали московское время, ничего не поняла, как посчитать, не сообразила и взглянула в окно, за которым мело. Снег – самый настоящий, инопланетный! – не падал, и не колыхался, и не летел. Он просто жил за окном, и, кроме него, ничего больше не было.

Не стало дальних сопкок, магазина за поворотом, скверика с лавочками. Город тоже исчез, и другая планета исчезла. Только снег.

Через этот снег не летают самолеты и не доходят телефонные сигналы. Надо ждать неизвестно сколько, может быть, вечность, а может, до пятницы, чтобы просто позвонить. Под этот снег нельзя выйти в Лилиной куртке, которую Лева Кремер назвал «декольте». Под этим снегом запросто можно пропасть, уйти в него и больше никогда не вернуться.

Да и возвращаться, в общем, некуда.

В комнате громко разговаривали, открывали какие-то двери, а Лиля сидела – совсем одна.

...Почему Лева не верит, что дядя Коля Вуквукай выстре-

лил в себя? Что именно и откуда он может знать?..

И вдруг во всех подробностях привиделась ей квартира номер семнадцать по улице Ленина и как там все было. Запах свежей крови ударил в ноздри, заглушив уютные запахи Таниной кухни. И винтовка, и мертвая рука, которая словно пыталась уцепиться за батарею, но сил не хватило.

Лиля тяжело и часто задышала, сглатывая слюну, и, напав, сама ухватилась за холодную батарею.

Об этом нельзя думать. Нельзя вспоминать. Нельзя, нельзя!..

Только одно спасение – не разрешать себе и уехать, улететь отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

Но лететь не на чем и ехать некуда. Даже на Аляску не попасть, навигация закрыта со вчерашнего дня!

– Ну вот! – В кухню вбежала Таня, очень довольная. В руках она держала нечто чудовищное, коричневое, огромное. Оглушительный нафталиновый дух моментально прогнал все остальные запахи, и тот, самый страшный – крови, – тоже исчез. – Нашли!.. – И она потрясла коричневым и огромным у Лили перед глазами. – Носите на здоровье.

– Это юкагирская кухлянка, – объяснил Лева с удовольствием. – Самая лучшая одежда, конечно, у чукчей, а не у юкагиров, но в чукчанской в городе так невозможно жарко!.. А я с юкагирскими охотниками дружил еще, помнишь, Тань, когда в Усть-Белой работал! Я им порох возил, чай, антибиотики, вот и подарили.

– А чукотские женщины кухлянок не носят, – вступила Таня. – У них такие меховые комбинезоны, кэркэры называются. Очень красивые и самые удобные! У меня такой есть! Но в нем, правда, жарко, спасу нет. Ну, померяйте, померяйте.

Лиля поднялась, косясь на меховое чудище, и просунула руки в рукава.

Мех был тяжелый, без всякой подкладки, плохо гнулся, от него сильно несло нафталином и еще чем-то звериным, и никакой нафталин не мог заглушить звериного духа. По подолу невиданная одежда была расшита то ли бисером, то ли кручеными нитками, то ли какими-то странными камушками.

– Как она тут и была! – констатировал Лева Кремер почувствованно, оглядывая Лилю с головы до ног. – Хотя Наташка наша таки пониже будет.

– Ну и что пониже, Лева? Лиле в тундру не идти! А в городе и так нормально! Торбаса есть, ничего, как-нибудь!

– Спасибо, – пробормотала Лиля, которой больше всего хотелось поскорее скинуть с себя чудище. – Вы меня очень выручили.

На лестнице она некоторое время топталась, соображая, куда бы ей пристроить знатную юкагирскую кухлянку, и, воровато оглядываясь, взбежала к себе на третий этаж, отперла дверь и приладила ее на вешалку. Обойдется как-нибудь без кухлянок!

Нет, нет, она очень благодарна этим простым и милым людям за их заботу – безусловно, милую и простую, – но она не нуждается в «подъемных», а сентиментальные истории о северном братстве и взаимовыручке пусть останутся таким же сентиментальным журналистам!

Как добраться до радио «Пурга», Лиля не знала и решила, что спросит на улице. Вдруг там, на этой самой «Пурге», есть какая-нибудь спецсвязь и ей удастся позвонить! Вряд ли, конечно, но все же!..

На улице – пришлось сильно налегать на подъездную дверь, чтобы она открылась, – не было никаких прохожих и вообще ничего, кроме метели.

Метель сразу ударила Лилю в лицо всерьез, без шуток. Впрочем, никто здесь и не собирался с ней, Лилей, шутить!.. Ветер походя, моментально сорвал капюшон, набил в волосы снега, пролез под одежду, охватил со всех сторон. Ему было наплевать, замерзнет она или не замерзнет, у него имелись другие заботы. Со стороны лимана ревели так, как будто там внезапно открылся проход в ад и оттуда, из ада, взывали страшные голоса. Лилия кое-как поймала капюшон, пристроила на голову, его моментально сорвало снова, и перчатку унесло, когда она трясущимися руками выудила их из кармана и попробовала надеть! Перед глазами был только снег, черно-белые графитовые полосы, и она удивилась, что снег может быть черным.

Спиной вперед, придерживая на голове капюшон, а на бо-

ку сумку, которая норовила улететь, Лиля обошла дом и очутилась на тротуаре. Здесь стало еще хуже – дуло сильнее и вообще ничего не видно, кроме возникающих из мрака и пропадающих мутных огней, по всей видимости, автомобильных.

... Черт побери, хорошо бы сейчас юкагирскую кухлянку!

Черная тень попалась навстречу, на миг обрисовалась четче, выступила и опять пропала в снежной круговерти. Ничего Лиля не успела спросить!

Куда идти?! И как идти?!.

Шелковый шарфик на шее промок и заледенел, капюшон то и дело срывало, короткую куртешку задирало и крутило во все стороны.

– Стойте! – закричала Лиля, когда из бурана шагнула еще одна тень. Человек, закутанный и застегнутый по самые глаза, остановился. Лиля не видела его лица. – Где здесь у вас радио?..

– Что?! – Человек наклонился к ней, из-за ветра он ничего не слышал.

– Радио! Радио «Пурга»! Где оно?..

Человек махнул толстой из-за куртки ручищей:

– Улица Ленина! Восемнадцать! А вход у них со стороны Дежнева!

– Далеко?

– Близко! – И он пропал в метели.

Улица Ленина! Как ее найти, эту самую улицу?! Нужно

вернуться, надеть меховое чудище, неудобные торбаса, шапку и разыскать другие перчатки. Выяснить у Тани и Левы, где именно это самое радио – вход со стороны Дежнева! – и начать все сначала.

Но от отчаяния и упрямства – пусть уж я замерзну на смерть, будете знать! – Лиля ничего этого не сделала. Трясаясь от холода и ветра так, что зуб не попадал на зуб, то спиной, то боком, прижимая обеими руками к голове капюшон, она пошла в том направлении, куда махнул рукой прохожий.

Путь был долгим и трудным. Один раз она даже упала, ударилась коленкой и заплакала злыми, колючими от ветра слезами. Поднялась и стала отряхивать джинсы, совершенно бессмысленно, потому что их тут же вновь залепляло снегом!

Все-таки она дошла. И когда потянула на себя тяжелую дверь и оказалась в теплом тамбуре, где не было ветра и снега, а были свет и тепло, привалилась к стене, прерывисто дыша, уверенная, что на самом деле спаслась от смерти!

Она стояла долго, вытирала лицо платочками из пакетика, и волосы были мокрыми, и куртка, и в сумке все тоже стало мокрым, как будто она поливала ее из душа!

– Вы к кому? – грозно спросил усатый вахтер, когда из тамбура Лиля вошла во внутреннее помещение, и даже приподнялся, готовый схватить ее и задержать, если она нарушит пропускной режим. Воспоследовали долгие объяснения и выяснения, созвоны по внутреннему телефону, установле-

ние личности – Лиля совала мокрый паспорт в окошко, и вахтер старательно переписывал «данные» в шнурованную тетрадку, а потом с лестницы по ту сторону баррикады скатился какой-то парень.

– Слушайте! – начал он издалека и очень громко. – Это какое-то недоразумение! Вы нас извините! Мы не знали, что вы придете, и пропуск не заказали! Вы бы позвонили, мы бы вас встретили!

И стал делать знаки вахтеру, чтобы тот быстрее переписывал данные из паспорта.

– Мы вам потом постоянный сделаем! Что ж не позвонили, я бы заехал, погода испортилась, а вы пешком!

Лиле казалось, что она откуда-то его знает. Совершенно точно знает. Может, в Москве встречались?..

Он оглядел ее мокрую куртку, очень изящную, дорогую и очень московскую, мокрую стрижку, тоже очень изящную, дорогую и московскую, мокрые ботинки, очень изящные, очень...

Отвел глаза, почесал нос и сказал:

– И одеты вы... не по погоде... Вы бы позвонили, я бы заехал!

Вахтер справился, просунул в окошечко Лилин паспорт со вложенным листочком пропуска.

– Нам на третий этаж!

Лилия достала из пакетика последнюю салфеточку и промокнула шею под шелковым платочком. Салфеточка момен-

тально намокла и сбилась в ком. Они медленно поднимались по широкой, как на речном вокзале, старинной неухоженной лестнице.

– Алена еще вчера хотела вас вытащить к нам, а потом решила, что нужно дать человеку в себя прийти. И метель!.. У нас в Анадыре девять месяцев погода суровая и прохладная, два с половиной месяца просто прохладная, а все остальное время комфортная. Это шутка такая. Проходите.

Двустворчатые крашенные двери под самый потолок казались замурованными навсегда. Больше на площадке не было ничего, кроме пепельницы, из которой, как из всех общественных пепельниц на свете, в разные стороны лезли окурки.

Парень приложил куда-то карточку, пиликнул магнитный замок – надо же, какие достижения цивилизации! – дернул и придержал створку.

Коридор оказался широченным и таким светлым, что Лили на секунду зажмурилась. Белые стены из пористого пластика – мать честная, звукоизоляция, как на самых первоклассных радиостанциях! – глухой серый пол, шагов почти не слышно. Все двери распахнуты, закрыта только одна, в конце коридора, над ней красным горит надпись «Эфир». Стекланные перегородки, столы, заваленные дисками и бумагами, крутящиеся стулья, черно-белые фотографии на стенах, самодовольный, чистенький кофейный аппарат в углу. У Лили непроизвольно открылся рот.

...Где я? Куда я попала? Или на этой планете уже давно изобрели и всю пользу аннигилятора пространства и сейчас я на радио «Рок» в Кёльне?! Так бывает. Я читала. Открываешь дверь и оказываешься в другом измерении – в пятом.

– Ромка, наш директор, сейчас подъедет, он же не знал, что вы будете! Хотите кофе?.. Или лучше чаю? Ну конечно, кофе!

Они все шли, и коридор все никак не кончался, недаром измерение-то пятое, и все головы от компьютеров поворачивались им вслед.

– Мы вам стол выделили, Ромка сразу распорядился, когда узнал, что представитель нового собственника летит. – Лиля быстро на него взглянула, и он как будто спохватился: – Меня зовут Олег Преображенцев, я дневной ведущий и по совместительству редактор. Вас-то мы все знаем...

Точно! Он говорил в эфире про погоду и про концерт по заявкам и делал это превосходно! Она даже представляла, как узнает его по голосу, и не узнала.

– Я вас слышала, – сказала Лилия, – как только прилетела. Вы очень... профессионально вели.

Олег Преображенцев слегка удивился, даже плечами пожал:

– У нас все ведущие хорошие. Вон вешалка, а вот ваш стол. Сейчас кофе принесу, и в студию, новости уже заканчиваются! Димка какую-нибудь песнюшку воткнет, конечно,

но все равно надо. Насть, поухаживаешь?

– Конечно!

Лиля стянула куртку, холодную и влажную не только снаружи, но и изнутри, и пристроила ее на вешалку. Длинноволосая румяная девушка в толстом свитере и ворсистых брюках, сделав строгое лицо, подходила к ним. За ее спиной показались какие-то любопытствующие физиономии, но моментально скрылись. И вообще, на радиостанции заметно было некое нервное оживление, и Лиля понимала его причину.

– Настя наш музыкальный редактор. Она вам все покажет. – И Олег широко повел рукой, а Лиля посмотрела на выделенный ей стол с матовой изогнутой крышкой. Стол был абсолютно пуст и чист, только посередине черный прямоугольник монитора в серебряной рамке с тающим белым яблочком внизу.

Вся радиостанция города Анадыря работала исключительно на «Макинтошах».

– Вот кофе, и я побегу.

– Можно мне с вами?

Он приостановился. Лиля взяла кофе и сумку и улыбнулась очень мило.

– Куда? В студию? – спросил ведущий.

Она кивнула.

Олег Преображенцев переглянулся с музыкальным редактором Настей.

– Ну... конечно. Если хотите.

– Хочу.

Лиля знала, что начало так себе, не очень, что нужно дождаться директора и Алену, поговорить, уточнить позиции, обрисовать цели и задачи на ближайшие несколько дней, которые она пробудет здесь, в Анадыре, попросить подготовить необходимые бумаги, объяснить, что обстоятельства и планы изменились и она никак не сможет остаться на полгода, но ей вдруг так захотелось посмотреть, как работает радиостанция «Пурга» – не в бумажно-договорном, а в самом главном, человеческом смысле! Как садится к микрофону Олег Преображенцев, как надевает наушники, как звукорежиссер выставляет уровни – или, может, ведущий сам выставляет? На разных радиостанциях по-разному бывает!

Лиля знала, что сейчас ставит его в дурацкое положение – любой ведущий в своем эфире царь и бог, он никому не подвластен и не подконтролен. Он один, и у него всего лишь микрофон, но он знает, что его слышит множество людей, тысячи людей, и он говорит сразу со всеми. Никто в это время не стоит у него за плечом, не оценивает и не проверяет! Только до или после эфира может быть что угодно, любой «разбор полетов», и никогда – во время! Навязываться в студию без приглашения, торчать у ведущего на глазах, разрушать его контакт с микрофоном, а значит, со слушателями, негласно запрещено профессиональной этикой, и тот, кто так поступает, или в грош не ставит ведущего, или ни-

когда не работал в эфире.

Лиля понимала, что отказать ей не могут – она, как выразился Олег, «представитель нового собственника», и с этим придется считаться. Они не смеют отказать, а она этим пользуется – не слишком красиво, но уж как есть.

Зато в Москве она расскажет всем, что была в эфирной студии радио «Пурга» на Чукотке! Почти что на лежбище моржей, вот как.

Следом за Олегом – он не обернулся, но тем не менее придержал перед ней тяжеленную глухую дверь – Лиля зашла в студию и замерла с кружкой кофе в одной руке и сумкой, упавшей с плеча, в другой.

...Аннигилятор пространства продолжал работать, и сотрудники радиостанции продолжали им всю пользоваться, по всей видимости не находя в этом ничего необычного.

Огромный звуковой пульт царил посреди просторного помещения с окнами. Большая редкость, когда в студии есть окна, с шумоизоляцией хлопот не оберешься! И этот пульт сделал бы честь своим присутствием даже радио «Рок» в Кёльне, настолько он был современен, сложен, технологичен и красив особой, профессиональной «радийной» красотой, а в такой красоте Лиля все понимала. Биение красно-зеленых индикаторов на экранах, мониторы с тающими белыми яблочками в ряд, несколько микрофонов на длинных изломанных ногах, часы у ведущего, часы у гостя, часы над дверью. Крутящиеся стулья, белые стены, черные фотогра-

фии в нишах, господи помилуй!.. Одна стена занята полками, в которых плотно стоят диски.

Парень в очках мельком глянул на них, опять уткнулся в монитор и взглянул снова.

– Минута тринадцать, – сказал он, снимая наушники. – Там на всякий случай еще одна песенка заряжена, но ты сам смотри.

Олег кивнул, пристроился на центральное место, по очереди глядя на экраны.

«Уважаемые диджеи, – было напечатано на бумажке крупным шрифтом, – просьба давать рекламу в строгом соответствии с временными метками! Кому это в лом, у того неустойки будут удерживаться из зарплаты».

– Вы присаживайтесь, – спохватился Олег. – На любое гостевое место.

Лиля покивала. Парень в очках еще раз глянул на нее, усмехнулся, собрал с пульта какие-то бумаги и вышел, дверь бесшумно закрылась.

По всей студии полыхнули красными сигнальные лампочки, и, прилаживая микрофон поудобнее, ведущий заговорил после отбивки, в которой на разные голоса утверждалось, что в эфире Олег Преображенцев:

– Да, все правильно, это я, дневной эфир продолжается. В Анадыре погода испортилась, что-то сегодня у нас метет, да и похолодало сильно, так что будьте осторожны, гололед, хотя улицы чистят, конечно.

Лиля усмехнулась и медленно пошла вдоль стены к окну, рассматривая фотографии.

– Вот именно потому, что погода плохая, я и решил, что самое время поговорить про радио. Когда у нас на Чукотке начинается осень, закрывают навигацию и аэропорт, а как работает Интернет, вы все сами прекрасно знаете, у кого он есть – в час по чайной ложке он работает, а то и хуже, – единственным спасением становится радио. Ну, по крайней мере для меня.

Лиля читала подпись под фотографией. Сфотографирован был какой-то чукотский парень с собачьей упряжкой. Лиля не понимала, что написано, слушала очень внимательно, не только ушами, всей спиной слушала.

– Я включаю радио, как только сажусь в машину, слушаю радио, когда захожу в магазин, дома на кухне у меня тоже оно работает, от телевизионной навязчивости я очень устаю, не знаю, как вы. Так вот у меня вопрос, дорогие мои сограждане: чего именно вам не хватает на нашем радио? Музыки, песен, стихов? Может, танцев? И чего, по-вашему, слишком много? От чего вы рады бы избавиться? Может, от меня?

Лиля не выдержала, обернулась и посмотрела на ведущего. Он был очень занят и глаз от мониторов не отрывал.

– Телефон прямого эфира у нас не меняется, но я все же напомним. Звоните нам!..

– Блеск, – оценила она, когда красные огни погасли, зазвонились зеленые и заухала музыка. – Это вы только что такую

тему придумали? Специально для меня?

Он кивнул, то ли соглашаясь, то ли не соглашаясь. Злится, поняла Лиля. И правильно делает.

За окнами, совершенно неслышная отсюда, мела метель, и что-то темное, первобытное, невиданное, но живое ворочалось за ней, и Лиля сообразила, что в той стороне, должно быть, анадырский лиман.

– Фотографии отличные. – Она села на подоконник.

– Это Сухонин снимает. Знаменитый фотограф.

– А вон на тех портретах кто? Такие странные люди?

Олег оглянулся, как бы для того, чтоб посмотреть, что там за портреты.

– Это не странные люди! Это диджеи с Аляски! Они часто к нам приезжают, ведут тут у нас музыкальные программы. А мы у них. – И без всякой паузы, доверительно, в микрофон: – Я Олег Преображенцев, «Пурга», и, если вы меня слышите, значит, все хорошо, мы где-то рядом. Говорим сегодня о радио, за что мы его любим, а за что ругаем. Я, например, ненавижу рекламу. Причем именно рекламу на радио, по телевизору она меня раздражает гораздо меньше, там все же бывают разные смешные ролики, а бывают глупые, я от этого себя чувствую страшно умным. Но хорошую рекламу на радио по пальцам можно пересчитать! Да простят меня все наши рекламодатели. Чего недостает в наших эфирах, а чего слишком много? Здравствуйте, говорите, пожалуйста! Как вас зовут?..

Голос в колонках представился Василием и поведал о том, что ему недостает в эфире группы «Грин Дэй», от которой он, Василий, «фанатеет». Сообщив это, Василий расположился было ругать все остальные, отличные от «Грин Дэй» группы, которые только засоряют радиоволны и уши слушателей, вместо того чтобы усладить их, но ведущий быстро закруглил его, поблагодарил, пошутил, и грянула песня Someone kill the DJ как раз этой самой группы.

– Быстро вы ее нашли, – сказала Лиля с удовольствием и засмеялась.

Ей вдруг стало необыкновенно хорошо в этой студии, где за окнами мела метель, темная вода неслась к Ледовитому океану, а по стенам были развешаны фотографии людей с собаками и портреты диджеев с Аляски! Ей сто лет не было так хорошо и свободно в эфирной зоне, и острый приступ любви к работе, к этому человеку, который делает ее так легко и красиво, к микрофонам и мониторам, к голосам в динамиках, красным лампочкам и вертящимся креслам, к запаху кофе и озона от вентиляторов заставил ее швырнуть на пол сумку, плюхнуться в кресло напротив Олега, натянуть наушники и привычно подвигать туда-сюда кронштейн, приспособиваясь.

– Я послушаю в «уши», можно? – запоздало спросила она у изумленного ведущего, сдвинув в сторону гарнитуру. – Мне так удобней.

С той стороны пульта он изучающе смотрел на нее.

«Проверяльщица из Москвы» оказалась моложе и краше, чем они всей радиостанцией напредставляли, и это мешало ему невзлюбить ее с первого взгляда, хотя хотелось! Свалилась сегодня как снег на голову, никого не предупредив, к нам едет ревизор, подумаешь! Когда он увидел ее возле бдительного Богданыча, она тряслась так, что зуб не попадал на зуб, и вся, от кудрей до ботинок, промокла. Все он оценил, ведущий радио «Пурга» Олег Преображенцев, и длинные ноги, и выдающийся во всех отношениях бюст, и очень-очень столичный общий вид, и выражение недоверия и опаски, с которым она шагнула за ним в коридор!

Да еще в студию полезла ни с того ни с сего, контролировать, что ли, собралась?!

Ну, хорошо, посмотрим. Здесь моя территория.

Да будет известно всем, Чукотка – вообще особая территория!

Он открыл микрофон и сказал, что во время песни к нему присоединилась специальная гостя из Москвы – тут он позабыл, как ее зовут, и решил наплевать на это, – которая точно знает, каким именно должно быть радио.

– Говорите, – предложил он и открыл Лилин микрофон. – Вы в эфире. – И добавил, не удержавшись: – Вас слушает вся Чукотка!

Лиля, не ожидавшая ничего подобного, от потрясения молчала непозволительно долго, должно быть, секунды две. Кровь ударила в уши, во рту пересохло. Нет и не может быть

ничего более ответственного, чем прямой эфир. С ним не шутят.

– Здравствуйте, – сказала она наконец и не узнала собственного голоса, хотя слышала его в наушниках тысячу раз. – Напрасно Олег так приукрасил мои знания. Я бы, наверное, стала Тедом Тернером от радио, если бы точно понимала, что необходимо слушателям, что может обрадовать или взволновать их! А может быть, и задеть.

Мелкий пакостник Преображенцев, которого она так любила полминуты назад, на нее не глядел, все изучал свои многочисленные мониторы, а она даже не знала, когда он собирается вступить, и собирается ли вообще, и сколько ей нужно протянуть до рекламы или песни! И компьютер у нее выключен, звонки она тоже посмотреть не может.

– Единственное, в чем я уверена, – не должно быть скучно никогда и никому, но это всем известно, не только мне. Я, например, очень люблю радиоспектакли и, когда была маленькой, слушала их на кассетах, по радио тогда их уже не передавали, но мой папа собрал целую фонотеку. А многие скажут, что это не слишком весело...

Ведущий молчал, ничем ей не помогал, смотрел в монитор.

Лиля продолжала, изо всех сил стараясь говорить связно, и вдруг как-то в одну секунду успокоилась.

Ничего не происходит. Ты в эфире. И ты не новичок. Сейчас, сейчас...

– Олег, – обратилась она к Преображенцеву, и тот быстро на нее взглянул, – давайте дадим слово радиослушателям! Наверняка им есть что сказать.

– Метель, – сообщил он печально. – Со связью проблемы, дозвониться сложно! Звонков нет.

– Тогда песенку! – возликовала Лиля. – Итак, сейчас у нас в эфире группа «Ума Турман» с песней «Кажется». Я, между прочим, очень ее люблю!

Отжала кнопку своего микрофона, откинулась на спинку и покрутилась туда-сюда, покуда ведущий в панике шарил глазами по плей-листам, выискивая песню «Кажется» в исполнении группы «Ума Турман», Лилину любимую!

Тишина в эфире. Секунда. Две. Три.

«Я в поездах, отставших от расписанья, я в городах, которых нету на карте. Я умер, так и не пришедши в сознание. Хотел быть первым, но споткнулся на старте...»

Олег Преображенцев хмуро сдвинул на шею наушники. Он смотрел в монитор, щелкал «мышью», ставил какие-то метки. Лиля молча крутилась туда-сюда. В студию никто не входил.

Он взглянул на нее в упор, губы шевельнулись. Лиля ждала, подобралась. И в последнюю секунду он поймал и остановил себя.

Так они сидели и молчали, и в наушниках звучала «Ума Турман», а потом он сказал:

– Ничья.

И Лиля кивнула. Ничья так ничья.

Оттолкнулась от пульта, подъехала в кресле к подоконнику, взяла забытую кружку с остывшим кофе, сделала большой глоток, загребая ногами, придвинулась обратно и осторожно пристроила кружку. В эту секунду – когда она подъехала и поставила кружку так, чтобы, боже сохрани, даже случайно не опрокинуть ее на аппаратуру, – все изменилось. Она голову могла дать на отсечение!

Олег Преображенцев поднялся, обошел пульт, включил ей монитор, сразу налившийся белым светом. Засияло надкушенное яблочко.

– Модератор эфира – это я. Если вы вот здесь пишете, я вас вижу. Тут сообщения и звонки. Реклама на сороковой и пятьдесят восьмой минуте. За ней встык новости.

Лиля кивнула. У него были быстрые и красивые пальцы.

– Ну вот. – Он выпрямился и сверху посмотрел на нее. – Доведете со мной эфир?

– Спасибо.

Он вернулся на свое место.

«Кажется, никогда нам на планете этой не встретиться. Просто рукой махнуть, и голос почти неслышен, просто: «Пока, пока», и молча пойду я вниз по лестнице, может, когда-нибудь музыка станет тише».

– В эфире радио «Пурга», Олег Преображенцев из Анадыря...

– ...и Лилия Молчанова из Москвы...

– ...мы продолжаем говорить о том, что больше всего интересует наших слушателей, а что не слишком. За что вы любите нас, а за что ненавидите!..

– ...я думаю, ненависть – слишком сильное чувство, хотя вы правы... однажды в пробке, а у нас в городе ужасные пробки, я прямо-таки возненавидела радио, и знаете, за что?..

– ...и тем не менее радио всегда остается с нами. Помните, в каком-то фильме говорили, что вскоре не будет ни кино, ни театра, а будет одно сплошное телевидение? Вот смерть радио тоже предполагалась или нет?

И эфир полетел, как на крыльях, и они оба резвились в нем с удовольствием и азартом, и звонки сыпались, хотя слышно было плоховато – метель, проблемы со связью на Чукотке! – и музыка играла, и кофе кончился в кружке, и индикаторы уползали с зеленого в красный, и далекие голоса из странных мест с инопланетными названиями – Певек, Канчалан, Эгвекино – звучали в динамиках.

– Давай под финал что-нибудь ударное забачаем, Олег!

– А что ты хочешь?

Сдвинув наушник, Лиля подумала секунду.

– Или, может, романтическое?..

– Да ну его к черту, романтическое!

– Тогда давай «Мюз», у них есть что-то такое про революцию.

– Нет у меня про революцию! У нас вообще новых треков

мало!

– Ну, тогда давай «Рамштайн»! Есть?

Он кивнул, глядя в монитор. Они приняли еще один звонок, попрощались, и грянул «Рамштайн».

Лиля стянула наушники и пристроила их на пульт. Все закончилось. Как жаль.

Вот тебе и лежбище моржей!..

Дверь в студию открылась – первый раз за час, – влетел давешний очкастый парень с растрепанными бумажками, посмотрел по очереди на обоих, покрутил пальцем у виска в сторону Преображенцева и сказал:

– Огонь!

Лиля взяла пустую кружку, потянула с пола свою сумку и вышла следом за Олегом. Она вдруг очень устала. Прямой эфир, с ним не шутят.

Загорелась красная лампочка, там, в студии, очкастый парень начал читать новости.

В коридоре толпился народ, и все что-то говорили и разом замолчали, увидев Лилю.

– Здравствуйте, я Роман Литвиненко, директор. Я вас слушал! Преображенцев, зайдешь потом ко мне, да? Ну, вас, Лиля, можно в штат принимать и зарплату выписывать – как ведущей! Преображенцев, ты меня понял, зайдешь! Очень хорошо у вас получилось, как будто всю жизнь вместе работали! Прямо слаженно так! Я даже не ожидал.

– Я сама не ожидала, – сказала Лиля. – Вы меня извини-

те. Я знаю, что так не полагается, но мне очень захотелось в эфир!

Люди в коридоре придвинулись поближе, чтобы не пропустить ни одного слова, а Преображенцев куда-то делся.

– И именно с Олегом! Я же его слышала, как только прилетела. Мы с Аленой!.. А ее нет? Так что спасибо ему большое, я к нему напросилась, и он меня не выгнал.

Директор радиостанции покивал коротко стриженной башкой, принимая ее объяснения, и было совершенно очевидно, что Преображенцеву влетит по первое число!

– Ну, пойдете ко мне, пойдете! Поговорим, кофейку дернем! Где Алена Долинская, она же здесь была?..

Он повернулся к сотрудникам:

– И чего вы все здесь стоите?! Дел ни у кого нет? Если нет, давайте по домам!

– Можно я вас сфотографирую? Вот здесь, на фоне логотипа? Мы всех гостей снимаем.

– Успеешь еще!

Парень с фотоаппаратом прицелился и отступил на шаг.

– А там, в студии, ваши фотографии, да?.. – обрадовалась Лиля. – Замечательные, правда!

– Там Сухонина фотографии, – не отрываясь от объектива, пробормотал парень. – Мои тоже есть, но я не такая... знаменитость. Я все больше в студии снимаю, и грантов мне не дают. Чуть-чуть левее подвиньтесь!

– Гоша, давай быстрее, а?

Лиля подвинулась левее.

– Ром, теперь вместе с тобой!

– Да ладно!..

– Давай вставай, не ломайся!

– Это Георгий Шахов, – пояснил смущенный директор и обнял Лилю за талию. – Наш фотограф. Родился и вырос на Чукотке, между прочим!

Лиле показалось, что этого самого Георгия она тоже откуда-то знает! Не иначе в Москве встречались. Тут ей вдруг стало смешно.

Директор радиостанции «Пурга», похожий на матроса с парохода-угольщика, сдержанно сопит совсем рядом, и его тяжелая лапища лежит у Лили на талии, и пахнет от него табаком и бензином, и нет и не может быть на свете никакой Москвы!..

Георгий Шахов несколько раз щелкнул, глянул в окошечко своей камеры, удовлетворенно кивнул, и директор с явным облегчением опустил лапу и подался от Лили в сторону.

– Ну, пойдёмте, пойдёмте! Настя, сообрази нам кофейку! Или, может, чаю?.. Что вы все тут стоите?! На самом деле заняться нечем?! Я всем сейчас работу найду!..

Хлопнула дверь, и убежала Алена Долинская.

– Ну, с первым эфиром на Чукотке тебя! – издалека закричала она. – Я не поняла, ты диджей, что ли, профессиональный?! Ребята, в мою программу нужно пару синхрончиков собрать, я там все разметила. Сделаете?.. Я-то думала – так

просто, партийный функционер, девочка-припевочка! А ты молодец!

Алена хвалила ее с таким удовольствием, как будто Лиля была не большим московским начальством и «засланным казачком», а студенткой-первокурсницей, которая могла за просто сорвать эфир, но совершенно неожиданно не сорвала, и все теперь удивляются ее способностям и дарованиям.

Да и разговор про «девочку-припевочку» при всем честном народе был абсолютно недопустим.

...Хотя что они понимают в профессиональной этике? Тут кругом Ледовитый океан и лежбища моржей!

Сделав от раздражения специальное «московское» лицо, Лиля строго сказала, что готова поговорить, и следом за Романом вошла в тесный до невозможности кабинетик, единственным окном смотревший в пургу, уселась, правильно сложила ноги и выпрямила спину. За ней вломилась Алена, заняв сразу очень много места, с какими-то папками, которые тоже заняли много места, и некоторое время директор бестолково перекладывал их, потому что они мешали видеть Лилю и вообще грозили вот-вот обвалиться.

– Вы как? – продолжая канитель с папками, ненатурально бодрым голосом спросил директор-матрос. – Закрывать нас приехали?

Лиля пожала плечами. Сказать правду – сама не знаю, зачем приехала, сослали, вот и приехала! – она не могла. Со врать – ну-с, посмотрим, чем вы тут занимаетесь, показывай-

те, показывайте, а мы там, в Москве, решим, что с вами делать! – почему-то было стыдно и невыносимо. Особенно после эфира с Олегом Преображенцевым.

– О закрытии радиостанции, – начала она официальным тоном, – мне ничего не известно. А я приехала просто, чтобы познакомиться с вашей работой.

– Ага, – согласился ничего не понявший директор. – Ну, значит, мы вас познакомим! Собственно, как работают ведущие, вы уже видели. Вечером в эфир пойдет Долинская, – Алена энергично покивала, – может, вы с ней тоже... хотите?..

Лиля посмотрела на него. Н-да. Вовсе он не матрос с парохода-угольщика! Он пытается определить, чем именно она станет заниматься на его территории полгода, он же не знает, что она решила улететь первым же самолетом, и определить пока не может. Впрочем, она и сама не может!..

– Всякие документы мы для вас собрали. – Он опять переложил папки и накрыл поехавшую стопку большой ладонью, чтоб не упала. – Радиостанция существует с две тысячи первого года, давно! Вот здесь договоры на информационное спонсорство, а здесь, наоборот, на рекламу. Вы финансовые отчеты за все одиннадцать лет будете смотреть?

Нет, никакой он не матрос!

– Буду, – сказала Лиля неизвестно зачем. – И еще планы мероприятий, которые вы освещаете. Есть такие?

Не-матрос переглянулся с Аленой.

– Конечно, есть! – Та схватила еще какую-то папку и потрясла ею. – Они все в основном бывают весной и летом. «Беренгия», это фестиваль так называется, тут про него все написано, посмотришь. Ну, «Корфест», это тоже в марте, когда корюшка идет. «Надежда» – гонка на собачьих упряжках, это, конечно, по снегу! Такой класс, я несколько раз ходила!

– На собаках? – осторожно спросила Лиля.

Алена засмеялась:

– На кошках далеко не уедешь! Я, конечно, не каюр, но по прямой могу проехать и упряжку удержать. Но это так, баловство! А вот настоящие каюры как упряжку ведут! Это надо видеть. Рома, нужно будет обязательно организовать!.. Когда в этом году гонка стартует?

– На Чукотке собаки уникальные, – подхватил директор радиостанции. – И упряжка – транспорт самый надежный. По припаю на чем пойдешь? В трещину угодить только так!

– Припай – это береговой морской лед, – объяснила Алена.

– А хороший вожак трещину чувствует и всегда обойдет! Мне отец рассказывал, в восьмидесятых годах один вожак на всю Чукотку славился. Компасом его звали. Он четырнадцать лет на суше и на льду отработал и ни разу не ошибся.

– Подождите, – попросила столичная жительница. – Кто четырнадцать лет отработал?!

– Вожак, – удивился директор радиостанции. – Пес. Очень умный и работоспособный. Чукотская порода вообще фено-

менально работоспособная!

Разговор с начальниками радио «Пурга» получался какой-то странный, кособокий. Как будто Лилия Молчанова прилетела на Чукотку исключительно ради баловства, и эти занятые люди на ходу придумывают, чем бы занять ее, бездельницу.

Вот гонками на собачьих упряжках, может?.. А еще в кинотеатре «Полярный» в пятницу, кажется, будет какой-то фильм... Его придерживают до пятницы, как раньше водку в ресторане.

А Кирилл в Москве ничего этого не знает и не догадывается даже, как трудно ей здесь приходится! Или не хочет ни знать, ни догадываться?

Они разговаривали довольно долго и бестолково, и, кажется, под конец хозяева совсем запутались: зачем она прилетела, чего от них требуется, как им устроить все наилучшим образом? От бестолковости беседы Лиля сильно устала, она всегда уставала, когда приходилось заниматься бессмыслицей, а может, смена часовых поясов давала себя знать.

– Я бы тебя отвезла, но не могу, мне в эфир, – сказала Алена, когда они наконец-то вывалились в коридор, делая друг перед другом вид, что «беседа была плодотворной». Лиля быстро и судорожно зевнула, прикрывшись рукой. – Ром, ты же проводишь...

– Я прекрасно доберусь сама, – сказала Лиля неизвестно зачем.

– Конечно! – фыркнула Алена. – Там метель, а у тебя как раз обувь подходящая! Слушай, с мужиком-то тем как вышло, который торбаса шьет! Шил то есть. Вот испытание тебе! И как его угораздило? У местных нервная система крепкая, они истериками не страдают, а он взял и застрелился! Угорел, что ли, совсем?

– Я не знаю.

– Я бы там в обморок упала, – заявила Алена на манер директрисы детской библиотеки, которая тоже собиралась упасть в обморок. Лиля подумала мельком, что врут обе: ни одна из них не упала бы! – А ты справилась! Местные говорят: всем, кто связался с золотом, рано или поздно конец. Вот и дядя Коля...

– С каким золотом? – не поняла Лиля. Ей очень хотелось спросить, есть ли на радиостанции какая-нибудь особенная связь, вдруг удастся позвонить!

– С обыкновенным. Здесь много артельщиков, которые раньше золото мыли, а некоторые и сейчас моют. Меньше, чем на Колыме, конечно, но все-таки. Вон у Гоши, фотографа нашего, отец всю жизнь золото мыл, так и сгинул. И дядя Коля с артельщиками в тундру ходил золото, алмазы искать. Проводником был. Хотя местные неохотно в проводники идут.

Проводники, думала Лиля, полупроводники, сверхнизкие температуры, сверхвысокие частоты, спецсвязь, спецсвязь...

– Местные другие, их золото не особенно волнует. Мне

вообще кажется, что вся эта история с современной цивилизацией и нашими достижениями сомнительна. Правда! Поживешь на Чукотке...

– А у вас нет никакого особенного телефона? – перебила Лиля, не выдержав. – Мне нужно в Москву позвонить!

Алена переглянулась с директором, который все это время топтался рядом, вздыхал и, кажется, мечтал поскорее от Лили избавиться.

– У нас обыкновенные телефоны, – сказал Роман осторожно. – Только в Москве сейчас ночь глубокая. А так отчего же не позвонить, может, и дозвонишься...

...Ночь. Конечно же, в Москве ночь, если только эта самая Москва на самом деле существует на этой планете!

Лилия не могла вспомнить, где оставила куртку, и некоторое время сотрудники и директор искали куртку, и было件нятно, что ему страсть как не хочется гостью «проводить», а хочется остаться «со своими» и вслед ей обсудить сегодняшний странный день и ее, Лилию, и тут вдруг в коридоре появился Олег Преображенцев, с ног до головы в мокром снегу, и сказал, что он Лилию отвезет.

– Спасибо, я прекрасно доберусь сама.

– Да ладно, что ты ерундишь-то... – Олег потрянул капюшоном своей куртки, и с него в разные стороны полетели ледяные брызги.

Алена подскочила и чмокнула Лилию в щеку. Та даже отшатнуться не успела.

– Ну все, я в эфир! Я к тебе забегу, ладненько?

На улице метель стала похожа на вселенскую катастрофу или конец света. Ветер был такой, что Лиля, едва шагнув на крыльцо, обеими руками схватилась за чугунный фонарный столб, чтоб не унесло в океан.

– Прыгай! – прокричали откуда-то. – Двери открыты!

Машина-джип с работающим двигателем стояла прямо перед ее носом. Жмурясь от снега, лепившего в глаза, не понимая, как вздохнуть, и зная только, что нужно спастись, Лиля отцепилась от столба, шагнула, навстречу распахнулась дверь, и, поскользнувшись на заледеневшем пороге, Лиля ввалилась в теплое и безопасное автомобильное нутро.

– Да что ж это такое!

– Ничего такого. Метель пришла.

Олег перегнулся через Лилю, которая возилась на своем сиденье, пытаясь пристроиться, и получше захлопнул дверь. Завывания ветра сразу отдалились, стали не такими ужасающими.

– Чтоб она провалилась, эта ваша метель, – под нос себе забормотала Лиля, и злые слезы показались у нее на глазах. – Самолетов нет, телефоны не работают! На улицу не выйти!

Олег молчал. Джип потряхивало, когда налегал ветер.

– Какие-то собачьи упряжки, трупы, черт знает что!.. Живу у чужих людей! Оленина на завтрак! Я в Москву хочу, понимаете вы это или нет?! Я домой хочу! Я горячую ванну хочу и чтоб в ней вода была, а не мазут! – Она все дергала

ремень, который никак не выдергивался. – Что вы все здесь делаете, а?! Героические подвиги совершаете?! Флаг вам в руки и барабан на шею, а я не желаю! – Она с силой пихнула пряжку в гнездо. Замок смачно щелкнул. – Я не могу здесь находиться! Я хочу домой, домой!

Олег все молчал. Играло радио – «Пурга», разумеется, – и Алена Долинская что-то говорила в эфир, довольно игриво.

– Ну, что?! Так и будем стоять, пока нас в залив не унесет?!

– Сейчас не унесет. – Олег тронул машину с места. – Ветер слабый совсем.

– Ты специально, да?! Специально?! Издеваешься надо мной?!

Ничего не было видно. Там, где полагается быть капоту, колыхалась сплошная снежная пелена, снизу чуть разбавленная желтым – видимо, это светили фары.

Лиля наклонилась вперед и уткнулась лицом в ладони. Машина ползла, совершенно бесполезные «дворники» мерно стучали.

– Я не буду тебя утешать, – сказал вдруг Олег Преображенцев и улыбнулся. – Потому что все это чепуха! Придет борт, улетишь, только и всего. Каждый пошел свой дорогой, а поезд пошел своей!

Лиля сбоку на него посмотрела, и он покосился на нее.

– В эфире ты хорошо работаешь, – похвалил он. Она раздраженно пожала плечами и вдруг вспомнила, как там, на

радио, хвалила его за то, что хорошо ведет, а он пожимал плечами, тоже довольно раздраженно. – И голос у тебя соответствующий, радийный! Мне Абакумов говорил когда-то, что радийные голоса – большая редкость. Я тогда ему не верил, а сейчас стал пони- мать.

– Абакумов? – Лиля подумала немного. – Директор «Росси»?

– Ну, конечно. Он один на радио – Абакумов!

– А ты... знаком с ним, что ли?

– Я у него учился.

Лиля шмыгнула носом. А шут его знает, может, так и есть! Легендарный директор самой крупной радиостанции в стране на самом деле, кажется, преподавал в университете. Говорили, что сам он учился у знаменитого Левитана, который читал когда-то сводки Информбюро, у них даже голоса похожи. Лиля знала Абакумова издавека – со всякими мелкими сошками вроде Кирилла он не общался, что уж говорить о Лиле, но иногда вручал премии и дипломы на больших мероприятиях, и ей однажды вручил и даже руку пожал!

Абакумов и его огромная федеральная радиостанция с десятком частот, филиалами во всех крупных городах России, штатом в несколько тысяч человек и зданием возле Белорусского вокзала не могла иметь никакого отношения к метели, ветру с анадырского лимана, налегавшему на тяжелый джип, к постороннему человеку за рулем, который так буднично сказал, что у Абакумова учился!..

Лиле стало неловко. Зачем она плакала да еще кричала про мазут вместо воды и героические подвиги?..

– Я даже позвонить не могу, – буркнула она, как будто оправдываясь. – А мне очень нужно!

– Связь надолго не пропадает. Появится, и позвонишь.

Машина остановилась. Двигатель Олег не стал глушить.

– Пойдем провожу.

– А мы приехали?!

Он кивнул и открыл дверь, в которую сразу вломился снег, закружил по салону.

Она перестала его интересоваться, вот что. Лиле это было понятно и почему-то очень обидно. Она ведь нравилась ему – и в коридоре, когда он молниеносно смерил ее глазами от кудрей до ботинок, и в студии, когда устроил ей проверку, а потом в эфире они искренне наслаждались друг другом и свободой, которая получилась у них одна на двоих.

Он вернулся за ней на радиостанцию, потому что она ему понравилась, и это тоже было понятно! Теперь он стал равнодушен и явно хочет побыстрее уехать.

Ну и сколько угодно. Ну и пожалуйста!.. Пусть отправляется на лежбище моржей хоть прямо сию секунду! Каждый пошел своей дорогой, а поезд пошел своей, подумаешь!

Обеими руками придерживая на голове капюшон, отворачиваясь и почти падая на ветер, который Олег назвал слабым, Лиля втиснулась в подъездную дверь и перевела дыхание.

– Пока! – крикнул Олег снаружи, и дверь с силой захлопнулась. Ветром, должно быть, захлопнуло!..

В Лилином жилище было темно, холодно, промозгло, пахло чужими вещами и нафталином от юкагирской кухлянки, громоздившейся на вешалке. Лиля зажгла свет, окна сразу потемнели и провалились. Как была в холодной и влажной куртке и вымерзших лакированных ботинках, она приткнулась на табуретку, достала телефон и нажала кнопку.

Из небытия выплыла знакомая и любимая улыбка, лето, зеленая трава, синее небо – на той планете, где она жила раньше, все это было, было!.. Лиля некоторое время гладила телефонный экран, но пальцы ощущали только стекло и пластик, ничего живого. Тогда она набрала номер, долго слушала равнодушную тишину, простиравшуюся от Чукотки до Москвы. Ничего больше не существовало, только метель и тишина внутри телефонной трубки.

...Связь надолго не пропадает! Появится, и позвонишь!

Долго на этой планете – это сколько?.. Вечность? Две вечности? Джинсы на коленках были перепачканы чем-то, и Лиля подумала, что это, должно быть, оттого, что она упала. Нужно постирать. Иначе ходить будет не в чем, прав Лева Кремер, недоуменно интересовавшийся, где ее вещи.

Тишина в трубке всхлипнула, развалилась на короткие гудки.

Все ясно.

Равнодушная, как эта самая тишина, Лиля один об другой

стасшила лакированные ботинки и попробовала сидя стянуть джинсы, но не получилось.

В расстегнутых штанах и куртке, которая все никак не согревалась ни снаружи, ни изнутри, она поплелась в комнату, наугад достала что-то из чемодана, надела, а то, что сняла, запихнула в стиральную машину.

Что-то болталось у нее в кармане, какая-то пластмассовая штука, Лиля выложила ее на стиральную машину.

Машина бодро загудела привычным, цивилизованным, электрическим звуком.

Плита была белой, чистой и холодной, как тундра после первого снегопада. Поесть нечего. Попить тоже нечего. Почитать, и то нечего!

Ветер приналег так, что затрещали рамы и стало слышно, как с той стороны ломится в окна метель.

Говорят, в пятницу в кинотеатре «Полярный» будут показывать новый фильм.

Стиральная машина вдруг как-то странно икнула и замолчала, и Лиля посмотрела на нее вопросительно. На белой квадратной морде мигали красные огни. Лиля некоторое время смотрела на огни. И вдруг как-то разом из-под машины хлынул кипяток, моментально и деловито залил весь пол и Лилины ноги.

Лиля ахнула, вскочила как ошпаренная – впрочем, она и была ошпаренная! Ноги сильно жгло, но она кинулась и выдернула вилку из розетки, погасли красные огни. Вода стре-

нительно прибывала. Где-то должен быть кран, и его нужно перекрыть. Где он может быть?!

...Когда к Лиле приходили друзья-студенты и стыдливо спрашивали про мусорное ведро, окурки, мол, выбросить и разные бумажки, бабушка всегда отвечала: «У нас ведро там же, где и у вас!» То есть под раковиной. Больше ему быть негде. Там, под раковиной, всегда и у всех бывает мусорное ведро и какие-то краны!..

Кривясь и повизгивая от боли, по щиколотку в горячей воде Лиля распахнула дверцы и сунулась под раковину. За мусоркой и впрямь обнаружили вентили, и Лиля стала их заворачивать.

Бабахнула дверь, затопали ноги, заговорили люди, очень громко. Наводнение прекратилось.

– Лева, говорила я тебе, надо все проверять! А ты: Васька такой хороший мастер!

– Батюшки, налило-то сколько!

– Таня, где тряпки?! Тряпки где?!

Лиля выбралась из-под раковины, шмыгнула носом и утерла мокрый лоб. Ей показалось, что в кухню набилось очень много народу.

– Воду завернула? Молодец! Медаль тебе!

– Лева, ее обожгло небось! Девочка, ошпарилась?!

– Таня, я тут сам, а ты веди ее к нам! Мазью нужно сразу!

Той, с китовым жиром! На балконе справа! Банка такая...

– Знаю я, какая банка!

– У меня с потолка дождь идет! Залило все! – говорила какая-то женщина.

– Мы вас переселим, переселим, не переживайте, а завтра я все уберу!

– Таня, намажь ей ноги!

– Лева, ты, главное, не волнуйся!

– Я совершенно спокоен!

– Да я тут помогу Льву Михайловичу! Сейчас еще дочка прибежит! Вы идите, идите!..

Таня крепко взяла Лилю за руку повыше кисти, как будто она могла убежать, и повела за собой. На лестнице им попалась щекастая девчонка в спортивных штанах и свитере. С необыкновенно деловым видом она мчалась вверх, в руках держала таз.

– Это все Лева! – говорила Таня, не останавливаясь. – Он пропащих спасает! И не остановить его! Этот когда-то сварщиком был первоклассным, тот бульдозеристом, а следующий плотником! Они все пенсию пропьют, приходят, ноют, вот Лева и дает им подработать, а чего там они могут наработать! Глаза б мои не глядели!.. Машину только на той неделе присоединили. И вон что! Теперь внизу ремонт придется делать, а все через его доброту! А там же люди живут, под тобой-то! Садись, садись, девочка, а я сейчас.

Лиля приткнулась на коричневый ковровый кухонный диванчик. Утром она завтракала тут котлетами из медвежатины. Кто-то, помнится, ходил в тундру, добыл медведя, и Та-

ня сделала котлеты.

Ступни горели, как будто Лиля ходила по углям на манер индийского факира, и очень хотелось стащить носки. Казалось, что жжет именно от носков.

...Как же теперь ходить? Ноги обожгло. Лева жалеет пропавших, а те даже не могут как следует прикрутить шланг, вот нормальным людям ноги и обжигает!

– Ну что же ты?! Нужно снять! Ах ты господи! Дай я сама!

Таня нагнулась и ловко стащила мокрые и холодные носки.

– Ничего, ничего страшного! Ерунда это все! Вот в восемьдесят четвертом котельная встала как раз накануне ноябрьских праздников! Мы из гостей возвращались, а кипятилок хлещет и прямо на глазах в лед превращается. Лева и полез! Прямо туда, в кипятилок! А что делать-то? Там же кочегар остался. Он полез, а я по домам побежала, чтоб трубы перекрывали и воду из батарей сливали – поморозит же все!

Таня говорила и легкими движениями мазала красные Лилины ступни какой-то дрянью из трехлитровой стеклянной банки. Дрянь была холодной, приятной.

– Сейчас пройдет, пройдет, девочка! Это такая штука целебная! Все раны в один момент заживают, на себе проверено. Лева китобои привозят. Главное, сразу намазать!

Лилия покрутила ступней, которая блестела жирным воспаленным блеском, но – странное дело! – совершенно не болела, как будто Таня своими движениями стряхнула с нее

ОЖОГ.

– Ты посиди, вон телевизор посмотри! А я сбегаю, воду помогу собрать. И нижних жильцов переселю, маму с дочкой. У них там потоп, а они Леве помогают! Вот беда-то!..

– А в котельной что случилось?

Таня остановилась в дверях:

– В какой котельной?

– Которая накануне ноябрьских праздников встала? В восемьдесят четвертом?

Таня махнула рукой:

– Котел разорвало. Кочегара ошпарило сильно. Его Левка вытащил. А воду все равно уж не остановишь. И мороз, мороз, как сейчас помню! Где-то мужики успели трубы перекрыть, а где не успели, там разморозило все! Детей со всего Анадыря собрали в одно место, там топили чем могли. Плавником, углем, который из-под льда в котельной наковыряли, моржовым жиром. Местные подвозили. Жир хорошо горит, тепла много дает. Главное, котел новый нужен, а где его взять? Только с материка везти, а нельзя.

– Как нельзя? Почему?!

– Ноябрьские, говорю же! Начальству доложить, что Анадырь замерзает, все боятся. Котел-то сам по себе не возьмется, его заказывать нужно, а для этого всякие разнарядки требуются, разрешения, резолюции! А тут праздники, рапорты торжественные к годовщине революции, повышенные обязательства, пленум ЦК. Тебе не понять, ты маленькая еще. Ле-

ва после той истории ревматизмом мучается, он в воде долго пробыл.

– А кочегар? Выжил?

– Николай Трофимыч? Жив-здоров! Сейчас на материке, у внуков гостит! Ему бы совсем уехать, а он ни в какую! Ну что ж это мы с тобой рассусоливаем? Хороша я-то! Побегу! А ты сиди, вон телевизор гляди!

Она пропала из глаз, а Лиля снова в разные стороны покрутила ступнями. Ожог на самом деле сняло – не как рукой, а именно рукой! Таня его сняла.

Нагревшаяся в тепле чудодейственная мазь потихоньку начала пахнуть, и это оказался такой запах, что Лиля зажала ладонью рот, всерьез опасаясь, что ее вырвет.

Впрочем, дышать нужно было именно ртом, нос втягивал не воздух, а проклятый запах, и Лиля стала дышать ртом, старательно контролируя себя.

...Нельзя, чтоб вырвало, стыдно. Подумаешь, запах!.. Зато совсем не больно.

Через некоторое время она приспособилась – вдох ртом, выдох носом, – и вернувшиеся Лева с Таней застали ее с интересом читающей газету «Крайний Север», из которой она за это время узнала, что мэр Анадыря накануне встречал прилетевшего губернатора, что в Билибинском музее вновь открылся зал палеонтологии, что косторезы Уэлена принимают у себя эскимосов с Малого Диомида, в скобках было помечено – США, Лилия не поняла, при чем тут США. Еще

была беседа с терапевтом Нечаевым о профилактике авитаминоза и большая статья об увеличении поголовья оленей в ванкаремской тундре. Оленеводов хвалили и поздравляли.

По телевизору все это время показывали веселый концерт. Девушки почти без одежды, но в разноцветных блестящих встряхивали платиновыми волосами и силиконовыми грудями, юноши в прозрачных рубашках и атласных штанишках встряхивали волосами смоляными и динамическими микрофонами. Смотреть и слушать все это было почему-то тошно, и Лиля не смотрела и не слушала.

– Знакомый до боли запах! – радостно вскричал Лева Кремер, появляясь на пороге, и зажал свой необыкновенный нос. – Таня, открой форточку немедленно, иначе я за себя не отвечаю! Лилия, касатик, как ваше ничего? Я таки не уследил, и произошла катастрофа! И не уговаривайте меня! Я знаю, что произошла!

Лилия засмеялась и отложила газету на страшно интересной статье о собачьих упряжках, решив, что потом непременно дочитает.

– А я сегодня слыха-ал! – Лева уселся напротив, быстро и внимательно оглядел Лилины ступни и погрозил ей длинным пальцем, как будто она что-то скрывала, а он ее раскусил. – А я слыха-ал!.. И даже сказал Николаю Юрьевичу, что та самая Лилия Молчанова из радио квартирует у меня на квартире. Очень милая девушка, очень, вот как я сказал Николаю.

– Мы там все прибрали. – Таня хлопотала возле плиты. – Вещички твои я в своей машине достаю, ты не беспокойся! И высушу, и выглажу!

– Ну что вы, это неудобно, спасибо вам большое.

– Неудобно, когда на ноги льется кипяток, вот это неудобно! Таня, где у нас виски, помнишь, в прошлом году Миша Касьяненко привез с материка? Мне просто необходимо для поправки нервов! Они в чудовищном состоянии! Фельдшер Щупакин в восемьдесят восьмом уверял меня, что нервные клетки не восстанавливаются, и был абсолютно прав! Нужно перестать нервничать и приспособиться, утверждал фельдшер Щупакин. Сам он совершенно приспособился, но в скором времени помер от белой горячки. Таня, ну, где тот виски, за который я только что говорил?!

– Сейчас, Левушка!

– Все хорошо? – вдруг спросил Лева у Лили и пристально посмотрел ей в лицо. – Или все плохо?

– Да нет, – сказала Лилия. Ей показалось, что спрашивает он вовсе не о потопе и стиральной машине. – Подумаешь, труба лопнула. Ничего особенного.

– Труба как раз и не думала лопаться. Труба как раз стоит на своем законном месте как вкопанная! А сорвало окаянный шланг.

– Лева, я сколько раз говорила...

– Сколько раз ты говорила, столько раз я слышал!

– Они опять придут, тунеядцы эти, ты опять им будешь

платить, а они...

– Таня, я уже встал на путь исправления. Ну, по одной!

Лева Кремер с силой выдохнул как полагается и одним глотком махнул из стакана виски, налитый Таней.

– И вам сегодня положено, – и он опять погрозил Лиле пальцем, – или вас всю ночь будет мутить от запаха этого трехклятого жира, а оно вам надо? Что делать?! Чудесное средство, без него пропадешь! Но амбре, конечно... Хотя с другой стороны – и амбре!.. Идеал недостижим! Или да? Лечит, но воняет! А бывает и так, что не воняет, но и не лечит.

Лилия влила в себя виски. Горло обожгло, слезы выступили на глазах.

– Ну, ну. – Лева похлопал ее по плечу. – Таня, дай ребенку закусить или ребенок сделается пьяный, а мы за ним ответственные!

– Даю, даю!.. И супчику даю, и гуляшник, и вот здесь еще оленинка, жаренная с лучком! Левушка, ну что ты сидишь без дела! Налей девочке еще чуточку для аппетита!

...Часов в двенадцать совершенно разомлевшую, пригревшуюся и счастливую Лилию проводили спать. Пристраивая ее под роскошную пышнотелую перину, Таня приговаривала, что вот и слава богу, сейчас поспишь хорошо, а утром все пройдет, утро вечера, как водится, мудренее и еще что-то такое же бессмысленное и утешительное. Под периной было тепло, а это самое главное на побережье Мировой Арктики, всякий знает! Еще было сытно – хорошо поесть тоже очень

важно на этом самом побережье, тут кофейком да сухариком не обойдешься, и терапевт Нечаев предупреждает об опасности авитаминоза, в тундре возросло поголовье оленей, а Олег Преображенцев просто дурак какой-то, хоть и учился у самого Абакумова...

Лиля проснулась, улыбаясь.

Сейчас она еще пять минут повалится – больно уж хорошо валяться! – потом позавтракает как следует и на работу! Нужно посмотреть, что там за проблема у Преображенцева с фонотекой – как это группы «Мюз» нет, помилуйте! А директору Роману, который притворяется матросом с парохода-угольщика, хотя никакой он не матрос, можно будет предложить одну интересную штуку – какую-нибудь часовую викторину. «Викторина» звучит ужасно скучно, а на самом деле должно быть весело! Задается тема, каждый день разная, придумывается вопрос, любой! То есть на самом деле любой – Лиля потянулась и закинула руки за голову, – про французское кино, про собачьи упряжки или – вот, вот! – про вступление России в ВТО. Совершенно очевидно, что здесь никому нет дела до этого самого вступления, и можно спросить, почему нет, и это будет смешно и поучительно. Надо призы придумать за лучший ответ – допустим, самый остроумный или правильный, если нужно угадать фильм или саундтрек. Только не «пустышки» – годовую подписку на журнал «Мурзилка» или набор открыток, – а

футболки, кружки, шапки, все исключительно с логотипом «Пурги». Под это дело можно будет договориться со спонсорами...

Тут вдруг раздался какой-то странный звук, совершенно посторонний. Лиля вынырнула из перины и посмотрела по сторонам. Ничего такого постороннего – комната с полированным сервантом, в серванте всякие штучки, полированным гардеробом и полированным комодом, а также двумя креслами, вовсе не полированными, а плюшевыми, и коврами не только на полу, но и на стенах. Звук повторился, и Лиля решила не обращать внимания.

Должно быть, где-то там, у Тани слевой, звонит телефон. ...Значит, договориться со спонсорами и заранее освещать мероприятия, о которых вчера говорил директор, – гонки на собаках, фестивали коренных народов, и не просто освещать, а готовить к ним аудиторию, заранее формировать интерес, а для этого надо придумать, что именно отличает, допустим, гонку именно в этом году...

Телефон?! Телефон?!

Лиля вскочила, кинулась, роняя со стула аккуратно сложенные вещи, путаясь и выворачивая карманы, выхватила мобильный. Господи помилуй, он и вправду звонит!

– Молчанова, привет, – сказал в трубке любимый, прекрасный, сказочный голос с другой планеты. – Ну чего? Как аборигены? Аборигенствуют?

– Кирилл! – Лиля села в перину, ноги подкосились. – Как

я рада тебя слышать, если бы ты только знал! Наконец-то...

– Ну? Время идет, работа стоит?.. Или как?

– Кирилл! – закричала Лиля, изо всех сил сжимая мобильный, в страхе, что он исчезнет вместе с трубкой. – Тут пурга, самолеты не летают! И связи нет! Не было! Слышишь?! Какое счастье, что ты дозвонился! Я сто раз звонила и ничего...

– Я и не дозванивался, – весело объявил мужчина ее жизни с другой планеты. – Я просто позвонил, и готово. Вечно у тебя какие-то сложности, Молчанова! Вот чего я не люблю, так это метаний твоих! Просто терпеть не могу! Ты к губернатору сходила?

Лиля не поняла ничего про губернатора. Ей столько нужно ему рассказать! И про дядю Колю Вуквукая, и про сопки, и про «Пургу» – ту, что радио, и ту, которая за окнами! – и про лиман, и про...

– Ты первым делом должна была сходить! – Голос сделался недовольным, за ним в отдалении слышался шум, похожий на ресторанный. – Ну что ты, ей-богу! Я же тебе бумажку специальную дал! А ее один сенатор подписал! Он теперь звонит, спрашивает, как тебя губернатор принял, а я ни ухом ни рылом! Ты была у него или нет?

– Где была?! Кирилл, поговори со мной! Я тут совсем одна, и связи нет, я дозвониться не могу! Кирилл, ты слышишь меня?! Я хочу улететь, как только самолет придет, но тут никто не знает, когда он будет!

Мужчина ее жизни помолчал секунду.

– Значит, так, Лиль. У тебя командировка, или ты не в курсе? Ты можешь хоть когда вернуться, за последствия я не отвечаю. Прикрывать тебя я не собираюсь. Мы с тобой, конечно, прекрасно проводили время, но ты сотрудник холдинга, как и я. Хочешь проблем, возвращайся, ради бога!

Лиля слушала, и сердце у нее холодело. А может, и не сердце. Может, она сама замерзала. В комнате было холодно. Все же пурга за окнами – не только на радио!

– Это все не мое дело. А мое дело следующее. У тебя бумажка есть, подписанная Никольским, сенатором. Я у него накануне твоего отъезда интервью брал, ну, и сказал, что от нас человек в Анадырь летит. Он бумажку дал к губернатору. Сегодня его помощник звонил, спрашивал, как тебя приняли. А я не в теме. Ты была у губернатора?

– Нет.

– Ну молодец, Молчанова! Как всегда. Значит, сходишь к нему, отдашь эту бумажку, если ты ее еще не посеяла... не посеяла, Молчанова?

– Нет.

– И мне отзвонишь. Хоть что-нибудь уже сделай, а? Выйди из комы!

– Хорошо.

– Все, давай, целую. Пока.

Цифровая абракадабра на экране погасла, и выплыло загорелое, улыбающееся, любимое лицо. Лиля посмотрела на него.

...Разве сейчас он звонил? Вот именно этот человек, который так улыбается ей?! Который спал с ней, и просыпался с ней, и целовал так, что в голове становилось горячо, темно и пусто?!

Что там случилось, на той планете, где остались Москва и Кирилл? Что-то ведь случилось! Лиля улетела на звездолете в иные миры, а в ее мире, который она знала, понимала и так любила, произошла катастрофа. Он то ли перевернулся, то ли отсюда, с этой планеты, кажется, что он перевернулся, и Кирилл – вовсе не Кирилл?..

Картинка исчезла, канула в черноту экрана. Тут Лиле очень захотелось нажать кнопку, вызвать его из черноты и снова посмотреть, подольше, получше, чтобы убедиться, что это Кирилл и он вовсе не перевернулся! И весь ее мир цел, невредим и по-прежнему прекрасно существует.

Она помедлила немного и отложила телефон.

Губернатор, значит? Хорошо, пусть будет губернатор, если в том мире это важно.

И Лиля решительно стала одеваться.

Кажется, Таня караулила под дверью, потому что, как только Лиля задвигалась, она постучала, зашла и сразу же весело захлопотала, стала подталкивать квартирантку в ванную, уверяя, что все утро набирает для нее воду, и повесила чистые полотенца, и пусть Лиля ничего не стесняется, потому что Лева уже давно уехал, и ей никто не мешает, и у них-то самая настоящая ванна, а в Лилиной квартирке толь-

ко душик, и вот всякие шампуни, Наташка с материка присылает, а потом позавтракать надо обязательно, как же не завтракавши на целый день идти в такую метель, хотя первая метель долгой не бывает, однако ж сегодня подувает посильнее вчерашнего.

В крохотной ванной все заволкло паром, вода, хоть и желтоватая, была упоительно, сладостно горячей, и Лиля напустила пены побольше, чтоб не видеть, что она желтоватая.

В этой самой горячей воде, в крохотной ванной, где висели чужие полотенца и халаты, один в другом стояли под раковиной чужие пластмассовые тазы, а на запотевшей полочке теснились чужие банки и склянки, Лилина жизнь совершенно наладилась. Намыливая голову Таниным шампунем, она даже запела – «просто пока, пока, и молча пойду я вниз по лестнице, может, когда-нибудь...» – и с удовольствием лила себе в лицо тундровую воду, и грелась, и снова намыливала, и вылезла с большой неохотой, да и то только потому, что дальше сидеть в кипятке стало никак невозможно.

Когда она открыла дверь, из ванной в коридор клубами повалил пар, как из бани на морозе, и Таня закричала с кухни, что кофе стынет.

За завтраком – блины, большая миска красной икры и поменьше со сметаной – Лиля наконец-то перевела часы на анадырское время и спросила, как ей найти губернатора.

– Как его найти? – удивилась Таня. – А я и не знаю. Может,

у Левы спросить? Может, он знает? Как приедет, мы его...

– А есть что-нибудь такое? – Лиля покрутила в воздухе свернутым блинчиком, показывая, какое именно. – Администрация или мэрия?

– А это есть, пожалуйста, это сколько угодно. Мэрия сразу за той гостиницей, за «Чукоткой», только по левую руку, а администрация – это почти на холме, далеко!

Лиля улыбнулась. В Анадыре на самом деле все очень близко, рукой подать, удивительно даже.

– А губернатор где принимает? В администрации, наверное! – Она свернула еще один блинчик, старательно уложив в него, как в конверт, икры побольше. – Мне бы в приемную бумажку из Москвы передать.

– Вот не знаю я, где он принимает. Я никогда в жизни ничего ему не передавала! – Таня улыбнулась. – Лева приедет, мы у него спросим. Ноги-то как? Ничего?

– Я про них и забыла, – удивилась Лиля и заглянула под стол, чтобы посмотреть. Ноги как ноги, самые обыкновенные.

– Ты пей спокойно, не торопись, все равно пешком я тебя не пущу, говорю, дует сильно, а Лева еще с утра уехал.

Лиля вспомнила, как вчера в подъезде радио «Пурга» держалась двумя руками за батарею не в силах отдышаться, уверенная, что на самом деле едва избежала смерти.

...Н-да. Пешком действительно не дойти. Позвонить Олегу Преображенцеву, попросить заехать? У них тут все как-то

очень просто, необъяснимо просто! Можно попросить – и за тобой заедут. Можно попросить – и дадут поесть. А можно ничего не просить – и получишь почти новую юкагирскую кухлянку, потому что в декольте и лакированных штиблетах пропадешь.

И Лиля позвонила Алене Долинской.

Преображенцев... ну его. В общем, не стала Лиля ему звонить.

Алена так обрадовалась, как будто сидела и ждала, когда же наконец Лиля позвонит и о чем-нибудь ее попросит, и заняться ей было совершенно нечем, а тут, слава богу, занятие нашлось. Она сказала, что, конечно, конечно же, заедет и в администрацию подвезет.

– Только оденься по-человечески! – вслед Лиле крикнула Таня. – У тебя ж и торбаса, и шуба, все есть! Слышишь?!

Лиля сказала, что слышит, и, отдуваясь и переваливаясь, как Винни Пух после обеда у Кролика, забралась на свой третий этаж.

Все последствия вчерашнего потопа оказались ликвидированы, как и не было его, и в крохотной выстуженной квартирке стало как будто теплее. Это потому, что Таня включила обогреватели – когда успела? Утром, наверное. Она как-то все успевает, эта самая Таня, удивительное дело.

Лиля натянула торбаса – все-таки правый давит, но какая теперь разница, – разыскала в сумке листочек в файловой папке, тот самый, о котором так пекся Кирилл. Листочек,

изрядно помятый, на самом деле был подписан каким-то сенатором, Лиля посмотрела. Подпись и сенатор значили для Кирилла гораздо больше, чем пурга, которая пришла с Ледовитого океана, кипяток на полу, чужие люди, с которыми теперь живет его Лиля и будет жить, пока не «придет борт»!

Так уж получилось.

На площадке закричали:

– Лиля! Лиль!

Она подбежала и толкнула дверь:

– Я здесь!

– Привет! – Алена, румяная с улицы, в тулупе и высоких сапогах, отряхивала с капюшона снег. Завидев Лилю, перестала отряхивать, протопала напрямик к ней и смачно поцеловала в щеку, как будто давно не видела близкого и любимого человека. – А я знаю, что вроде ты здесь где-то, а квартиры-то и не знаю!

– Заходи!.. Хочешь кофе? Нет у меня никакого кофе. У меня вообще ничего нет.

– Да купить надо, и вся недолга. Потом к Тоне с Сережей заедем, все купим, чего там тебе надо.

– Кто такие Тоня с Сережей?

Алена махнула рукой.

– Хорошие ребята. У них два больших магазина и одна лавочка маленькая. Можно и в супермаркет, – это слово Алена выговорила с некоторым уважением, – однако дорого больно и бестолково. А эти ребята молодцы, стараются только све-

жее возить. Ну, насколько это возможно! Сережка прошлую зиму в тундре едва не замерз. Честно. Он в какой-то поселок по зимнику пошел, ну, и попал в пургу. До Анадыря километров тридцать недотянул.

– Что значит «пошел»? – Лиля еще раз проверила заветный листочек в сумке, подумала, побежала в комнату, произвела раскопки в так и не разобранный чемодане и достала меховой шарф, который Кирилл под хорошее настроение купил ей в крохотном дорожном бутике на Петровке. – Пешком, что ли, он пошел?

Алена засмеялась, как будто Лиля удачно и свежо пошутила.

– На вездеходе пошел! «Пешком!» Он в поселок продукты повез. На вездеходе! И запурговал. Но ничего, продержался, а потом, когда улеглось немного и наши подоспели, вытащили его. Тут ведь все от водителя зависит и от машины его. Если водитель не бестолочь последняя и машина нормальная, шансы есть. А тебе в администрацию зачем?

– Да из Москвы сегодня дозвонились...

– Ну?! Связь появилась?!

– Просили передать. – Лиля не стала говорить «бумажку» и сказала «документы», чтоб посолидней.

– А кому передать-то?

– Губернатору вашему.

– Как?! Самому?! – Алена округлила глаза.

Лиля в это время примеривалась к кухлянке, понимая,

что надеть можно только ее, в куртке она точно... вымерзнет. Как преступный элемент.

– Да нет, конечно! – Лиля обеими руками сняла диковинную одежду с вешалки. – В секретариат отдам, они запишут входящий-исходящий, я позвоню в Москву, отчитаюсь.

– А то он вчера прилетел.

– Кто? – Лиля просунула руки в жесткие негнущиеся рукава.

– Роман Андреевич! Губернатор.

– Это на чем же он, интересно, прилетел, если аэропорт закрыт и все самолеты в Якутске? На метле?

– Он, однако, с Аляски прилетел, и транспорт у него свой.

О том, что местный губернатор Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой в одном лице, Лиля давно позабыла, конечно, и ее позабавил Аленин восторг.

А говорят, на двадцатом съезде партии культ личности разоблачили! И даже осудили! Лиля по истории проходила. Осудить-то, может, и осудили, но никуда этот самый культ не делся, особенно, конечно, ежели личность собственному культу способствует.

– Я у него один раз интервью брала! Он к нам на «Пургу» приезжал!

– Здорово.

– Он та-а-акой интересный! В очках. И говорит так... знаешь... внушительно. Вот сразу понятно, что не болтун какой-нибудь, а человек дела.

– Здорово.

– У нас все девчонки в него влюбились сразу. А он на самом деле простой такой! И кофе выпил, и пошутил. Он вообще смешно шутит.

– Здорово.

Лиля кое-как застегнула свою необыкновенную шубу, втискивая в жесткие колючие петли костяные пуговицы. Разговор про губернатора ей надоел. Кроме того, в одну секунду стало так жарко, что лоб вспотел.

На улице мело и в двух шагах ничего не видно, то есть на самом деле ничего!..

– Держись! За перила держись!.. Слышишь?! Держись и спускайся осторожненько!

Сумка норовила улететь, и Лиля одной рукой прижала к меховому боку кухлянки сумку, а другой вцепилась в ледяные перила. Вскоре перила кончились, пришлось от них оторваться, она сделала шаг, другой и уперлась в железный бок машины. Двигатель урчал, фары светили.

– Вы что, двигатели вообще никогда не глушите? – Лиля ввалилась в салон и с трудом захлопнула за собой дверь.

– Когда пурга? Однако, нет, не глушим, – удивилась Алена. – Как потом заводить?

Она прибавила громкости приемнику и аккуратно и медленно тронула машину с места. Лиля откинула капюшон, расшитый то ли бисером, то ли разноцветными камушками, и стала расстегивать дурацкие неудобные пуговицы – ну,

невозможно жарко в этой штучке!..

– Я в субботу гостей собираю. – Алена полегоньку, как будто одно за другим переставляя колеса, выруливала со двора. – Приглашаю. Придешь? Заодно со всеми как следует познакомишься. У нас люди замечательные!

Лиля хотела сказать, что она уже со всеми познакомилась – и с директором, и дураком Преображенцевым, и музыкальным редактором Настей в ворсистых брюках. Еще она хотела сказать, что ходит в гости только и исключительно к близким друзьям, что в ее московском мире так принято, а малознакомые встречаются в ресторанах или на специальных мероприятиях, которые как раз и организывают для того, чтобы поговорить о делах. Также она хотела сказать, что сыта по горло чужими квартирами, чужими ванными, чужими полотенцами, чужими тарелками и блюдами из оленины!

Ничего этого она не сказала.

Она сказала так:

– Только за мной придется заезжать. Я к вашей метели никак не привыкну.

– Заехать не вопрос! – весело ответила Алена. – И это разве метель?

– Знаю, знаю! – перебила Лиля. – Это просто легкий бриз с анадырского лимана!

Алена захохотала:

– Ветер утихнет малость, я тебя к памятнику Рытхэу свожу, хороший памятник! Года два как поставили. Он от тебя

недалеко, через двор перейти. Это писатель знаменитый чукотский, знаешь? И часовня у нас красивая, и набережная! И мыс Обсервации на той стороне.

Машина медленно, как будто ощупью, поднималась в гору. Навстречу время от времени попадались неясные желтоглазые тени, возникали и пропадали.

– Как вы здесь ездите?

– Привыкли. – Алена пожала плечами. – В городе, однако, не страшно. Фонари горят, все видно. А в тундру в такую погоду никто не ходит, только местные. Приехали мы, вылезай.

Лиля торопливо запахнула кухлянку, накинула капюшон и прижала сумку. Хочешь не хочешь, а надо выходить! Раз, два, три...

– Я тебя здесь буду ждать! – крикнула Алена, пока Лиля, изо всех сил налегая на дверцу, пыталась ее захлопнуть. – С богом!

На высоком и широком крыльце дуло еще сильнее, приходилось держаться за поручни обеими руками. Впереди был совершенно цивилизованный, ухоженный, ярко освещенный подъезд, а за спиной, внизу под обрывом, ревела и перекачивалась темная вода, почти скрытая пеленой метели.

Охранник в форме поднялся ей навстречу. Лиля вздохнула.

Аннигилятор пространства продолжал работать! Странное дело, почему они даже не замечают, что с легкостью перемещаются из одного измерения в другое? Или замечают,

но у них не принято говорить об этом? Или они все до одного шаманы?

Помещение, отделанное мрамором и деревом, сияло самодовольным чистым светом. С высоченных потолков свисали сказочные люстры. На сверкающих полах играли веселые блики. Кругом кожаные кресла и каменные авангардистские скульптуры.

– Вы к кому?

– Я, видимо, в секретариат. – Лиля откинула капюшон и полезла в сумку. – Или, может быть, вы сами передадите?

Она выудила файловую папку с изрядно помятым листочком. Охранник покосился на листочек и опять уставился на Лилю.

– Я из Москвы. – Она вдруг рассердилась. – Меня просили передать вашему губернатору бумагу от сенатора Никольского!

Должно быть, он принял ее за курьера. Такой специальный курьер, который возит из Москвы в Анадырь специальные бумаги. В Москве-то аннигиляторов нет. Не изобрели еще.

– Я оставляю, да?

И она повернулась, чтоб идти.

– Приемная губернатора на третьем этаже, – быстро сказал охранник, видимо не желая оставаться наедине с бумажкой, подписанной сенатором. – Из лифта направо, там увидите. Через рамку пройдите, пожалуйста!

Он нажал какую-то кнопку, загорелись зеленые огни. Лиля помедлила, пожала плечами и прошла.

– Бумагу заберите!

Вот черт! Она схватила протянутую папку, свернула ее в трубку и быстро пошла к стеклянным дверям лифтов. И жарко невозможно! Лиля стащила юкагирскую кухлянку, взяла ее в охапку, как будто стог сена. В коридорах было пусто, глухо и красиво учрежденческой, государственной красотой.

Лиля посмотрела сначала в одну, потом в другую сторону. Никого. Кажется, охранник сказал – направо.

Табличка, извещавшая о том, что за широкими ореховыми дверями помещается губернатор Чукотского автономного округа – сам отец, сын и дух! – была солидной, но сдержанной. Никакого золота, шику и блеску. Демократ, должно быть.

Лиля вдруг засмеялась тихонько, постучала и вошла.

В просторной приемной с высокими окнами, в которые снаружи лезла метель, никого не было – что ты будешь делать! Лиля перевалила меховой стог с одной руки на другую и огляделась. Стол, заваленный бумагами, кресла, пальма, куда ж без нее! Еще двери – с правой стороны и с левой. Карта Чукотки висела над столом, такая огромная, что казалось, это карта мира, весь мир и есть Чукотка. Лиля подошла и стала смотреть. На самом верху – пришлось сильно закинуть голову и отступить немного – расстилалось белое пространство, на нем криво написано, что это Северный

Ледовитый океан. Инопланетные названия начинались ниже: Янранай, Певек, Рыткучи, Иультин, Амгуэма. Их было так мало, горстка по сравнению с огромностью остального мира, называющегося Чукоткой!.. Их очень мало, и они так далеко друг от друга!

Там везде слушают радио «Пурга», вдруг подумала Лиля, и щеки у нее загорелись. На всей этой огромной планете! И вчера, когда она резвилась в эфире с Преображенцевым, слушали. Это невозможно понять. Это даже невозможно себе представить. Как?!

Она рассматривала карту довольно долго и почему-то очень волновалась, когда наотмашь распахнулась одна из дверей и ударилась о стену. Лилия оглянулась, и ее взяла оторопь.

В приемную спиной вперед вполз на коленях человек, волоча за собой по полу нечто очень широкое, полированное, по форме напоминающее загнутую с двух концов лыжу. Свет плескался и отражался от полировки. Лилия на всякий случай отступила за стол – мало ли что!..

Человек полностью выволок лыжу из проема, она заняла сразу половину помещения, лег на живот и посмотрел сбоку. И увидел под столом Лилины ноги в торбасах.

– Здравствуйте, – поздоровался он с торбасами.

Лилия судорожно кивнула, спохватилась и сказала светским тоном:

– Добрый день.

Человек, лежа на полу, некоторое время молчал, рассматривая диковинную лыжу, а потом сказал задумчиво:

– Ровно или не ровно? Вроде ровно!

Лиля лихорадочно соображала. Нужно бежать. Из-за стола ей не вырваться – путь перекрыт доской и типом, лежащим на полу поперек губернаторской приемной. В окно тоже не выпрыгнешь, высоко, третий этаж. В коридорах никого нет, кричать бесполезно, да и не станет она кричать! Если перепрыгнуть его и побежать...

– С той стороны посмотрите, ровно?

Лиля подалась к стене, задела кресло, оно крутанулось, со стола спланировали какие-то бумаги.

Не дожидаясь ответа, человек деловито переполз на другую сторону, улегся и опять стал смотреть.

– На первый взгляд... – пробормотал он задумчиво, – а там кто его знает...

Он приподнялся, сел на пятки, в правой руке он сжимал длинный и острый инструмент вроде заточки. Лиля видела что-то подобное в кино. Снизу вверх он посмотрел на нее и осведомился:

– Вы ко мне?

У него было загорелое, узкое лицо с резкими чертами, очки без оправы, но с золотыми дужками, очень короткая стрижка и настороженные глаза. Собственно, на ужасную догадку ее навели как раз золотые дужки!

– Я... к губернатору, – выговорили Лилины губы отдельно

от Лили. – Мне нужно... передать...

Это и есть губернатор. Вот этот человек на полу.

Заточкой он почесал себя за ухом, очки немного сдвинулись, он их поправил.

– Что передать?

– Вот! – Лиля ткнула в его сторону файловой папочкой, будь она неладна. – Извините меня, пожалуйста. – Тут она с ужасом поняла, что не помнит, как его зовут. – Я просто зашла, никого не было, и я решила подождать...

Он встал, перешагнув через широченную лыжу, взял файл, секунду смотрел в него, свернул в трубку, как давеча Лиля, сунул в задний карман джинсов, нагнулся и поволок лыжу обратно в кабинет.

– Проходите! – крикнул он оттуда.

Очень медленно Лиля выбралась из-за стола и вошла следом за ним.

Лыжа лежала на сером ковре, в ней плескался свет потолочных светильников. Вокруг были разбросаны какие-то инструменты и черные вороненые колодки с ремнями. Огромная карта Чукотки, еще больше, чем в приемной, занимала всю стену. Больше Лиля ничего не смогла разглядеть.

– Вы не катаетесь?

Она быстро вздохнула. Как, черт побери, его зовут?!

– Это доска для сноуборда. Я крепления ставил.

– Нет, не катаюсь.

– Сейчас метель пройдет, и можно начинать. Я на Аляске

уже пару раз съехал. Присаживайтесь, Лилия Алексеевна!

...Откуда он знает?! Ах да, в бумажке же написано! И он запомнил? Вот так, с ходу?!

Лиля приткнулась на первый попавшийся стул. Юкагирская кухлянка очень ей мешала, но она не знала, как от нее избавиться. Губернатор помедлил, обошел длинный стол и сел на- против.

– Давно в наших краях?

– Два дня. Нет, три. Нет, по-моему...

– Не слишком удачное для Чукотки время. Сейчас как раз начнутся холода и метели. Самое правильное – август, может, начало сентября. Ну, и весна, конечно. Так что знакомиться с красотами лучше в другое время.

Лиля понятия не имела, что надо говорить. И как его зовут?!

– Здесь написано, – он полез в задний карман и достал многострадальный листок, безнадежно измятый, – что вам требуется какое-то содействие. Вам требуется?

– Нет, нет, – пробормотала Лиля. – У меня все в порядке, спасибо.

Губернатор с позабывшимся именем вежливо молчал, ожидая продолжения.

– Я обещала, что передам вам... – она запнулась, – письмо. На этом очень настаивало мое московское начальство. Извините, что оторвала вас от дел...

– Вы оторвали меня от креплений. Ничего страшного. Я

успею их поставить.

Лиля наконец посмотрела ему в лицо, до этого все водила глазами по сторонам, старательно обходя его. Зацепившись взглядом, она уже не могла оторваться.

– Для меня «Пурга» – совершенно особенный проект, очень важная штука. Когда в две тысячи первом году решено было купить частоту и вещать в FM-диапазоне на всю Чукотку, никто не верил, что это вообще возможно. Но мне как-то сразу стало ясно: возможно это или нет, но точно необходимо. Именно местная радиостанция и в то же время совершенно профессиональная. Здесь другая планета! – Лиля стиснула под столом влажные ладони. – Мне кажется, если цивилизация и выживет, то только на Севере. Я не знаю, откуда все начиналось и где закончится, но зато точно знаю, что научиться выживать можно только здесь. Мы с Берсеневым договорились, что он будет вкладывать в «Пургу» не только средства, но и лучшие силы. – Тут губернатор улыбнулся. – Видимо, вы и есть эти лучшие силы, Лилия Алексеевна.

Иван Берсенева, пронеслось в голове у Лилии Алексеевны, – суть владелец медиахолдинга «Московское время», крохотной частицей, песчинкой, молекулой которого было подразделение, возглавляемое ее любимым мужчиной.

– Иван Александрович профессионал, а я как раз в средствах массовой информации ничего не понимаю, – продолжал губернатор как ни в чем не бывало. – Радиостанция

должна развиваться. Как вы считаете?

Лиля покивала – должна, должна.

...Видимо, он сейчас объяснит, почему холдинг «Московское время» купил «Пургу». Каковы стратегические цели и задачи. Основные направления развития. То есть сделает именно то, с чего должна была начать Лиля, явившись на радиостанцию.

Она никак не могла с этого начать! Она и понятия никакого не имела об этой самой радиостанции, была уверена, что тут кругом «лежбище моржей», и вчера первым делом полезла в эфир, потому что в эфире ей нравится больше всего! И никаких целей и задач!

Где-то что-то стукнуло, зазвучали шаги, громкие голоса, и в кабинет заглянула встревоженная дама.

Губернатор кивнул, как бы давая понять, что все в порядке, и спросил у Лили, не хочет ли она чаю. Лиля немедленно отказалась, и губернатор тотчас же велел подать – с лимоном и сахаром.

– Александр Александрович приехал.

– Я слышу. Зовите его.

Дама посторонилась в дверях, пропуская высокого человека в военной форме. Человек вдвинулся в кабинет, мигом оглядел доску, колодки, разбросанные отвертки и Лилю с кухлянкой.

– Здравия желаю!

С губернатором они поздоровались за руку, Лиля и свою

протянула из-за кухлянки, но высокий пожимать не стал, лишь принял с преувеличенной осторожностью, склонил голову и щелкнул каблуками – все честь по чести.

– Полковник Багратионов, – представился он, и Лиля улыбнулась, решив, что он пошутил. – Начальник погранотряда.

– Молчанова Лилия. Я... из Москвы приехала на радио «Пурга». – Все это звучало очень глупо.

– А, так это вы без документов прилетели, айфон мне в руку?! – обрадовался полковник. – Ребята не знали, чего делать с вами! То ли обратно в Москву направить, то ли штраф выписать в административном порядке! Мне потом доложили!

Лиля ничего не поняла про айфон. И еще ей казалось, что она его где-то видела, совершенно точно. Встречались? В Москве?!

– Чай будешь пить, Сан Саныч? – спросил губернатор.

– А как же! – вскричал начальник погранотряда с энтузиазмом, как будто он заглянул к губернатору в гости, опоздал к обеду, так хоть чаю выпьет. – Как на Чукотке без чаю?! Без чаю на Чукотке пропадешь!

Он вдруг присел и длинными красными пальцами стал разбирать ремни и колодки, валявшиеся на ковре.

– Здесь кругом пограничная зона. – Губернатор присел рядом с начальником пограничной стражи и тоже стал перекладывать железки. – До Аляски рукой подать, там у нас

условные друзья, как вам известно. Малы́й Диомид тоже американский, а это все, по чукотским меркам, совсем близко.

– Что такое Малы́й Диомид? – вспомнив газету «Крайний Север», перебила его Лиля. И, перебив, покраснела. Жарко ей стало, как будто она так и не сняла юкагирскую кухлянку.

Губернатор удивился:

– Малы́й Диомид – остров. Здесь ведь никому никогда в голову не могло прийти, что одна часть коренного населения – американцы, а другая часть – россияне! И дело даже не в советской власти. Ни чукчи, ни эскимосы, ни эвены понятия не имели, что они подданные какого-то там русского царя! Или американского президента. Все изменилось за последние... лет сто, не больше. И изменилось... фатально.

Лиле показалось, что он вдруг сделался чем-то недоволен, потому что быстро поднялся, вытирая о джинсы пальцы.

– «Вертушка» на Ратманова застряла, – ни с того ни с сего сообщил полковник. Где она могла его видеть?! – Не успели мужики вернуться, свистопляска эта началась.

– Да я понял уже.

– А ты когда хочешь лететь, Роман Андреевич?

Вот как его зовут, ну, конечно же!..

– По фактической погоде, когда еще, Александр Александрович!

Полковник покрутил башкой, как будто удивляясь чему-то.

– У меня работы полно, – продолжал губернатор, все еще недовольный, – погода будет, и полетим. Мне в Лорино нужно обязательно. Только я на своем транспорте.

Лиля соображала, как бы ей уйти половчее.

Полковник Багратионов еще посидел немного над доской, от которой во все стороны брызгал свет и на сверкающей поверхности огромными красными буквами было выведено слово Volki, которое Лиля прочитала почему-то как «волки», а потом сказал в пространство:

– Все шутки шутишь, Роман Андреевич! А Багратионов потом отвечай...

– Я сам за себя отвечаю.

– За все «вертушки» на вверенной мне территории я ответственный, айфон мне в руку! И за твою тоже.

...Опять айфон! При чем здесь айфон? Нужно уходить, сейчас же. У этих странных инопланетян свои дела: доски, «волки», «вертушки», карта Чукотки с Ледовитым океаном на макушке, разбросанные по полу инструменты и железяки.

Может, на этой планете губернаторам и начальникам погранотрядов и полагается быть такими, только там, откуда родом Лиля, все это невозможно, немыслимо! Губернаторы не ползают по ковру собственной приемной с отвертками в руках, командиры пограничной стражи не дискутируют с ними и не поминают то и дело айфоны!

Лиля стала подниматься из-за стола, выставив перед собой стог из юкагирской кухлянки.

Давешняя дама проворно внесла уставленный поднос, в мгновение ока разместила на столе угощение и ловко выхватила у Лили из рук кухлянку. Лиля от неожиданности ее отдала.

– Первый раз у нас? – осведомился полковник Багратионов. Лиля кивнула.

Дама возникла снова, разлила чай, оглядела красоту на столе, проверяя, все ли в порядке, и пропала, неслышно прикрыв за собой дверь.

– Не знаю, что именно ваш холдинг собирается менять на «Пурге», – как ни в чем не бывало заговорил инопланетный губернатор, усаживаясь, – но никаких кардинальных изменений мне не хотелось бы. Впрочем, мы с Иваном это обсуждали.

Лиле было неловко, жарко и очень хотелось уйти поскорее. Неизвестно, за кого ее принимают! За большого начальника? За некоего руководителя, от которого на самом деле что-то зависит? Это неправда, обман, и когда он откроется – ей несдобровать. Только с виду они похожи на людей, но инопланетный разум непостижим и опасен!

Даже на этой самой доске написано Volki, что Лиля прочитала как «волки»!

– Кстати, на «Пургу» тоже надо бы съездить. Я сто лет там не был. Людей нужно в тонусе держать, а то они расслабляются быстро.

– Я вчера в эфире была, – вдруг похвасталась Лиля. – Поч-

ти час.

– Так я вас слышал! – объявил полковник радостно. – Ей-богу, слышал! Вы все шутки шутили, что, мол, такое для вас радио, для нас то есть! Сам хотел позвонить, айфон мне в руку! Сказать, чтоб смешного больше пускали! Смешного маловато, а у нас края суровые!

И покосился на початую бутылку коньяку, скромно присутствовавшую здесь же, на столе.

Губернатор Роман Андреевич, перехватив его взгляд, взял бутылку, плеснул полковнику в чай – изрядно, – подумал и себе плеснул тоже. И Лиле.

– Предлагать не стану, – заявил он. – Вы откажетесь, ясное дело, так что можно и не спрашивать.

Он отхлебнул из стакана и поправил очки.

– Алкоголизм на Чукотке – беда. Особенно в стойбищах и коренных селах. Мы стараемся бороться, и даже кое-где небезуспешно, но быстро с этим не справиться. Десятилетиями приучали народ в тундре пить, а теперь вот спохватились, только поздно уже... может быть. А может, и не поздно, посмотрим.

Лиля посмотрела на бутылку, а потом в стол. На этой планете тоже присутствует всегдашнее лицемерие и превосходство начальствующих над всеми остальными. Борцы с алкоголизмом в тундре, радеющие о судьбе коренных народов, вполне позволяют себе чаек с коньячком... во сколько там... в одиннадцать, в полдвенадцатого утра? Там, в тундре

один алкоголизм, а тут, в кабинете, выходит, совершенно другой, уютный, поволительный. Кроме того, попивая коньячок, бороться с пороком, так сказать, в целом гораздо приятнее и веселее.

В том мире и в той жизни, где остались Москва, любовь и понятные правила, Лиля ненавидела распущенность. Просвещенный цивилизованный человек двадцать первого века не должен позволять себе пиво, сигареты, отвисшее брюхо и прочую гадость. Коньяк по утрам, да еще в чае – тоже распущенность, если не хуже! Она не станет в этом участвовать.

И слегка отодвинула хрустальный стакан в серебряном подстаканнике. И поднялась.

– Большое спасибо и извините меня за вторжение... Роман Андреевич.

– Значит, содействие не требуется?

– Нет, нет, все прекрасно, – она улыбнулась официальной и очень московской улыбкой. – Теперь самое главное сообщить начальству, что... – она запнулась, – документ от сенатора Никольского у вас. А то со связью плохо.

– Со связью? – переспросил губернатор, пошел к своему столу, поднял трубку старомодного желтого телефона, не глядя, стал тыкать в кнопки. – Со связью у нас все нормально. А, Сан Саныч?..

– Да это мобилы не работают, айфон мне в руку! Они в пургу никогда не работают! Говорят, какие-то там магнитные поля возмущаются!

– Иван Александрович? – сказал в трубку губернатор, присел на край стола и стал качать ногой. Лиля замерла. – Прости, что поздно. Нет, в Анадыре. Только прилетел. Слушай, это ты там насчет Никольского беспокоишься? – Он послушал немного. – Да нет, все в порядке! Просто мне бумагу от него передали и говорят, что московское начальство очень о судьбе этой бумаги печется! Это ты начальство, которое печется?.. Нет? А кто?

– Роман Андреевич... – пролепетала Лиля. Во рту у нее пересохло. – Я вам все объясню...

– Поговори лучше сам! Когда, прямо сейчас! – И губернатор ткнул трубкой в ее сторону. За трубкой тянулся толстый витой шнур. – Вы вот Берсеневу скажите, что все в порядке, и дело с концом. Будете считать, что начальство уже в курсе.

Лиля в ужасе уставилась на трубку, прекрасно понимая, что разговаривать с владельцем холдинга ей нельзя, просто никак нельзя, даже согласно таблицы о рангах не положено, но все равно придется! Потом медленно, как под гипнозом, приблизилась и приняла у него из рук трубку. Она была теплой и пахла одеколоном, приятно.

Пока она слушала, прижав, как заяц, уши от ужаса, что говорит в трубке владелец холдинга «Московское время», крохотной песчинкой, крупницей, молекулой которого было подразделение, руководимое ее любимым мужчиной, губернатор опять присел на ковер и стал осматривать полированную лыжу.

– Видишь, у нее прогиб какой? Сан Саныч?

– У кого? – и полковник игриво подмигнул и повел очами в Лилину сторону.

– У доски.

– Какой?

– От креплений до краев. И края вытянутые, и передний, и задний.

– Айфон мне в руку! Передний, да еще задний!..

– Вы, самое главное, разберитесь, чего на радиостанции недостает, – говорил в это время в трубке Иван Александрович Берсенева деловым дружелюбным московским тоном. – По-хорошему разберитесь, толково. Как вас зовут, я не слышал? Так вот, Лилия Алексеевна, Роман Андреевич, наш с вами приятель, очень этой радиостанцией дорожит, и мы его подвести не можем. Согласны?

– Согласна.

– Насколько я знаю, оборудование у них хоть и не новое, но вполне приличное!

– Очень, очень приличное! Не на всех московских радиостанциях такое найдешь.

– Ну, так ведь Роман Андреевич сам им занимался! Может быть, вам в голову придут какие-то проекты новые, идеи, вы, главное, не стесняйтесь и звоните сразу. Мы согласуем, бюджет выделим. Насколько я понимаю, все, как всегда, упирается в деньги, особенно в таком удаленном регионе, как Чукотка. Так вы посчитайте разумно, а смету мне...

– ...Самый идеальный «борд» для «пуха»! Самое главное с «рокером». А, Сан Саныч?

– С рокером, оно, конечно, круче, чем без рокера. Хотя они на всю голову дрепнутые, рокеры эти!

– «Рокер» – это технология такая, обратный прогиб у доски. Радиус поворота девять и два.

– Навернешься ты на рокере этом верхом, Роман Андреевич, а Багратионов отвечай!.. Девять и еще два раза!

– Диджеев пригласить можно самых толковых, молодых. Ну, на гастроли. Откуда бы?

– С «Максимума», – подсказала Лиля, постепенно и очень медленно приходящая в сознание.

– Отлично, согласен. Еще что-нибудь так, с ходу, можете сказать?

– Фонотека старая совсем. Хорошо бы обновить.

– Составьте списки дисков, отправьте мне на электронную почту, а я передам кому нужно, чтоб без мороки. Ну, удачи вам там и сил! Никольскому я сам позвоню.

Лиля еще немного подержала в руке желтую телефонную трубку, а потом осторожно пристроила ее на аппарат.

Губернатор и начальник погранотряда, не обращая на нее никакого внимания, ползали по ковру вокруг доски.

Она подошла к столу и залпом выпила остывший чай с коньяком, не почувствовав никакого вкуса.

– До свидания и еще раз извините меня.

Начальники вразнобой попрощались.

Лиля секунду постояла, таращась на них, вышла из кабинета и неслышно прикрыла за собой дверь.

По всей студии полыхнули красные огни и мигнула надпись «Микрофон включен».

– Как всегда в это время, с вами радио «Пурга», Олег Преображенцев.

– ...И Лиля Молчанова.

– ...Которая решительно не молчалива, а очень даже говорлива, к чему мы, пожалуй, уже успели привыкнуть.

– ...Вот мне сто раз говорили, что моя фамилия не подходит ведущему разговорной программы! Думаешь, ты первый это заметил?

– ...Зато моя очень подходит! Я же Преображенцев!

– ...Мы в курсе.

– ...Преобразования – моя стихия. Итак, продолжаем преобразования на «Пурге». Мы с Лилей совещались до эфира и вот что надумали. Не знаю, кто как, а я, например, живу в окружении детективов! Это не преувеличение, это чистая правда! Я читаю детективные книги, смотрю детективные сериалы... Иногда мне кажется, что жизнь вообще сплошной детектив!

– ...Избави Бог нас от такой жизни!..

– ...Вот именно! Лиль, может, нам на радио необходим собственный детектив?

– ...В каком смысле, Олег?

– ...Например, детективное шоу на ночь глядя? А? Знаешь, такое со скрипом открывающейся двери, тяжелым дыханием, жуткой музыкой? Будем всем миром искать труп, спрятанный на нашей радиостанции!

– ...Избави Бог нас от такого горя!

– ...Первый нашедший получит в подарок кружку с рисунком солнышка!..

– ...или с ромашкой. Мы же тут на самом деле все ромашки, а вовсе не злодеи.

– ...Дорогие и уважаемые слушатели Чукотки! Расскажите нам сегодня о детективе в вашей жизни! Может, вы тоже живете как будто внутри сериала? Наш телефон не изменился, дозванивайтесь прямо сейчас.

– ...А пока мы повеселим вас ирландской песенкой из фильма Гая Ричи «Шерлок Холмс», которая на самом деле никакая не ирландская и написал ее композитор Ханс Циммер. Сдается мне, он написал вообще все!

– Как Петр Ильич Чайковский, – ввернул Преображенцев, чтоб последнее слово осталось за ним.

Но оно не осталось.

– Чайковского тоже потом послушаем, – пообещала Лиля, отжала кнопку, сдернула наушники и вскочила. Грянула Rocky Road to Dublin. – Кофе тебе сделать, Олег?

Он смотрел в монитор, ставил метки, наушники так и не снял. Лилия обежала пульт, задрала на нем одно «ухо» – он дернулся и уставился на нее – и проорала:

– Кофе?!

– Дура, что ли?! Чего ты орешь?!

Она вернула наушник на место и выскочила в коридор.

Притопывая ногой в такт Хансу Циммеру, еле слышно доносившемуся из-за неплотно прикрытой студийной двери, она насыпала кофе в две кружки, положила сахару и стала ждать, когда закипит чайник.

...Все хорошо, когда ты в прямом эфире! Все хорошо и совсем по-другому. Мысли приходят по-другому, слова складываются по-другому. Время течет по-другому.

Знаменитая ведущая знаменитого «Маяка» Наталья Бехтина, знакомством с которой Лиля гордилась необыкновенно, как-то сказала: неизвестно, что именно на самом деле имел в виду Альберт Эйнштейн, утверждая, что время и пространство относительны, но в прямом эфире эта сложная штука становится абсолютно понятной. Время то летит, то ползет – относительно эфира, конечно! Пространства нет – оно сворачивается в кольцо вокруг микрофона. И время, и пространство играют в какие-то странные игры, куда идет прямой эфир, и тебе позволено поучаствовать в их играх. Поучаствовать и получить от этого удовольствие.

Лиля знала это и изо всех сил получала удовольствие.

В коридоре показался кто-то из сотрудников, заметил Лилю и моментально скрылся. Надо же, какие они тут все тонкие натуры!

В студию она вернулась ровно за пять секунд до оконча-

ния песни – чувство времени никогда ее не подводило в прямом эфире. Она точно знала, что двенадцать секунд отличаются, к примеру, от двадцати, как небо от земли, это совершенно разные временные отрезки, за двадцать можно успеть много всего, чего никак не уместить в двенадцать!

Преображенцев кивком поблагодарил за кофе и принял первый звонок. Какая-то тетка ругательски ругала отопительный сезон и вообще падение нравов. Лиля отхлебнула из своей кружки и состроила рожу. Олег увел звонок и принял следующий, и опять не повезло!

– Вот зачем на радио принимают таких, как вы, а? Вы умнее всех, что ли? Я как слышу, что в эфире опять этот ваш Преображенцев, у меня, ух, мурашки по телу бегут от злости! Начальству вашему написать все собираюсь! Чего вы народ баламутите?!

Лиля вдруг обозлилась, хоть и была стреляный воробей, каких только звонков не слышала за свою эфирную жизнь. Преображенцев – отличный ведущий, профессионал и умница, оскорблять его в его собственном эфире никто не имеет права. Зачем все это выслушивать?!

– Какие-то детективы придумали! Кто их читает, детективы эти?! Только кретины всякие вроде этого Преображенцева вашего...

Лиля решительно открыла свой микрофон.

– У меня есть радикальное средство борьбы с Преображенцевым, – сказала она задушевно. Олег быстро и внима-

тельно взглянул на нее с той стороны пульта. – Как вас зовут?..

– Да какая разница, как меня зовут! Татьяной меня зовут, и начальству вашему я обязательно...

Лиля сбросила звонок. Преображенцев опять взглянул – звонками распоряжался только он, она никогда раньше не вмешивалась. Сейчас щеки у нее горели, и вид был воинственный.

– Любезная Татьяна! Средство борьбы с нами очень простое и действенное: если мы вас так раздражаем, не нужно слушать! Вот как только вы слышите нас в эфире, немедленно выключайте, включайте концерт Моцарта и наслаждайтесь! Если вам не понравится концерт, можете написать начальству Моцарта, а наше начальство обременять жалобами не имеет смысла. Оно целиком и полностью нас поддерживает. Да, и дозваниваться к нам не стоит! На трубе висеть, денежки тратить! Ребят, давайте про детективы, мы же договорились! Есть у кого история?

Преображенцев пробормотал в эфир номер телефона и запустил невразумительную песню.

– Ты что? Разве можно из-за ерунды так заводиться?

– Это не ерунда! Ты первоклассный ведущий, таких днем с огнем не найдешь, а она!..

Олег Преображенцев смотрел на негодующую Лилю с интересом.

– И нечего изображать святого! Как только ты слышишь,

что начинается ерунда, нужно сразу звонок увести! Зачем тебе гадость всякая в уши?!

– Ну, это часть нашей аудитории, и у нее такое мнение.

– Нет у нее никакого мнения! Ей охота тебе настроение испортить, а ты ведешься!

– По-моему, как раз ты завелась.

Лиля сердито махнула на него рукой.

Ему странно было, что она так... решительно кинулась его защищать. Кажется, все с ней ясно – московская фифа, прилетела на край земли не по собственной воле, мечтает об одном – побыстрее смыться обратно, и «Пурга», и Анадырь, и он сам, Олег Преображенцев, для нее просто досадный эпизод, потеря времени, забудет как страшный сон, как только сядет в самолет.

Или он чего-то про нее... не понял?

...Или ничего не понял?

На мониторе мигали все линии многоканального телефона, Чукотка с энтузиазмом дозванивалась в прямой эфир, а ведущие пребывали в странном настроении. Она сердилась, он раздумывал.

– Это прямой эфир, как всегда в это время. Говорим о детективах, настоящих и придуманных. Здравствуйте, как вас зовут?

В наушниках шуршало и посвистывало, как будто в них тоже мела метель.

– Говорите, пожалуйста! – громко предложила Лиля. Пре-

ображенцев приготовился переключить линию и не успел.

– Ты знаешь, кто его убил, – произнес ровный голос без всякого выражения. – И знаешь, за что. Ты все видела своими глазами. Почему ты не сказала, что видела?

– Алло? – растерявшись, спросил Преображенцев. Лиля замерла возле своего микрофона.

– Он не должен был умереть. Он был не готов. Его бы никто не смог убить, если бы он был готов! Он великий охотник! А ты никому ничего не сказала!

– Кто это? Как вас зовут?!

– Ты должна сказать правду, – продолжал голос бесстрастно. – Или за его смерть заплатишь ты одна. Ты виновата, ты и заплатишь.

– Подождите! – крикнула Лиля, позабыв, что они в прямом эфире. – Его никто не убивал, он сам застрелился! Возле него ружье валялось, и в полиции сказали, что он сам!..

– Ты виновата, – повторил голос, – на него охотились, а он был не готов. Теперь охотиться будут на тебя.

И никого не стало в наушниках.

Что-то грохнуло и покатилося – не в наушниках, снаружи. Лиля не поняла, что именно.

Станным образом все телефонные линии опустели, ни один индикатор не мигал.

– Вот вам и детектив, дорогие радиослушатели, – сказал Преображенцев, потому что надо было говорить хоть что-то. – Лилия Молчанова, оказывается, не просто любит ра-

диоспектакли, но и сама в них участвует! Это была сценка из пьесы Агаты Кристи?

– Теннеси Уильямса, – сквозь зубы выговорила Лиля.

– Я и не знал, что Уильямс тоже писал детективы! – фальшиво воскликнул Преображенцев. – Игра продолжается, звоните нам!..

При первых звуках песни они разом сдернули наушники и уставились друг на друга.

– В чем я виновата? Что я должна рассказать?! Я ничего не видела! Когда я пришла, он уже мертвый был! А библиотекарша вызвала милицию!

– Полицию.

– Он застрелился, понимаешь?! Сам! И я ничего не видела!

Дверь в студию распахнулась, и влетела Алена Долинская:

– Это что такое было, ребята?! Вы все подстроили или кто-то по правде звонил?!

– Никто ничего не подстраивал. Обычный звонок в прямой эфир! Я ответил и...

– Я правда не виновата! А он сказал, что я должна за все заплатить!

– Тихо! – прикрикнул Преображенцев. – Держи себя в руках!

– Это все же он или она? – Алена глотнула кофе из Лилиной кружки. – Голос такой странный.

– Странный голос, – согласилась Лиля. – Да ну, чепуха

какая-то! Зачем он звонил? Или она?

– Чтобы напугать. И напугал! Посмотри на нее, Олег, она аж посинела вся!

– Я не посинела! – возмутилась Лиля.

– А если б я звонок не взял? Я половину из них не беру!

– Может, вас разыграли с вашими детективами? Хотите детектив, получите! – предположила Алена.

– Нет, – сказала Лиля после секундной паузы, – никто нас не разыгрывал. Этот человек звонил мне. Он хотел, чтобы я его услышала и испугалась. Он не шутил, это точно. – Она еще подумала. – Он уверен, что я знаю что-то важное и молчу. А я на самом деле ничего не знаю! Все, ребят, забыли, после эфира договорим.

Преображенцев предложил быстро:

– Хочешь, я один доведу?

Лиля посмотрела на него, ничего не ответила и уставилась в монитор. Олег переглянулся с Аленой, та помедлила немного, наклонилась, вытащила невесть как закатившуюся под шкаф кружку Преображенцева, аккуратно поставила ее на микрофонную стойку и вышла, плотно прикрыв за собой толстую глухую дверь.

Ромка Литвиненко, матрос-обманщик, а на самом деле директор радиостанции «Пурга», сказал, чтобы Лиля не волновалась. Чтоб она даже не думала волноваться ни о чем! Подумаешь, ненормальный позвонил! Мало ли их, ненор-

мальных, звонит! Каждый день по сто раз! Правда, Олег?

Вид у него при этом был странный, Лиле в глаза он старался не смотреть, и Алена прошла в студию, даже не взглянув на нее. И народ не выскакивал в коридор, не отирался возле кофейного аппарата, не ловил каждое ее слово. Тихо было и пустынно, как в выходной день.

Что-то необъяснимое творилось на радиостанции.

– Проводишь, да? Только... как следует, – велел Роман Преображенцеву, – и возвращайся, надо поговорить.

– Может, все вместе поговорим? – предложила Лиля, понимая, что все дело в ней и в этом странном звонке.

– Вместе мы потом поговорим. Не сейчас, – отрезал Роман. – Ты, главное, не переживай ни о чем!

Преображенцев был мрачен. Лиля, сопя, напяливала кухлянку, а он стоял и смотрел, как она напяливает.

– Что? – спросила она раздраженно, с горем пополам просунув руки в негнущиеся рукава. – Что ты смотришь?!

– Ничего, – быстро сказал Олег. – Где твоя сумка? Бери и поедем!

Тут выяснилось, что сумки нет.

Лиля посмотрела в кресле, посмотрела под столом, выдвинула все ящики – они были пусты и двигались в пазах с легким канцелярским стуком. На вешалке сумки не оказалось тоже. И возле кофейного аппарата. И возле принтера!

– Может, я без нее пришла?

Лиля еще раз выдвинула ящики, один за другим. Ей очень

хотелось, чтобы сумка как-нибудь очутилась в ящике, больше всего на свете!

– Ты не могла без нее прийти. Ты паспорт Богданычу показывала, а он у тебя в сумке. Лиля, сумку нужно найти! Где ты ее оставила, вспоминай!

Вокруг них закручивался водоворот беспокойства, расходился кругами по коридору и комнатам, и вскоре вся радиостанция искала Лилину сумку. Музыкальный редактор Настя даже в туалет зашла и там посмотрела, а следом за ней Преображенцев зашел и тоже стал искать. Был он мрачнее тучи, и его мрачность почему-то нервировала Лилю гораздо сильнее, чем пропажа.

Хотя случилась катастрофа – худшее из всего, что могло случиться! Она осталась на чужой планете без денег, документов, кредитных карточек, телефона со всеми номерами и фотографиями! Даже ключ от квартиры на улице Отке пропал вместе с сумкой, даже блокнотик, где они с Кириллом во время муторных совещаний иногда писали друг другу смешные записочки!

– Ром, чего делать-то будем?

Директор пожал матросскими плечами. Сотрудники продолжали вяло заглядывать в углы и зачем-то приподнимать стопки бумаг со столов. Настя одну за другой снимала с вешалки тяжелые меховые одежды, осматривала каждую и складывала на специально притащенный стул. Уже целый стог возвышался на стуле, угрожая завалиться.

– Специалистов вызывать, чего, чего!.. Обыск будем делать!

При этом слове все замерло вокруг, как будто заледенело. Грянувшая тишина была поразительной и абсолютной. Только непонятно, откуда проникала в нее далекая музыка.

– Подождите, – внутри тишины медленно сказала Лиля. Слова моментально замерзли и падали, как шарики. – Нужно съездить домой. Вдруг я ее все-таки там забыла?

Она не могла ее забыть, все правильно сказал Преображенцев. Но ей требовалось кое-что срочно выяснить, а сделать это на радиостанции невозможно, да еще если сейчас сюда нагрянет синий «Форд» с людьми в погонах!

– Плохо дело. – Слова Преображенцева тоже упали и покатались. – Плохо, Рома.

Директор ничего не ответил, а Лиле вдруг показалось страшно важным как-то разбить ледяную тишину. Сейчас же, сию минуту! Это было гораздо важнее, чем найти чертову сумку и пропавшую вместе с ней жизнь.

– Мужики, – очень громко сказала Лиля. Она никогда не обращалась так ни к кому, тем более к малознакомым! – Мужики, что вы панику поднимаете раньше времени?!

Тишина не дрогнула, не поддалась.

– Сейчас дома посмотрим. Я никогда ничего не помню, меня все за это ругают! Может, у меня паспорт в кармане был, и я его сунула куда-нибудь! А сумка дома осталась! Слышите?!

Директор кивнул.

Самое главное – они не смотрели на нее и друг на друга не смотрели, и в этом и заключалась главная беда.

Что-то на самом деле случилось. Что-то... серьезное. Сумка ни при чем.

В полной тишине, с которой так и не удалось ничего поделаться, Лиля взяла Преображенцева за руку и потянула к двери.

Метель не унималась, и Лиля, судорожно зевая – вдруг какая-то нервная зевота на нее напала! – представила себе Арктическое побережье до самой макушки, до Северного полюса, и везде метель, снег и ветер, и ни одного проблеска солнца, и ни клочка неба, и никаких красок, кроме графитовых, бело-серо-черных, и что-то страшное, необъяснимое творилось внутри этой метели.

Они залезли в джип, одновременно захлопнули дверцы и разом повернулись к окнам, каждый к своему.

Тишина залезла в салон вместе с ними.

Не глядя Лиля пошарила рукой и включила приемник.

– В эфире радио «Пурга», полдевятого вечера в Анадыре, с вами, как всегда в это время, Алена Долинская...

– Что вас всех так напугало? – спросила Лиля, рассматривая стекло, которое постепенно запотевало от ее дыхания.

– У нас никогда ничего не пропадает. А тут вдруг...

– Не ври, Олег. Ты должен сказать. Что необычного было в этом звонке? Мне нужно знать.

– Надо сумку твою найти. Без документов даже на транспортный борт не возьмут! А тебе бы... улететь. Чем быстрее, тем лучше.

– Олег, что ужасного сказал тот человек?

– Не могла ты без нее прийти! На самом деле нужно радиостанцию обыскивать. И людей.

Лиля помолчала. Тишина уплотнилась настолько, что теперь ощутимо давила на уши.

– Ну, хорошо, – наконец сказала она. – Не хочешь – не надо. Отвези меня домой, я на всякий случай там посмотрю, а потом вернемся на работу, и пусть будет обыск. Только мы ничего не найдем, и ты об этом знаешь.

Преображенцев тронул машину с места. Лиля прибавила громкость в приемнике, но тишина даже не потеснилась.

– Эфиры пишутся в архивные файлы?

– Конечно.

– Я вернусь и послушаю. Может, сама разберусь.

– Тебе не стоит ни в чем разбираться.

– Ах, вот как!..

– Нужно найти... вещи и документы, дождаться погоды и улететь на материк.

– Я так и сделаю.

Она наклонилась вперед, почти уткнувшись в панель, зажала уши руками – радио «Пурга», гремевшее в салоне, мешало ей, но тишина мешала еще больше – и стала вспоминать каждое слово. Каждую интонацию. Каждое мгновение

того звонка.

Плохо, что она не смотрела тогда на Преображенцева! Она бы все поняла, если бы только догадалась на него взглянуть!

Звонивший считал, что она все видела своими глазами и должна об этом рассказать или ей придется ответить за молчание.

...Он не должен был умереть. Он великий охотник. Он был не готов.

Дядя Коля Вуквукай, выходит, был великим охотником?! Маленький человечек с ничего не выражающим желтым лицом? Или охотники не обязательно должны быть статными великанами с тонкой игрой эмоций на румяных физиономиях?!

Дядя Коля, попыхивавший своей трубочкой и наблюдавший за ней, как ей показалось, с некоторым насмешливым презрением!

Он спросил у нее, какие новости, а она сказала о вступлении России в ВТО!

На него охотились, а он был не готов. Теперь охотиться будут на тебя.

Лиля вдруг отняла руки и посмотрела на Олега – первый раз за все время.

– Охота, – сказала Лиля. Он быстро на нее взглянул. Кажется, с ужасом. – Вот оно. Как только человек сказал про охоту, ты уронил кружку. Ее потом Алена подняла. Я права?

Тишина дрогнула и стала трескаться с тихим зловещим звуком.

– Тебе нужно срочно вернуться в Москву.

– На твоей машине, может, поедем? Самолеты не летают, корабли не плавают.

– Не ходят, – поправил Преображенцев. Тишина все трескалась.

– Олег, что случилось в эфире? Говори уже, ну!..

– Плохо все, – сказал Преображенцев без всякого выражения. – Все очень плохо. Охота – это... В общем, это приговор.

– Мне? – уточнила она.

Самое время зарыдать, подсказала анадырской Лиле Лиля московская. Зарыдать и закричать, что она не желает ничего этого слышать и пусть они все провалятся к черту со своей первобытной чукотской дикостью.

– Объясни, пожалуйста, – сосредоточенно попросила анадырская Лилия. – Я не понимаю.

– Люди из тундры никогда не охотятся на городских. Это закон. Даже если городские задевают или оскорбляют их. Люди тундры знают, что чаще всего это происходит от невежества и непонимания. Но если перейти границу, начинается охота. Ты уже не человек, ты цель. Рано или поздно тебя настигнут. Это знают все, кто родился и вырос на Севере.

– Такая... кровная месть?

– Охота! – возразил Преображенцев с силой. – Месть тут

ни при чем. Представь себе, что ты волк. Тебе придет в голову мстить собакам?

Машина остановилась. Двигатель стучал, приемник орал, и не было никакой тишины.

– И что мне теперь делать?

– Улетать. И никогда не возвращаться.

– Это ты уже говорил, – пробормотала Лиля. – Улететь я не могу. Самолеты не плавают и корабли не летают. А у меня нет ни денег, ни документов!

– Их нужно найти.

– Ну, это ты тоже уже говорил. – Она взялась за ручку. – Мою сумку украли... охотники? Те, что собираются меня убить?

– Я никогда не слышал, чтобы охотники крали. И никогда не слышал, чтоб охоту объявляли по радио.

– Тогда, может, все обойдется?

Он посмотрел на нее.

У нее озабоченный, но тем не менее деловой вид, и не похоже, что она боится! Впрочем, она ведь ничего толком не поняла. Олег Преображенцев, родившийся на Севере, много времени проводивший в тундре с отцом-охотником, ходивший на медведя и волка, умеющий править собачьей упряжкой и ночевать в снегу, испугался всерьез.

Он знал, что граница нарушена и решение принято. Все уже случилось, и изменить ничего нельзя.

Если только... найти охотника и успеть первым. Но это

вряд ли.

Таня заахала, когда узнала, что квартиранткина сумка пропала, выбежала, не переставая причитать, и вернулась со связкой ключей. Лиля попробовала сказать, что «они сами откроют», но отвязаться не было никакой возможности.

Таня резво взбежала на третий этаж, за ней плелись Лилия-размышляющая и Преображенцев-мрачный, распахнула дверь, зажгла свет и пропала в квартире.

Лиля должна была убиваться и горевать, но почему-то не убивалась и не горевала, она вошла следом, стянула кухлянку, в которой в любом помещении моментально становилось невыносимо жарко, подождала, надеясь, что Преображенцев из кавалерских и галантных соображений кухлянку у нее перехватит, ничего не дождалась и кое-как приладила ее на вешалку. Преображенцев, как давеча на радиостанции, о чем-то думал и на Лилию не смотрел.

А ведь поначалу она ему нравилась, это было совершенно ясно! Сперва нравилась, а потом разонравилась.

– Лиля! – позвала из комнаты Таня. – Лиля, глянь вот здесь! Не она?

Лиля и Преображенцев одновременно кинулись по узкому коридорчику, вломились в комнату, где было холодно, горел яркий неуютный свет и на кровати, застланной пикейным покрывалом, стояла лакированная вишневая сумка, абсолютно чуждая здесь вещь из другого мира.

Таня показывала на сумку широким жестом, как артистки на сцене: «А вот и тетушка приехала!»

– Она?

Лиля неуверенно пожала плечами, хотя это была совершенно точно ее сумка – а в ней вся жизнь! – и никакой другой она с собой не брала.

– Господи, как же ты ее тут забыла-то, а?

– Я не забывала. – Лиля подошла, села на пикейное покрывало и стала копаться в сумке. – В том-то все и дело!

– А кто же забыл?! Нет, ну надо же! А я думала, и впрямь украли! У нас здесь ведь никто ничего не ворует, некому воровать!.. Хотя в восемьдесят шестом, как сейчас помню, откуда-то цыган принесло, так они у завклубом Котикова мотоцикл увели, он с материка его для сына привез, и еще шестьсот рублей. На мотоцикле до шестнадцатого километра доехали – там дорога кончается – и бросили, а шестьсот рублей...

– Все на месте? – спросил Преображенцев и подсунулся так близко, что Лиле пришлось немного податься назад на пикейном покрывале. – Ты смотри, смотри!..

– Я смотрю...

Его неожиданная и никчемушная близость – черный свитер, загорелое ухо с дыркой для серьги, щека, подернутая блестящей и светлой, как лед, щетиной, – мешала ей. Интересно, почему щетина светлая, если волосы темные? Так бывает, что ли?

Лиле вдруг стало до того неловко, что она выпрямила спину, приняла специальный московский вид – коронный номер! – и слегка отпихнула Олега.

– Все на месте, – заявила она своим московским тоном. – Очень хорошо, что нашлась! – и любовно погладила сумку по сияющей лаком самодовольной морде. – Мне ее подарил... близкий человек.

– ...а те шестьсот рублей так и пропали, – продолжала Таня. – Куда-то они их сбагрили! Между собой попрятали, и поминай как звали! Как они сюда попали тогда, цыгане эти, ума не приложу. В те годы в погранзону въехать...

– И она дорогая очень, – перебила ее Лиля, потому что «близкого человека» Преображенцев пропустил мимо ушей, а нужно, чтоб не пропустил! – Стоит три тысячи евро!

Таня засмеялась:

– Да ну, глупости какие! Что это за сумка такая? Бриллиантовая? Побегу кофейку сварю, а? Или лучше чаю покрепче, с метели-то! А то напугала ты меня – сумку украли! У нас тут сроду ничего не крали! Побегу, и вы приходите, ребята!

Она нагнулась, поправила ковер, по коридорчику протопали ее шаги, и стукнула дверь.

Олег Преображенцев очень близко взглянул Лиле в глаза:

– Точно все на месте?

Лиля вдруг как будто очнулась. Специальный московский тон – коронный номер! – три тысячи евро и «близкий человек» были моментально забыты.

– Олег, как она сюда попала?! Я ее не забывала, совершенно точно не забывала!

Они разом отшатнулись друг от друга и стали оглядываться. Комнатка в полном порядке. Никаких следов... вторжения.

– Ключи только у меня и у Тани слевой, – бормотала Лиля, – или они еще кому-нибудь их давали? Надо спросить! Тут же кто-то жил до меня, правильно? Может, оставил себе ключи! Только зачем, зачем?!

Она вновь сунулась в сумку и стала ожесточенно рыться. Преображенцев все оглядывался.

– Кошелек здесь, деньги... деньги в нем...

– Все?

Лиля пожала плечами:

– Я не помню, Олег! Там вроде было три тысячи или четыре... – Она потрясла у него перед носом купюрами. – Блокнот, ручки две... Вот записочка от мамы, она мне всегда на дорогу пишет... это что такое?.. А, квитанция, я за телефон платила... Стоп, – вдруг сказала она тихо и твердо, – паспорта нет.

Он не стал спрашивать, точно ли, не точно! Он сразу поверил, что паспорта нет.

– Ну кому нужен мой паспорт, а? Кредит, что ли, по нему получать? Ипотеку в Анадыре? – Она жалобно говорила еще какие-то жалкие слова и все вытаскивала и складывала на покрывале разные штучки, он молча думал.

Наконец все штучки кончились.

– Сядь, Олег, – предложила она устало. – Не маячь.

На единственном стуле лежали какие-то вещи, и он при-
ткнулся рядом с ней на кровать.

– А в шубе у тебя карманов нет? – спросил задумчиво. –
Ну, чисто теоретически.

– Чисто теоретически у меня не шуба, а кухлянка, и кар-
манов в ней нет. Олег, я совершенно точно пришла на рабо-
ту с сумкой! Вот с этой самой! Ни паспорт, ни кошелек, ни
ключи я из нее не вынимала.

– Ты пришла сегодня... сама или тебя привезли?

– Алена привезла, – обиделась Лиля.

Впрочем, какое ей до него дело?! Нравилась, разонрави-
лась – к ней-то это отношения уж точно не имеет! У нее
в Москве любимый человек – это раз! Сама она в ссылке
на Крайнем Севере – это два! Паспорт у нее пропал – три!
Странные вещи какие-то происходят – четыре!..

– Где ты ее обычно оставляешь?

– Алену?!

– Сумку.

– Не знаю. Где попало. Около стола. Или в соседнем крес-
ле. Или на полу.

– К трем приехал я, и мы вместе в фонотеке копались.
Потом пошли в эфир. Ты кофе варила... сколько раз?

– Два. Совершенно точно. Второй раз перед тем, как игру
в детективы объявить. Или сразу после.

– К своему столу ты не подходила, тебе нужно было в студию вернуться. То есть верных два часа у него имелось... А то и больше.

– У... кого, Олег?

– У того, кто взял твою сумку и зачем-то принес ее сюда.

– Где взял?!

– На «Пурге», где же еще!

– То есть ее взял кто-то из наших?!

Он промолчал. Это совершенно очевидно и не требует никаких пояснений. Но ему вдруг понравилось слово «наши», за которое зацепилось его диджейское ухо. Так понравилось, что он улыбнулся.

С каких пор сотрудники радиостанции в Анадыре стали для московской фифы «нашими»?

– Зачем кому-то красть мою сумку? Ну, хорошо, не красть, а брать? А потом возвращать?! Да еще не на место, а приносить ее сюда! И паспорт! Олег, где мой паспорт?! Зачем его забрали?!

Преображенцев догадывался – зачем, но говорить не стал. Он не хотел ее пугать.

Здесь Чукотка, особая территория. Здесь все не так, как на материке. Здесь сложнее и проще – другие правила, другая система координат.

Олег Преображенцев ориентировался в этой системе отлично, но воронка событий, которая закручивалась вокруг Лили, казалась ему зловещей и опасной, как припорошенная

снегом полынья в береговом льду. Шагнешь неосторожно – и пропадешь. Никто не спасет.

– А может, паспорт тоже где-нибудь припрятали, а? Ну, раз сумку вернули! Может, мы поищем его и найдем?

Лиля вскочила и побежала к гардеробу.

Зазвонил телефон – остроугольное чудовище красной пластмассы, мутно отражавшееся в полированной тумбочке. У губернатора Романа Андреевича был точно такой же, только желтый и с гербом посередине.

Лиля схватила трубку.

– Лилек, ну что вы там застряли? – спросила в трубке Таня. – Спускайтесь, у меня все готово! Ужин на столе!

– Я не хочу ужинать, – пробормотала Лиля, швырнув трубку, – я хочу понять, кто спер мой паспорт! И не надо называть меня Лилек! Потому что я не Лилек!

Она вернулась к гардеробу и уставилась на полки.

– Олег, – сказала она через секунду. – Здесь все не так.

Он встал и подошел.

– Все лежало совсем иначе. Вот эта стопка на той полке, а белье с другой стороны.

И он опять не стал спрашивать, точно ли, не точно! Он сразу поверил, что в ее вещах кто-то копался.

– В моих вещах рылись, да? Да, Олег?! Таня?.. Больше ведь некому, да? Что ей от меня нужно? Это она взяла мою сумку? Она же так быстро ее нашла!

– Лиля, твою сумку могли взять только наши, с радио.

Точно не Таня! В принципе мог прийти кто-то чужой, пока мы были в эфире, но это легко проверить! Без пропуска Богданыч никого не пустит, ты сама знаешь, а кто приходил, можно посмотреть, у него все записано.

– А вещи?! – крикнула Лиля и топнула ногой в меховом сапоге из оленьих камусов и нерпичьей кожи. – Кто и зачем копался в моих вещах?! Хотя... подожди...

– Что?

Она еще немного постояла возле гардероба, а потом ринулась вниз.

Лиля уселась за стол, покрытый жесткой и переливающейся от крахмала скатертью, пристроила на соседний стул свою сумку и наугад открыла тяжелую кожаную папку-меню.

«Медальоны из оленины», – было солидно написано на плотном желтом листе. «Корюшка анадырская», в скобках – по сезону. «Филе чира запеченное».

Черно-белый официант – все как полагается – зажег длинную свечу в бронзовом канделябре с завитушками.

В глазах у Лили все расплывалось и двоилось, и ровное пламя сразу разъехалось и как будто приблизилось. Официант не уходил, а Лиля знала, что стоит ей моргнуть, как слезы закапают на «корюшку анадырскую» и «чира запеченного». Она не желала, чтобы официант увидел, как они закапают.

– Принесите мне воды, – сказала она, очень стараясь говорить ровно и холодно, по-московски, – газированной, со

льдом. У вас есть лед?

Ей было так стыдно, что жить не хотелось. Не хотелось сидеть прямо, читать меню, складывая буквы в слова, и принимать московский вид. Ей хотелось забраться куда-нибудь, хоть под стол, и чтобы ее никто не видел и ни о чем не спрашивал – никогда.

В последний раз ей было так стыдно много лет назад, когда подружке Ирке из класса ни с того ни с сего купили роскошные белые сапоги, а у Лили не было вообще никаких сапог, только какие-то невразумительные ботинки, и она прибежала домой, кинулась на диван рыдать и кричала матери, что та ничего, ничего не может и не хочет сделать для единственной дочери! Мать сначала не поняла, утешала ее, гладила – Лиля дергала спиной, и сбрасывала руку, и ненавидела ее, подвывала и давилась, – а когда поняла, поднялась и ушла на кухню. Лиля рыдала еще довольно долго и очень громко – мать должна была слышать, как она рыдает, и понимать, как дочь страдает. Потом мама вернулась и стала просить у Лили прощения за то, что живет бедно и трудно, что сил у нее мало, а тех, что есть, никак не хватает на белые сапоги, хорошо бы долги за свет и за газ заплатить, а то ведь придут и отключат! На шум явился коммунальный сосед Лев Мусаилович, древний, как Стена Плача, и несчастный, как судьба всего еврейского народа, – он страшно не любил ссор и боялся их. Узнав причину Лилиных страданий, Лев Мусаилович выпрямился во весь свой крошечный рост, и голова

у него затряслась.

– Это свинство! – крикнул Лев Мусаилович на Лилю очень тихо. Он вообще голоса никогда не повышал, даром что всю жизнь преподавал физику в школе. – Это самое подлое свинство из всех самых подлых свинств!

Этот тихий крик был особенно страшен, потому что коммунальный сосед Лилю и ее мать очень любил, всячески им помогал, решал за Лилю домашние задания по всем предметам – это называлось «помогать с уроками», – иногда даже посуду им мыл, когда Лиля ленилась и не успевала. Считалось, что девочка «подает большие надежды и ей нужно много заниматься».

Лиля перестала рыдать и икнула.

– Елена Николавна, – продолжал тихо бушевать сосед, – работает день и ночь, у нее корректуры, и переводы, и учебники! А ты смеешь упрекать ее подлыми... шмутками! Сейчас же встань и приведи себя в порядок, бессовестная!

Лиля потащила в ванную и там долго и неистово жалела себя и жаловалась потрескавшемуся мутному зеркалу на свою горькую долю, и так они в тот вечер и не помирились, а на следующий день Лев Мусаилович купил ей сапоги. Они были даже шикарней, чем Иркины, высоченные, из белой замши, с финтифлюшками на каблуках.

– Если в этом причина твоего несчастья, – сказал Лев Мусаилович, – возьми и будь счастлива!

Лиля сидела за своим письменным столом вполоборота,

как повернулась, когда он вошел, прижимала к себе сапоги, которые он ей сунул, и ей было так стыдно, что хотелось только одного – забраться под этот самый стол, чтобы больше никто и никогда ее не видел. Особенно Лев Мусаилович!

Потом, конечно, все наладилось, но от одного воспоминания Лилины щеки начинали гореть, как будто по ним нахлестали.

...Она быстро полезла в свою сумку стоимостью в три тысячи евро, покопалась, но салфеток не нашла. Ну да. Они же кончились, когда первый раз на радиостанции «Пурга» она пыталась стереть ими с лица и шеи растаявшую чукотскую метель!

Лиля всхлипнула, и позорная слеза все-таки капнула.

– Здравствуйте! Опять глаза на мокром месте!

Она даже не сразу его узнала. Понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, кто это. Попутчик Володя – человек из звездолета – выдвинул стул и уселся напротив.

– Слушайте, а я вас потерял! И ни телефона, ничего! Я вас правда искал, – добавил он, рассматривая ее. – Я тут каждый день ужинаю, больше все равно нигде! Только столовая возле речки и еще одна какая-то точка, но она давно закрыта! Ну?! Где вы были?!

– На работе, – буркнула Лиля. – На радио «Пурга».

Меньше всего ей сейчас требовались собеседники, особенно гости из других миров!

– Рассказывайте, – потребовал Володя жизнерадостно. –

Как хорошо, что я вас встретил! Это что? Вода? Кто ж тут по вечерам воду пьет, а? Мы на «ты», да? Давай водки тяпнем на брудершафт? Я тут все меню перепробовал уже! Надоело невозможно! – Он вдруг засмеялся, перегнулся через стол и взял Лилю за руку. – Слушай, ну и дыра, да?! Край земли! И метель, хоть повесься! А ко мне в номер мужика подселили, представляешь?! Я прихожу, а у меня в комнате мужик! А чукча на ресепшене говорит – мест нет, фестиваль коренных народов, и погоды нет, улететь никто не может. Нет, ну, так бывает, а?!

Лиля покивала – да, да, конечно, ужасы и лишения.

– А в местном магазине ты была? В большом, напротив? Я хотел пива взять и сухариков. Так они знаешь какого года? Пиво девятого, а сухари восьмого!.. От Рождества Христова! Как моя бабушка! Я спрашиваю, как это может быть, а они мне говорят – что вы хотите, к нам продукты только в навигацию везут, «северный завоз» называется! А я пива выпить хочу, только чтоб оно было младше моей бабушки!

И Володя засмеялся. Глаза у него горели.

– А ты где живешь? Я тебя ни разу не видел! Здесь? Здесь шикарно!

– Я живу на улице Отке, – сказала Лиля. – Это за углом. В гостинице жить бессмысленно, я же надолго прилетела!

О том, что из этой самой гостиницы ее вытурили, она говорить не стала.

– А на этом Отке что? Не гостиница, а санаторий?

– Там просто квартира, – отчеканила Лиля. – Обыкновенная квартира. И чудесные хозяева, Лева и... Таня.

Тут ее глаза опять заволокло, Володя расплылся в бесформенное пятно, а свеча приблизилась.

– Ну, что ты кислая такая? – огорчился Володя. – Не грусти! Когда-нибудь это все кончится! Тебе поесть надо. Здесь оленина вкусная, а чир – это рыба. Зелени, правда, никакой, кроме петрушки дурацкой, а ее терпеть не могу. Зато в супермаркете грейпфруты! Картошки нет, а грейпфруты есть. Анекдот!

Подошел официант, и Лиля заказала «это» и «вот это».

– И водки, – велел Володя. – Тут вчера какие-то мужики гуляли, как потом выяснилось, из Магадана, так они водку без пива вообще не пьют. Между прочим, газетчики какие-то. Тоже на коренных народов прилетели любоваться. Вот они заказали литр водки на троих и по литру пива на брата! Ушли, между прочим, трезвые как стекло. Ну? Как ты тут живешь?

– Просто прекрасно, работаю, – начала Лиля своим самым московским тоном. И не выдержала: – Сначала я нашла труп, потом познакомилась с губернатором, он ползал по ковру и таскал за собой какую-то лыжу! Сегодня в эфире меня обещали убить, потом утащили сумку, а из сумки паспорт, после я поругалась с Таней, и теперь мне негде жить!

– Погоди, как труп?! Чей?!

– Ничей! Дяди Коли Вуквукая! Он великий охотник. За-

стрелился из ружья. Должно быть, до белой горячки допил-ся, а мне в эфире сказали, что я во всем виновата, что-то знаю и не говорю, а я ничего не знаю! И кто-то рылся в моих вещах, и я решила, что это Таня!

Лиля расплакалась, Володя смотрел на нее во все глаза, а она все повторяла:

– Я так больше не могу! Не могу я! Чукотка – особая территория! Вот она у меня где, эта особая территория! Пошли они к черту с их гостеприимством и северным братством! Не нужно мне никакого братства, мне надо, чтобы меня оставили в покое и не трогали мои вещи!

И как тогда, когда Лев Мусаилович назвал ее «бессовестной», она вскочила, ринулась в туалет и там зарыдала уже по-настоящему.

...Все пропало, все!.. Она оскорбила Таню, которая, кажется, так ничего и не поняла, стояла возле своей плиты, загроможденной огромными кастрюлями, как будто у нее столуется целая рота солдат. Лиля ворвалась в кухню и заорала. Боже, как неприлично она орала! Она орала, чтобы Таня не смела рыться в ее вещах, чтобы даже к двери не подходила, чтобы духу ее не было в Лилиной комнате! Что она, Лиля, заявит куда следует, и Таню отвезут в отделение, и уж там-то с ней разберутся – мало ли у кого она еще ворует!

Все еще продолжая орать, Лиля видела, как меняется доброе Танино лицо, делается растерянным и виноватым, а потом щеки вдруг покраснели и веки, и на скулах выступили

узлы! Лиля орала и понимала, что совершает ужасное, после чего не будет пути назад. Ясная, трезвая мысль о том, что Таня ни в чем не виновата, вышла из помрачения и тени и застыла в самой середине Лилиного сознания. И, как будто зажегся свет, стало совершенно ясно, что так оно и есть. Таня ни в чем не виновата.

– Я ухожу! – взвизгнула Лиля напоследок. – Посчитайте, сколько я вам должна! За все!

Она саданула кухонной дверью так, что чуть не вылетело хлипкое советское стекло «в шашечку», немудрящее украшение всех советских кухонных дверей, понеслась на свой третий этаж, на лестнице толкнула изумленного Преображенцева – ему пришлось сделать шаг к стене, чтоб не упасть.

В комнате она один об другой стащила торбаса из оленьих камусов и нерпичьей кожи, сунула ноги в лакированные штиблеты, напялила свои московские одежды, выскочила в метель и побежала сначала налево, а потом повернулась и побежала направо.

Деваться ей было некуда, и та самая, ясная и трезвая часть мозга об этом знала, но Лиля не собиралась сдаваться!

Про гостиницу «Чукотка» Лиля вспомнила, когда неслась мимо освещенного подъезда, уже промерзшая до костей и зубов – раньше у нее никогда не мерзли зубы! Она вошла в ресторан, уселась, несколько минут делала «московское лицо», а потом... развалилась на части.

Самое ужасное, самое стыдное заключалось в том, что по-

сле безобразного и неприличного скандала ей так или иначе придется возвращаться... домой. То есть не домой, конечно, а на улицу Отке, а там, должно быть, Лева уже приехал, куда-то он утром собирался, то ли к Николаю Гурьяновичу, то ли к Сергею Нифонтовичу, и Таня, конечно же, все ему рассказала!

Как жить после этого? Вот как?! И паспорт украли! Теперь не улететь, даже когда «придет борт»! Ее не пустят в самолет, и она навсегда застрянет здесь, на Чукотке, которая, как известно, «особая территория», и погибнет тут навсегда и окончательно!

Нужно извиниться, вот что. Лиля рассматривала в зеркале свое отражение и не видела ничего, кроме огромного, красного, тяжелого стыда. Надо пойти и заставить себя извиниться, другого выхода нет.

«Бессовестная», беззвучно повторил где-то рядом коммунальный сосед Лев Мусаилович, и мать кивнула с грустной безнадежностью. Пожалуй, только эти двое верили в Лилю как в некое совершенно особенное человеческое существо и наделяли ее некими исключительными качествами.

Лилия пошарила в сумке за три тысячи евро, добыла хорошенькую коробочку с замочком, тоже за много евро, нацепила на нос темные очки – чтоб никто не видел, как ей стыдно, – решительно прошла в гардероб и попросила свою одежду. Про Володю, попутчика из звездолета, она позабыла.

Про метель она позабыла тоже и чуть не упала, когда ветер

бросился на нее и ударил. Бокон она налетела на фонарный столб, устояла, держась за него обеими руками и как будто заново осознавая, что бал здесь правит Ледовитый океан, а не жалкие человеческие существа, бессильные и слабые перед ветром и снегом! Темные очки сорвало, они моментально унеслись в темноту, за границу круга, очерченного фонарем, и Лиля проводила их глазами.

Пройти ей было всего ничего. Отцепившись от столба, боком, то и дело приседая, чтоб не унесло, когда ветер налегал с особенной, веселой и злой силой, она повернула за угол во двор, где стало совсем темно.

...Она скажет Тане, что с ней такое бывает – она сама не знает, что на нее находит! И мама всегда ругает ее за вспыльчивость, и Лев Мусаилович тоже! И вовсе не думала она, что Таня рылась в ее вещах, просто Преображенцев напугал ее «охотой», и вообще здесь, в Анадыре, с ней творится что-то страшное и необъяснимое, да еще эта метель, к которой никак невозможно привыкнуть! Таня добрая и умная, все поймет, и Лиля обязательно скажет ей...

Додумать утешительные и покаянные мысли Лиля не успела. Она и не заметила ничего – в грохоте и свистопляске бури! Вдруг что-то сильно потянуло ее назад, она стала валиться, хватать воздух руками и никак его не могла схватить, мало его стало, совсем чуть-чуть, и с каждой секундой становилось все меньше и меньше, и Лиля вдруг увидела лазоревый и острый свет, голубые и серые волны сопки до са-

мого горизонта – а кто сказал, что сопки суша?! Горлу стало больно, в ушах и во рту стало больно тоже, почти невыносимо, и кажется, от нее что-то отвалилось, окончательно и бесповоротно, и Олег Преображенцев сказал в отдалении: «Ты больше не человек. Ты цель». И все пропало, и никакой Лили больше не было.

Все толпились в крохотном кабинете Романа Литвиненко, не помещались, выплескивались наружу. Сидела одна Алена – боком на стуле, очень неудобно, и фотограф Георгий Шахов на полу, скрестив ноги, и Ромка, который то и дело за чем-то выбегал в коридор, в конце концов пнул его, довольно чувствительно:

– Чего ты сидишь?!

– А что я должен делать?! – удивился Шахов.

Никто не знал, что делать, в этом и была вся штука.

Утром на «Пургу» явился донельзя мрачный Лев Кремер, в препирательства с Богданычем даже вступать не стал, просто подвинул его с дороги, поднялся по широкой лестнице прямо в кабинет директора.

– Вы как себе хотите, – заявил Лева, опершись обеими руками о директорский стол; с капюшона куртки на бумаги падали крупные капли, – а я хочу знать, куда пропала моя жиличка, потому что я за ней ответственный. Допустим, она вчера с моей женой Татьяной имела несколько неприятных минут истерического разговора! Ну и что? Нельзя было по-

звонить по телефоническому аппарату и сообщить, что она нас буквально видеть не желает, а желает видеть других, более порядочных и умных людей? И у них же заночует, чтобы не ночевать в нашем вертепе?

Директор ничего не понял, и тогда Лева объяснил, что приезжая после ссоры с Татьяной, Левиной женой, ушла из дому и не вернулась, и Татьяна, Левина жена, «переживает за ней, как за родной дочерью не беспокоилась, когда та была еще грудной младенец!».

Роман Литвиненко ни к чему такому готов не был. Вчерашний звонок в эфир напугал его – и не его одного! – но он старательно убеждал себя, что все это ерунда. Охота – страшное слово, но никто и никогда не объявлял ее по радио, так что, скорее всего, это баловство, попытка напугать московскую фифу, некстати нашедшую труп!

Здесь самоутешения сбились немного – зачем и кому понадобилось ее пугать? Если она ничего такого не видела и ни в чем не виновата?

Сумка у нее пропала – ну, так бывает, вокруг не святые с нимбами, захотелось пожить в камере, надо будет камеры в коридорах поставить, вот и не станут сумки таскать. Да она потом и нашлась, эта сумка. Может, москвичка сама ее забыла, а потом забыла, что забыла, так ведь бывает!..

Здесь самоутешения начинали сбивать всюю.

Роман Литвиненко очень боялся, что все всерьез, вот в чем дело. Он боялся, не хотел этого и понимал, что, если все-

ръем, изменить ничего он не сможет и никто ничего не сможет изменить. Изю всех сил он надеялся, что успеет отправить Лилию на материк, выклянчив у начальника погранотряда Багратионова какую-нибудь бумагу, по которой ее пустят в самолет. Всего-то и нужно – дождаться первого борта!

И не дождались.

Лева Кремер нависал над его столом, капли с капюшона все падали на бумаги, и, морщась от неизвестности, Роман стал звонить.

Сначала Алене, потом Преображенцеву – они ничего про Лилию не знали. Алена сразу затарахтела, как будто заработал дизельный движок на вездеходе, а Преображенцев, который, по всей видимости, думал то же самое, что и директор радиостанции, сказал, что сейчас подъедет.

– Сядьте вы уже! – негромко крикнул на Леву Роман, положив трубку. – Что вы торчите?!

– А «Угольный»? Туда надо звонить, в аэропорт!

– Как она могла попасть в аэропорт?! Кто это ночью через лиман пойдет, да еще в метель?!

Тем не менее Роман стал звонить в «Угольный», где, разумеется, не было и не могло быть никакой Лилии Молчановой.

Лева постоял-постоял и вышел, сказав, что «поедет, поищет, а после доложит по результатам».

Им обоим было совершенно ясно, что никаких результатов не будет.

Новость о том, что «московская фифа пропала», моментально распространилась по всей радиостанции и, кажется, по окрестностям тоже, потому что народ стал стремительно прибывать и теперь не помещался в кабинете – даже Шахов примчался, который отродясь на работу так рано не приходил.

– Может, она у Ларисы? У директрисы детской библиотеки, а?.. – предположила Алена с надеждой.

Она сидела, установив локоть на кипу бумаг, и держала себя за лоб. Вспомнив про Ларису, она обвела всех взглядом, схватила трубку, кипа поехала и обрушилась на пол. Шахов стал подбирать бумаги.

– Лиля с ней знакома хорошо, они вместе летели, по-моему, а потом, когда труп этот нашла, Лариса оперативников вызывала, – тарыхтела Алена, набирая номер.

– Ты давай молча звони, – мрачно посоветовал Роман Литвиненко. – Еще какие будут предположения?

– Не могла она в пургу из города уйти, – сказала редактор Настя. – Она же не чокнутая!

– Не могла, – согласился Шахов, возвращая на место бумаги.

– Может, ее увез кто?

– Кто?! И куда?! Да и не поедет она ни с кем, она нас-то боялась, как будто мы дикари!

– Лариса? Это Алена Долинская с радио «Пурга». Ларис, вы нашу Лилю вчера не видели? Ну, из Москвы которая! Да,

да! Сами не знаем! Дома не ночевала, а куда подевалась...

Олег Преображенцев, который все время молчал и думал, сказал Роману, что, пожалуй, поедет.

– А эфир чего? Отменять?

– Я вернусь к эфиру.

– Подожди.

Директор радиостанции вылез из-за стола, опять пнул Шахова, который заворчал и наконец-то поднялся.

– Ребят, – в спины им сказал кто-то, – надо быстрее решать, что делать. Если она и вправду ушла... Пурга... замерзнет...

Они разом оглянулись, как волки, и молча вышли. Металлическая дверь бабахнула, закрываясь за ними. На площадке сильно пахло табаком и стояла тишина. Литвиненко сразу закурил.

– Что делать будем?

– Звони Багратионову, – предложил Олег негромко. – Пусть солдат поднимает и МЧС. А я попробую...

– Чего ты попробуешь?

– С губернатором поговорить.

Роман посмотрел на своего ведущего. Тот застегивал «молнию» на куртке и был весь сосредоточен, как будто делал бог весть какое важное дело.

– А что губернатор сможет, если это... охота?

– Если это охота, мы опоздали, – сказал Преображенцев скучным голосом. – Ты понимаешь?

– Куда она могла деться?! Вряд ли из города ушла. Она трусиха.

– По-моему, нет. Она странная, конечно, но не трусиха.

– Хорошо бы ушла! – в сердцах сказал Роман. – От нервности столичной и тонкости чувств! Если забрела куда-нибудь, значит, надежда есть, еще, может, найдем!

Преображенцев покивал. «Молния» никак не застегивалась, и он все дергал ее.

– Жалко девчонку. – Перестав дергать, он взглянул Роману в лицо. – Попала в переплет! Прилетела из Москвы порядки тут наводить, а у нас, видишь, свои порядки...

– Да погоди ты раньше времени!

– Если Багратионов заартачится, звони мне, – Преображенцев сбежал на несколько ступеней, остановился и задрал голову, – я в гостиницах поспрашиваю и вездеходы проверю.

– Какие, на хрен, вездеходы! Кто это сейчас в тундру пойдет?! И зачем?!

– Мало ли кто. Мало ли зачем.

Он опять побежал по ступеням, и пропал из виду, и уже откуда-то снизу крикнул, что в эфир сегодня он непременно выйдет. Роман кивнул, постоял еще немного, дотянул сигарету и вернулся на радиостанцию.

«...Обстоятельства непреодолимой силы» – так пишут в договорах. Он вырос на Севере и точно знал, что такие обстоятельства на самом деле существуют, какие там договоры!

В гостинице «Анадырь» про Лилию Молчанову никто ничего не знал, а в гостинице «Чукотка» она вчера побывала.

– Ужинать собиралась, хоть и расстроенная была сильно, – сказал Олегу официант и пожал плечами, – а потом фьюить, и нет ее. Кавалер до-олго ждал, да так и не дождался. Водки выпил, салатом зажевал и еще часа два сидел, наверное. Продинамила его, однако, девушка-то!..

– Какой кавалер?

Официант усмехнулся пренебрежительно – и ты, мол, куда же? Тебя тоже столичная штучка продинамила? Теперь ее ищи-свищи!

– Обыкновенный, из командировочных. Он тут у нас почти каждый день заседает. Но все больше не один, а с компаниями разными. Чтоб самому за себя не платить, ясное дело. У нас здесь место не дешевое и не для всех, – добавил официант, явно гордясь этим самым «местом», – а девушка вчера в первый раз была, ну, после того, как ее у нас селить отказались! Это такой цирк был, однако, когда она въезжать собралась, а номера-то у нее и нет! Какие она громы-молнии метала, а потом слезы лила! А номера все одно нет!

Историю о том, как Лилия собиралась жить в гостинице «Чукотка», а вместо этого прекрасного места пришлось ей отправляться «на квартиру» к Тане слевой, Преображенцев знал, слушать еще раз не хотел – время уходило!

Пока он тут беседует со словоохотливым официантом, она может медленно замерзнуть где-нибудь поблизости, совсем

рядом. Это очень просто в пургу. Человек теряет направление и замерзает в двух шагах от собственного дома просто потому, что не знает, в какую именно сторону нужно сделать эти два шага!

Если она не замерзла, шансы есть, хоть и не слишком большие.

Если вчера открыли охоту, значит, для Лили все уже позади.

«Верхние люди», как называла Духов Туар, чукотская бабушка Олега, приняли ее в свои ряды.

Я не хочу, чтобы она ушла в Верхний мир, сказал бабушке Туар Олег Преображенцев. Я должен... еще увидеть ее. Поговорить с ней. Ведь это я за нее отвечаю! Я понял это, как только увидел ее в нашем подъезде. Одна – без меня – она не справится.

Но бабушка только покачала головой.

Олег перебил официанта, который смаковал подробности Лилиного изгнания из рая, где сам он прочно состоял на службе, и спросил довольно грубо, что за командированный.

Да просто командированный! Живет в «канадской гостинице», с Лилей встретился как со старой знакомой. Всего официант не слышал, конечно, у него такой привычки нет – за клиентами подслушивать, но понятно было, что видятся они не в первый раз. Мужик все повторял, как хорошо, мол, что он ее встретил и все такое! Ну, как у них у всех, у командированных, принято.

– Только она какая-то вялая была, вот-вот заплачет. Ну, а потом в туалет пошла и в зал уже не вернулась. Ну, он посидел-посидел и тоже ушел. Говорю же, динамщица девчонка-то!

– Как его зовут, этого командированного?

– Почему я знаю? Вроде Алексей. Или не Алексей... Как-то просто его зовут.

– Он карточкой платил или наличными?

– Да чего там платить-то? Он только водки выпил и салат картофельный взял... А сидел, как будто полный ужин заказал!

– Наличными платил?

– Ну да. А на чай десять рублей оставил! – И официант презрительно фыркнул. – Однако, жмот! У нас тут такие чайные...

По чеку, если бы командированный платил карточкой, можно было узнать фамилию, и дело бы ускорило во много раз.

Олег вышел на улицу и сел в машину. Метель крутила и мела по-прежнему, и все же совсем по-другому, и он точно знал, что завтра она замедлит разгон, как хорошая собачья упряжка, ведомая опытным каюром, а послезавтра никакой метели не будет, она повернет и уйдет дальше на север, оставив за собой холод и низкое солнце.

Если Лиля Молчанова все же вернулась к этому мужику с неизвестным именем или он догнал ее на улице, есть на-

дежда, что она провела ночь вместе с ним, а это значит, что охота не состоялась.

Лишь бы только охота не состоялась! А мужика можно пережить, это не страшно.

Из гостиницы «Анадырь», именуемой в народе «канадской», тетка-администраторша почти что вытолкала его взащей.

– Список постояльцев ему покажи, ишь ты! Давеча спрашивал, теперь опять спрашивает! Ты кто такой, чтоб тут вынюхивать? Если ты есть полковник Багратионов или из органов, так покажи документ! А если ты без дела людей баламутишь, так и ступай, ступай отсюда! У нас тут и без тебя забот полон рот, вон непогодь какая, все как приклеенные сидят, что ни вечер, то заседалово заседает, то в одном номере, то в другом! А в триста пятом вообще телевизор разбили, акт пришлось составлять! Всю водку в буфете попили! Несет нечистая их к нам с материка, пьют только и безобразия хулиганят!

– А девушки точно не было? Вчера? Она могла с молодым человеком прийти, поздно!

– Не было у нас никаких девушек! Я сама всю ночь дежурила, показала б я им девушек! У нас в двенадцать дверь на замок, и вся недолга! Это там, на большой земле, кругом одни девки неприличные, а у нас тута Север, откуда им взяться-то?

– Девушка приличная, – предпринял еще одну попытку

Преображенцев, хотя тетка на него наступала и было ясно, что долго он не продержится. – Из Москвы прилетела, со мной на радио программы ведет! Да вы слышали, наверное!

– Ну! А ты сам с радио, что ли? То-то, я мню, знакомый вроде! Или голос у тебя знакомый!

Олег улыбнулся, когда она сказала «я мню». Так говорят поморы и староверы.

– Ну-ка, скажи что-нибудь! – приказала тетка, и он подчинился, хотя это было глупо.

– Здравствуйте, в эфире радио «Пурга» и Олег Преображенцев, – выпалил он, и они с теткой уставились друг на друга.

– Смотри-ка! – восхитилась она. – Не врешь! Тебя Михаил очень уважает, мой сын старший. И у нас здесь все время «Пурга» играет! И ведущий ты неплохой, понимающий, с народом хорошо говоришь, вразумительно. Есть у вас какой-то балабол, как он заговорит, ничего не разберешь, а ты...

– Не появлялась вчера девушка?

– Какая девушка тебе? Вот пристал-то! Все мои, что согласно прописке и командировочным удостоверениям, по местам были, а ночью я двери на засов!

Больше Олег ничего не добился.

Он был уже в холодном тамбуре, куда с улицы лезли длинные снежные языки, когда тетка догнала его:

– Стой, стой, Олег Преображенцев, радио «Пурга»! Я сейчас глянула в книгу-то, так у нас с материка всего пятеро

женщин проживают, самая молодая пятьдесят девятого года. Подходит тебе эта девушка или обратно не подходит?

– Да она не проживает! Она могла с кем-то из постояльцев прийти!

– Не приходил вчера никто, вот те крест. Я сама дежурила. Банкир этот, Дудинский фамилия, звать Владимиром, поздно явился, точно не скажу, но поздно. Он уж больно любит погулять-то, как где гуляют, так и он там! А вчера, видать, недогулял, мрачный явился. Потом эскимосы пришли, которые с Малого Диомида, Мылыгрок, у которого отец знаменитый шаман и танцор был, мне сказывали, и второй, как зовут, не помню. Они сразу к себе пошли, а гулена этот еще телевизор внизу смотрел, долго! А все остальные как с обеда пришли, так по номерам и засели!

– Спасибо.

– А ты за девушкой своей лучше приглядывай! Даром что на радио работаешь! Девушки пригляда требуют! А то ходит теперь по гостиницам, ищет, ты подумай!

Скорее всего, Владимир Дудинский, «гулена», как назвала его администраторша, и есть тот самый «кавалер», которого Лиля бросила в ресторане. Нужно найти и расспросить его как следует, и...

И скорее всего, он расскажет то же самое: встретил за столиком, обрадовался, собирались душевно посидеть, а она пропала. Он ждал, ждал, а она не пришла.

Позвонил Роман Литвиненко, сказал, что новостей ника-

ких и до начальника погранотряда он пока не дозвонился – у того какое-то совещание, и вообще неясно, где он, то ли в Анадыре, то ли на той стороне лимана, у себя в части. Алена просила передать, что директриса библиотеки Лилию вчера не видела и вообще с того дня, когда был убит охотник Вуквукай, они не встречались.

Чувствуя, как безвозвратно уходит время, Олег заехал еще на улицу Отке, к Тане.

Таня сидела у себя на кухне, а вокруг был разгром, будто Мамай прошел. На плите что-то кипело, плескало через край кастрюли бурой пеной, окна все запотели. Олег протиснулся и снял кастрюлю.

– Поставьте куда-нибудь, – сказала Таня, сняла очки и вытерла глаза. – Вон хоть на подоконник. Ну, вот куда она могла подеваться, а?! Ну, куда?! Поссорились мы, накричала она на меня, что ж я, не понимаю?.. Одна, в чужом городе, и мы все тут ей чужие! И домой ей хочется, непривычно, одиноко! Все в Москву названивала, с телефоном в обнимку спала! Я у нее в тот раз, когда она у меня ночевала, телефон вытащила тихонько, рядышком положила. И главное, в чем была ушла! Это в пургу-то! Может, по радио объявить, а?

Преображенцев кивнул.

Страх колот его изнутри, как китовый ус. В старину эскимосы так охотились на умку – белого медведя. Раскладывали приманку, замороженную рыбку требуху, а внутри скатанный в кольцо китовый ус. Медведь поедал требуху, ус

оттаивал, распрямлялся и протыкал зверю желудок. Зверь медленно и тяжело погибал от внутреннего кровотечения. Охотник добивал его раньше, чем начиналась агония, чтоб не слишком уж мучился.

Хотя он все равно мучился долго.

По улице Отке Олег съехал вниз, к реке Казачке, взобрался на мост почти ощупью – здесь всегда мело сильнее. Колледж светил сквозь пургу желтыми, как будто живыми, огнями. Олег взял правее и остановил машину. Тут стояли гаражи, принадлежавшие когда-то Чукотторгу, потом Чукотснабу, а потом неизвестно кому, а ниже, на самой речке, нагромождения сараев, бытовок, навесов, покрытых ржавым железом или авиационным алюминием, им можно пожить на брошенных военных базах. В сараях держали лодки, снасти, всякое охотничье и тундровое барахло, которое не умещалось в квартирах.

Ни лодки, ни барахло Олега не интересовали, и он, сильно наклоняя голову, потому что ветер бил прямо в лицо, пошел к гаражам. Там держали вездеходы, «газики» и трактора, тоже принадлежавшие Чукотторгу, Чукотснабу и еще неизвестно кому.

Еще вездеходы есть у военных и на ТЭЦ, и туда тоже придется съездить.

Высоченные, темные, посеченные пургой и дождями двери, заложенные поперечными перекладинами, казалось, никогда не открывались. Олег толкнул одну створку, другую,

они даже не шелохнулись. Но в гаражах кто-то точно был: мутный свет сочился из слюдяного окошка, находившегося высоко, под самой крышей.

Створка закрипела, когда Олег навалился на нее всем весом.

– Есть кто живой?

Где-то в сумраке громадного, тускло освещенного помещения загрохотало, как будто железяку уронили на пол, потом равномерно заширкало, и никто не отозвался.

Олег пошел на звук.

– Здравствуйте на всякий случай!

Мужик в треухе, толстой телогрейке и ватных штанах точил что-то на электрическом точиле, искры летели в разные стороны, тусклый свет мигал. Олег подошел и стал рядом. Мужик оторвал от точила лезвие диковинного топора на длинной ручке, попробовал ногтем, подумал немного и выключил станок. Диск перестал крутиться.

– Здорово и тебе, – сказал мужик, еще раз попробовал ногтем топор, ушел за верстаки и загремел оттуда. Здесь сильно пахло железом и машинным перегаром.

Вездеходы – все три – горбились в полумраке, и казалось невероятным, чтоб их когда-то сдвигали с места. Олег подошел к ближайшему, ковырнул гусеницу, присел и посмотрел под днище.

– Покататься хочешь?

Олег, не отвечая, взялся рукой за скобу и вскочил на под-

ножку. Спрыгнул и перешел ко второму. Этот был пошире и пониже – норвежский или шведский, Преображенцев всегда путал, – тупорылый и упористый, как носорог. Норвежские или шведские вездеходы добывал губернатор Роман Андреевич, они были надежней, проходимей, жрали меньше солярки и лучше обогревались. Роман Андреевич добыл их штук десять – три оставил в Анадыре, а остальные раздал в поселки.

Радио «Пурга» даже делало об этих вездеходах специальный репортаж.

Обойдя последнего носорога, Преображенцев неизвестно зачем похлопал его по зеленому бугристому от заклепок боку и спросил у мужика с топором, как жизнь.

– А твоя?

– Моя не очень, – признался Олег.

– А моя ничего, – сообщил мужик. – Ты чего хотел-то?

Узнать, когда на них в тундру ходили?

Преображенцев кивнул и накинул капюшон. Он уже все узнал. На том, который самый первый, ходили давно, должно быть, в августе. А на норвежских носорогах, может, с неделю назад и недалеко. До сопки Святого Михаила, не дальше.

– А ты кто? Проверка?

– Нет, я сам по себе. Человек у нас пропал, я думал, может, кто в тундру пошел и его прихватил.

– Как пропал?! Местный?

– Да то-то и оно, что московский.

– Кто это из московских по собственной воле в тундру пойдет?!

По собственной воле не пойдет, подумал Олег. А если по чужой? Да еще... по злой?..

– Слушай, – сказал мужик, подумав, и аккуратно прислонил к гусенице свой топор, – ты бы к метеорологам съездил на станцию. Я вчера домой шел, так их вездеход возле гастронома обретался. Который на Полярной! Я еще подумал, чего это они, за водкой, что ли, на вездеходе приехали?! У них вроде и «газон» на ходу, и джип начальника ихнего! Он на прошлой неделе пригонял, мы ему полную прочистку мозгов осуществили! А начальник поначалу совсем тухлый был, говорит, чего вы можете, когда бензонасос все равно с Аляски везти придется! А чего? Мы ничего! Шланг от «шестерочки» нашей родимой приладили, вот тебе и бензонасос, и ездит начальник-то! Может, они на вездеходе в тундру бегали? Зонды свои запускали? Хотя в пургу...

– Спасибо, – сказал Олег. – Съезжу.

Он пошел к выходу, и мужик негромко спросил за спиной, не нужна ли помощь.

– У меня техника вся на ходу, – добавил он, когда Олег оглянулся. – И я тут всякий день.

– Если что, зайду.

Мужик кивнул и вскинул на плечо свой топор.

Метеорологическая станция находилась довольно далеко, за городом, на холме, и Лиля никак не могла там оказаться,

но мало ли как вышло...

Позвонила Алена Долинская и даже не тарахтела. Сказала напряженным голосом, что обзванивает всех подряд по всем знакомым номерам. Пока ничего нового нет, никто москвичку не видел, куда она девалась, не знает.

Роман тоже позвонил, и тоже без толку.

У метеорологов никого не было. Все двери открыты – кто это на Севере двери запирает! – а людей нет. Вездеход стоял на площадке, с подветренной стороны под гусеницы намело снегу. Олег обошел его и посмотрел – на нем действительно ходили, и совсем недавно. Мужик из гаражей сказал – зонды, но кто и зачем станет запускать метеорологические зонды в пургу?

Времени до эфира почти не оставалось – только доехать, – и Олег двинул в сторону радиостанции.

Это трудно объяснить, но утром он почему-то верил, что найдет Лилю, устроит ей выволочку, а потом оболъет презрением – как всякий, имевший чукотские корни, Олег Преображенцев отлично умел выражать презрение рыхлым, вялым, плохо приспособленным, но очень самоуверенным «белым людям», ничего не понимающим в жизни на Севере и в жизни вообще. И ему хотелось ее спасти – удало, молодецки, как там еще, – чтобы она плакала, и раскаивалась, и признавала его превосходство, и шагу не могла без него ступить!

Он не нашел ее, и сейчас день свалится в ночь, в непро-

глядную темень, и с каждой минутой надежды найти ее становилось все меньше и меньше. Завтра надежды не останется никакой. Возвращение на радиостанцию означало поражение и скорее всего – Лилину смерть.

Скорее всего, она уже ушла к Верхним людям. Или отправляется к ним прямо сейчас, а он ее не нашел и остановить не может.

Он знал, что Духи время от времени требуют жертв, но иногда с ними можно договориться, попросить, объяснить, и его чукотская бабушка Туар непременно попробовала бы с ними договориться, но Олег не умел.

Лиле Молчановой приснился сон.

Как будто они с Кириллом полетели в отпуск. И вот аэропорт, толпа, шум, переливы в динамиках, а она потерялась. Стоит в толпе совершенно одна и не видит Кирилла, который должен быть где-то поблизости. А его нет! Потом она начинает бегать по аэропорту среди чужих людей, расспрашивать их, а они все почему-то молчат и отворачиваются, а долго бегать она не может, ей нужно непременно успеть на самолет, и в этом все дело. Она кое-как забирается в салон – во сне к самолету была приставлена вместо трапа шаткая лесенка, по которой ей пришлось лезть, – и оказывается, что Кирилл уже внутри. Она с облегчением, огромным и радостным, как в детстве, начинает тормошить и обнимать его, а он сидит неподвижно, и она все никак не может повернуть

к себе его лицо. А это страшно важно – посмотреть ему в лицо. Она берет его за руку, тянет к себе, умоляет, кричит, и он поворачивается к ней, и оказывается, что это не Кирилл. То есть Кирилл, но все же не он. У него пустые белые глаза, ледяные, жесткие руки. И он берет Лилю, как берут куклу, тащит по проходу, открывает дверь самолета и выбрасывает наружу, в холод, пустоту и высоту.

И в холоде и пустоте она не умирает... *сразу*. Она знает, что впереди у нее несколько секунд – которые она будет умирать – и их нужно как-то преодолеть. Дожить до смерти.

А это очень много – несколько секунд. Слишком много. Ей не справиться.

Будет легко, если все кончится сейчас же, в этот же миг, но не кончается, никак не кончается, и впереди еще очень много секунд, и их нужно прожить.

Лиля закричала, и крик, сначала неслышимый, вдруг стал нарастать, как будто бездна возвращала его, и от крика она очнулась.

Темно и очень холодно. Так холодно, что кажется, тела больше нет. Есть только небольшой кусочек его, где бьется сердце.

Значит, секунды не кончились, и еще какое-то время придется ждать. Придется доживать до смерти.

Зачем Кирилл выбросил ее из самолета?

Тем кусочком тела, где было сердце, живое, бьющееся, она прижималась к чему-то твердому, ледяному. Что может быть

твердого в воздухе?

Кажется, совсем недавно она думала, что сопки вовсе не обязательно суша, значит, и воздушный океан может состоять из острых пик и твердых вершин, и они впиваются в нее, и есть надежда, что, ударившись о них, она разобьется, и кончатся эти несколько секунд, которые так мучительно трудно дожить!..

Лиля вдруг почувствовала боль, которой не могло быть, и это означало только одно – тело у нее все еще есть, и оно живо, и теперь придется терпеть еще и боль!

Она повернулась, подтянула ноги, стала на четвереньки и постояла немного.

Если можно стоять на четвереньках, значит, есть что-то твердое, и нет никакой бездны.

Она не летит. Она ползет.

Кирилл не выбрасывал ее из самолета.

Темно и очень холодно.

Кажется, от холода и боли она начала соображать.

Улица, метель, темные очки улетели за границу светового круга. Она идет, время от времени цепляясь за фонарные столбы, чтобы ветром ее не унесло в лиман. Потом темнота становится еще гуще, кончается воздух, а потом какой-то удар или несколько ударов, и больше ничего.

Боль, как и Лиля, медленно приходила в себя, деловито принималась за работу. Больно стало сначала в голове. С трудом сообразив, как это сделать, Лиля пощупала голову.

Пальцы ничего не чувствовали, зато кожа под волосами ощутила ледяное и как будто чужое прикосновение. Ног она не ощущала вовсе, но тем не менее они есть, их Лиля тоже пощупала.

Здесь нет метели, значит, она не на улице, а за какими-то стенами.

Теперь больно стало в груди и в животе, так, что перехватило дыхание. Некоторое время Лиля старалась не двигаться, чтобы дыхание вернулось.

Оно вернулось вместе с болью, но выхода не было, приходилось дышать.

– Где я? – спросила она вслух. Горлу тоже было больно. – Где?..

Помогая себе руками, которые плохо слушались, она поднялась на ноги, постояла и двинулась вперед. Ладони сразу же уперлись в твердое, и она повернула в другую сторону.

Помещеньице было крошечным и низким, голова доставала почти до потолка, с которого Лиле в волосы что-то посыпалось.

Там, должно быть, пауки. Снежные безглазые пауки. В волосы ей падают пауки, которые живут в этой ледяной темноте.

Эти придуманные пауки напугали ее больше, чем холод, тьма и боль. Она завизжала, то есть ей показалось, что завизжала, и стала метаться, то и дело натываясь на ледяные неровные стены. Откуда-то все время шел прерывистый, еле

слышный звук, похожий на скулеж новорожденного щенка.

Лиля присела, зажмурилась и короткими, истеричными движениями стала вырывать на себе волосы вместе с пауками, которые там возились. Они возились там совершенно явно!..

Сколько еще ждать?! Когда закончатся эти ненавистные секунды, которые нужно прожить, чтобы наступила смерть?..

Она вдруг закашлялась – в горле что-то сместилось и поехало – и кашляла долго и надсадно, наклонившись вперед, упершись руками в ледяное, твердое и неровное, зато новорожденный щенок перестал скулить.

Должно быть, он уже замерз и умер. Слава богу.

А если не умер?.. Если его еще можно спасти?

Север шутить не любит, отчетливо сказал кто-то поблизости. На Арктическом побережье Ледовитого океана пурга.

Терапевт Нечаев предупреждает об опасности авитаминоза. В марте состоится гонка на собачьих упряжках под названием «Надежда». В ванкаремской тундре возросло поголовье оленей.

Лиля зашарила вокруг себя – стала искать щенка, который то ли умер, то ли не умер. Ничего живого, теплого, только холод, лед и острые углы. Подниматься на ноги нельзя, там, вверху, пауки, и они посыплются на нее, как только она поднимется. Нужно ползком, на ощупь.

Она поползла, уткнулась во что-то лбом, повернула и по-

ползла в другую сторону. Рук и ног она совсем не чувствовала, но знала, что они у нее есть.

Теперь, уткнувшись лбом, она почувствовала, что стена ходит ходуном. А вдруг это дверь, подумала Лия. Она встала на колени, нащупала ручку, потянула из последних сил и головой вперед вывалилась в пургу.

Ветер, ледяной и веселый, охватил ее, закружил и понес, понес – все-таки она летит и никак не может долететь до смерти! Жаль, что пурга, она так и не увидит, как выглядит эта земля сверху – безграничные пространства снега и льда, торосы, горы и сопки и ни одной живой души до самого Северного полюса, который на уроке географии представлялся ей просто точкой на карте. Точкой, куда сходились меридианы.

Ветер все нес и нес ее, и она зажмурилась от счастья – стало хорошо, спокойно и совсем не больно, и она вдруг радостно удивилась, что умирать на самом деле совсем не страшно, а даже приятно! Страшно *ждать* смерти, но зато она приходит лучшим другом, избавлением, спасением.

...А щенок? Она искала щенка. Она может его оставить, только если он тоже умер – тогда не страшно. А если жив, одного Лия не может его бросить.

Ветер на секунду ослаб, как будто вздохнул, чтобы дунуть с новой силой, и Лия подалась назад, туда, откуда только что выползла, наткнулась на стену, зашарила по ней, понимая, что, как только ветер наберется сил, она потеряет и сте-

ну, и землянку, которая прикрывала ее от ветра, и щенка, которого она должна спасти или удостовериться, что он умер!

Ветер дунул посильнее. Лиля нащупала щель, сунула в нее пальцы, которые ничего не чувствовали, и потянула. Ветер, развеселившись, мешал ей как мог. Она сунула другую руку и потянула изо всех сил! Какое-то время она и ветер боролись, а потом Лиля победила. Открылся лаз, она заползла в него, оставив ветер снаружи. Но он не желал сдаваться! Он рвал хлипкое ограждение, отделившее Лилю от него, она навалилась всем телом на дверь, не пуская, потом села и прижалась спиной.

Странное дело, она вдруг стала видеть в темноте.

Лиля ничего не понимала – где она и что с ней, и ее не особенно это интересовало. Она точно знала, что за спиной у нее беснуется ветер, который только что предлагал ей свою помощь – она могла бы раствориться в нем, без боли и без страха, – а она отказалась.

– Подожди, – сказала она ветру. – Подожди, я сейчас. Я только посмотрю, где щенок.

Что это? Кажется, стол. Или топчан?.. Рядом ледяное, угловатое, может, чугунное. Ладони ничего не чувствовали. Лиля подползла – дверь, которую она подпирала спиной, сразу же распахнулась, впусав пургу, и Лиля подалась назад, прижала дверь. Ей было так холодно, что никакого холода она уже не чувствовала.

Что-то брякнуло странным, привычным, почти домаш-

ним звуком, которого не могло быть в этой реальности, где Лиле предстояло дожить до смерти. Так брякали спички, когда Лев Мусаилович ставил на огонь маленький желтый чайничек с синим цветком на боку. Этот чайник ему подарила Лилина мама, и он его очень любил и берег.

Лиля нашарила коробок, свалившийся ей в колени с ледяного чугунного сооружения, вытащила спичку и чиркнула. Огонь, показавшийся ей ослепительным, разогнал тьму.

Она сидит на полу спиной к двери. Слева от нее чугунная печка. Справа нары, на которых навалено какое-то барахло. Стол, на столе...

Огонь погас. Упала темнота. Ваше время истекло.

Лиля выхватила еще одну спичку и...

Стоп. Так не пойдет. Спички жечь нельзя. Пальцы ничего не чувствуют, и на ощупь она даже не может определить, сколько их там. Прижимая коробок к груди, она свободной рукой ощупала ледяной чугун, нашла дверцу и потянула ее. Внутри были сложены дрова. Лиля сунула коробок за пазуху, подтащила к двери какой-то чурбак, валявшийся под нарами, и подперла ее, оставив ветер снаружи.

Теперь самое главное – не спешить. Не паниковать.

Очень осторожно, как сапер на задании, она вытащила теплый коробок, вынула спичку и сосредоточенно и аккуратно чиркнула.

Огонь и тепло! Никто не знает, как может быть тепло и светло от одной спички.

Она сунула тепло и свет в чугунный зев – осветились закопченные внутренности и сложенные шалашиком желтые ветки. Живой огонек, болтавшийся на скрюченной черной спичке, мигнул прощально. Лиля подсунула его под ветки.

Она никогда не разжигала печку. Она понятия не имела, как это делать. Кирилл, когда жарил шашлыки на даче, поливал специальные угли специальной жидкостью – и хоп!.. Они вспыхивали ненатуральным синим пламенем.

Огонек под веткам едва трепыхался, все еще живой.

– Огонь, – попросила Лиля, неотрывно глядя, как он трепыхается, – разгорись, пожалуйста!

Огонек мигнул, умирая. Лиля закрыла глаза.

Тогда лучше ветер. Пусть ветер унесет ее – это совсем не страшно и даже весело. Страшно ждать. А когда дождалась, когда за тобой пришли, все уже хорошо. Все позади.

Она открыла глаза. Желтый живой огонь резво перескакивал с ветки на ветку, приплясывал и разрастался, как самый удивительный, самый прекрасный из цветов.

Лиля замороженно на него смотрела, так долго, что слезы полились из глаз, и она отерла их рукой. Слезы были горячими, и деревянные пальцы почувствовали это.

Лиля сунула спички за пазуху. И посмотрела по сторонам.

Возле печки были сложены дрова, много, до потолка. Отдельно лежали ветки, похожие на еловые, тоже довольно много, целая вязанка. На чугунном боку печки пристроен алюминиевый чайник, черный, помятый, жирный от копо-

ти. На грубо сколоченном столе шириной в две доски стояли кружка, бутылка и консервные банки, одна на другой, валялись какие-то журналы.

Из печкиного нутра задышало жаром, и Лиля сунулась к этому жару, так что, кажется, опалило волосы или брови.

И началось мучение. Тепло входило в застывшее тело, и больно стало так, как будто все до одной молекулы, из которых оно вроде бы состоит, превратились в сплошной нарыв и готовы были вот-вот лопнуть. Пальцы на руках моментально разбухли, и казалось, что под ногти загоняют иголки, медленно и долго.

Ей стало так больно, что она заплакала, и тут опять услышала щенка. Того самого, ради которого вернулась.

Не было никакого щенка.

Она слышала свой собственный жалобный скулеж.

Она вернулась ради... самой себя.

Нужно подложить еще полено. Чтобы вдруг не погас огонь.

Лиля поднялась, глянула на потолок – только темные от времени и копоти неструганые доски и никаких снежных пауков. Сверху на поленице стоял приемничек, самый обыкновенный пластмассовый, с бодрой надписью «Пионер» и круглой черной решеткой.

Лиля взяла приемничек. Потрясла. Посмотрела. Зачем-то прижала его к себе. За пазухой звякнули спички.

Лиля Молчанова аккуратно поставила приемничек на

стол, взяла полено, сунула печке в пасть. В консервной банке обнаружился оплывший огарок свечи, и Лиля зажгла его, вытянув из печки горящую ветку. Сразу стало необыкновенно, сказочно светло.

На нарах валялись какие-то вещи, и Лиля очень удивилась, когда сообразила, что это ее одежда. Почему-то она вся была порвана или разрезана. Из куртки во все стороны лезла белая волосатая подкладка. При виде этой подкладки Лилю чуть не стошнило. Тут же валялся ее ботинок, тоже искромсанный, и она с отвращением швырнула его на пол к раздавленному трупу ее мобильного телефона. Вишневая лакированная сумка, стоимость которой так развеселила Таню, теперь состояла из трех... нет, из четырех частей. Разных по форме и размеру. Джинсы располосованы на длинные узкие полосы.

Лиля с удивлением посмотрела на свои голые грязные ноги, а потом оглянулась на приемничек. Он не исчез. По-прежнему стоял на столе.

На гвозде рядом с печкой горбились какие-то вещи. Лиля стащила их и посмотрела – ватные штаны, телогрейка и брезентовое сооружение с капюшоном. Лиля мигом натянула штаны и телогрейку, от них крепко несло гарью, рыбой и еще чем-то, затянула брезентовую веревку на поясе, застегнула все пуговицы на телогрейке и даже засмеялась от счастья.

У нее есть печка, дрова, телогрейка и штаны. Так просто

ее не возьмешь.

Еще у нее есть чайник. Если, допустим, держаться одной рукой за дверь, чтоб не потеряться в пурге, можно нагрести в чайник снега, и тогда у нее еще будет кипяток – попить.

Лиля подхватила чайник, отвалила от двери чурбак, решив ни за что не отпускать его деревянную спасительную шероховатость, стала на четвереньки и, жмурясь и отворачиваясь от ветра и метели, стала одной рукой грести снег. Чайник она зажала между коленей. Она не знала, сколько времени прошло, много или мало, но вскоре поняла, что больше не может: холод жалил ее, и руку, и ноги она опять почти не чувствовала. Она ввалилась обратно в свой рай, приперла дверь чурбаком, сунула чайник на печку и вытерла лицо.

На столе стоял приемничек под названием «Пионер».

Его нельзя включать – вдруг он заработает? Если так, она не справится с собой.

Она будет слышать голоса и ни слова не сможет сказать в ответ, и паника вырвется и убьет ее. Никак нельзя, чтобы ее убила паника, после того как ее не убили ветер и холод. Они сделали бы это... красиво и быстро.

А паника будет терзать и мучить ее долго.

Лиля подошла к столу, задевая головой потолок. За шиворот сыпалась труха, зато там не было никаких снежных пауков.

Она взяла бутылку с зеленой, криво приляпанной бумажкой, жидкость плеснула внутри. Лиля отвинтила крышку и

понюхала. Сомнений не было никаких, она зажмурилась и глотнула. Раз, другой, третий.

На той планете, с которой принес ее звездолет, она непременно закашлялась бы, слезы выступили бы на глаза, она стала бы хватать себя за горло и дышать открытым ртом.

На этой планете она крепко вытерла рот рукавом телогрейки и громко сказала «спасибо!» тем, кто оставил здесь водку, спички, дрова, телогрейку, свечку.

Тем, кто оставил Лиле Молчановой жизнь.

Хотя бы на какое-то время.

Потом она решительно включила приемник.

Никакой паники не будет. Лиля Молчанова просто вытолкает ее вон из своего убежища. Если ей предстоит еще какое-то время пожить до смерти – она будет жить с музыкой. В прямом смысле этого слова.

– В эфире радио «Пурга» и Олег Преображенцев.

Лиля села на нары.

– Я хочу повторить главную сегодняшнюю новость. Пропала моя соведущая Лилия Молчанова, вы все ее прекрасно знаете по нескольким программам, которые мы провели вместе. Если вам что-нибудь известно о ней, звоните нам, пограничникам или по любому из дежурных телефонов. Нам обязательно передадут. Лиля, если вдруг ты меня слышишь...

– Я тебя слышу отлично, – негромко сказала Лиля в землянке.

– ...позвони немедленно.

– Я не могу позвонить, Олег.

– Мы тебя ищем. Мы тебя найдем. Держись, где бы ты ни была.

Она вдруг увидела его – в наушниках, перед микрофоном. Желтое от загара остроугольное лицо, узкие глаза.

– Ровно в пять, как обычно, новости, а сейчас песня «Кажется» группы «Ума Турман». Вы помните, дорогие радиослушатели, мы договорились, что сегодня я ставлю ее каждые полчаса на тот случай, если Лилия Молчанова нас слышит.

«...Я помню черные края этой бездны. Я слышал пение живущих там вечно. Я понял, что слова теперь бесполезны, я видел небо – оно бесконечно. Кажется, никогда нам на планете этой не встретиться, просто рукой махнуть – и голос почти не слышен. Просто: «Пока, пока!» – и молча пойду я вниз по лестнице. Может, когда-нибудь музыка станет тише».

Минут за двадцать до окончания эфира в студию влетела Алена. Преображенцев сдернул наушники:

– Что?!

Она покачала головой. Никаких новостей – из тех, что он ждал, – хотя к поискам подключились военные. Впрочем, толку от них мало – где искать? Город обшарили от чердаков до подвалов, а дальше?..

– Там к тебе пришли. Точней, приехали. Ты бы спустился.

– Кто приехал?

Алена взглянула на него:

– Родственники. Из тундры. Хотя, может, они тебе и не родственники.

У Олега Преображенцева похолодел затылок. Если к нему пришли люди из тундры, значит, знают об... охоте. Пришли предупредить или сообщить что-то.

Он быстро расставил метки, выбирая и рассчитывая по времени песни – чтобы эфир докатился до финала без него.

– Попрощаться за тебя? – предложила Алена.

– Как хочешь. – Ему стало все равно.

– Олег, – окликнула она, когда он был уже у двери, над которой полыхала надпись «Микрофон включен». – Если они что-то знают... и тебе скажут, позвони сразу же. Ладно?

Он кивнул.

– Ромка внизу, – сообщил попавшийся в коридоре Шахов. – Слушай, а кто это? И чего их принесло в пургу?

Преображенцев напялил куртку и бегом бросился вниз по широкой и тихой лестнице, напоминавшей такую же на речном вокзале. Привычный, цивилизованный, «радийный» мир остался позади.

Ни черта не помогла цивилизация. Спасовала. Не справилась.

И вместе с ней спасовал и не справился он, Олег Преображенцев.

Возле подъезда «Пурги» в синем свете уличного фонаря стояла нарта, запряженная восемью собаками. Девятая лай-

ка, запасная, была пристегнута прямо к нарте, а не к главному потягу – значит, упряжка пришла издалека. Собаки стояли и сидели спокойно, только жмурились от ветра, выставив вперед короткие мохнатые уши, чтоб не попадал снег. Возле нарты топтались Ромка Литвиненко и невысокий человек в капоре, отороченном росомашьим мехом, который, как известно, не индевеет даже в самый жестокий мороз.

– Тебя спрашивает! – сквозь метель прокричал Ромка.

– Ты Олег? – Невысокий, отороченный мехом, голоса не повышал, но говорил как-то так, что все было слышно. Вой метели не заглушал его.

– Я Олег. А ты?

– Нутэвэкэт, – представился человек. – Я из Инчоуна.

– Ръапыныл? Какие новости?

Человек помедлил, как бы размышляя, удивляться ему или нет, а потом все же удивился:

– Ты говоришь на чукотском?

– Немного.

– Луораветлан?

Он произнес это еще сложнее – «лыгъораветлан».

Олег знал, что по чукотским законам «луораветлан» – истинный, настоящий человек, в отличие от ненастоящего, пришлого, чужеродного, которого обозначали словом «тангитан». Все, кто приходил с Запада, назывались «тангитанами», и это было не слишком... лестное поименование. Для эскимосов, ламутов, коряков, эвенов существовали другие

слова, обозначающие их близость к «луораветланам», истинным людям. Точно так же, как чукотский язык считался единственно правильным и достойным выражать сколько-нибудь человеческие мысли. Все остальные языки не в счет, хотя на них тоже вполне можно объясняться.

Бабушка Туар совершенно точно была «лыгинэвыскэт», то есть чукотской женщиной, в Олеге же чукотской крови имелось всего четверть, поэтому он не стал объяснять.

– Ты пришел поговорить со мной?

Человек по имени Нутэвэкэт помедлил, как бы раздумывая, что ответить на этот вопрос.

– Я пришел проводить тебя, – сообщил он, надумав. – У тебя есть настоящая одежда и обувь?

– Есть, – быстро ответил Олег.

Он знал, что спрашивать, куда и зачем собирается его провожать Нутэвэкэт из Инчоуна, не имеет смысла – тот не ответит.

– Ну что? – Ромка Литвиненко приплясывал рядом от нетерпения и холода. – Что он говорит?

– Пока ничего особенного. Он собирается куда-то меня проводить.

– Куда?!

– Мы не узнаем, пока он не проводит.

– Олег, ты собираешься идти с ним куда-то ночью?! В пургу?! Спроси его, может, он потерпит до утра как-нибудь...

– Езжай за мной, – по-чукотски сказал Олег Нутэвэкэту. –

Мне нужно взять одежду.

Нутэвэкэт кивнул как ни в чем не бывало, уселся на нарты, разобрал упряжь и выдернул из снега остол, тормозную палку, обитую с одного конца железом.

Преображенцев полез в свою машину.

– Рациюхвати, если в тундру пойдешь! – крикнул Ромка. Голос у него был напряженный.

– Однако, есть рация, – негромко сказали с нарты. – И спутниковый телефон есть.

Джип перелез через сугробы, которые намело вокруг него за те два часа, что Олег был в эфире, и двинул вдоль улицы. За ним, появляясь и пропадая в свете фонарей, неспешной рысью трусила собачья упряжка.

Олег подъехал к своему дому, загнал машину под навес и зажег свет. Следом вбежали собаки, каюр крикнул, нарта остановилась.

Над обрывом, над ревушим и грохочущим анадырским лиманом, стояло всего два одноэтажных широких дома, похожих по очертаниям на серых китов. В одном из них жил Олег.

– Проходи, – предложил он Нутэвэкэту из Инчоуна.

Он знал, что гость ни о чем не станет расспрашивать и самому расспрашивать его бесполезно.

Он быстро прошел холодное просторное помещение, использовавшееся только летом и именовавшееся «верандой». Она была со всех сторон затянута сеткой, чтобы не лезла

мошка. Здесь стояли широкий деревянный стол, несколько лавок, обитых оленьими шкурами, чтобы удобно сидеть, и каменная печь, сложенная печником-помором. Летом на ней коптили рыбу и жарили мясо. Летом вообще на этой веранде над анадырским лиманом было очень весело, особенно когда приезжал брат, самый близкий человек. Мыс Обсервации на той стороне, невысокие сопки, голубые и зеленые, взъерошенная вода, очень много ветра и неба. Так много, что человеку не справиться с ними! Олег Преображенцев, в котором чукотской крови было лишь на четверть, все время чувствовал огромность и отчужденность мира, где он оказался лишь случайно, потому что был... допущен.

Духи – впрочем, он точно не знал, кто именно, в этом лучше разбиралась бабушка Туар – допустили людей в эти места, терпели и старались не связываться с ними, но иногда все же требовали платы, и Олег считал, что справедливо.

Люди не имели права здесь распоряжаться. Им ничего тут не принадлежало.

Они не имели права... потреблять, портить, гадить. Они не имели права искать здесь максимальных удобств для себя в ущерб всему остальному миру, как они привыкли! Те, кто жаждал удобств, вполне могли спуститься по земному шару к его середине и там весело продолжать начатое: уничтожать то, что не ими создано, – планету.

Чукотка пока сопротивлялась. Олег Преображенцев знал это совершенно точно. Пыталась сопротивляться, хотя не

всегда получалось. Его предков – луораветлан – почти истребили пришлые «тангитане», и если бы огнем и мечом! По силе, ловкости, выносливости и умению приспособливаться в тундре и на море луораветланам не было равных, «белый человек» не справился бы с коренной цивилизацией. Их истребили проще и унижительней – дешевой водкой, разорением поселков, отторжением от традиционного, единственно возможного на Арктическом побережье образа жизни. Древняя культура погибла в два счета – лет за сто пятьдесят.

Олег был уверен, что рано или поздно она возродится – Чукотка просто так не сдастся.

В Москве или в Берлине, куда он летал, когда его программы попадали в финалы разных конкурсов, его часто спрашивали, что там за места, на этой самой Чукотке, есть ли что посмотреть, какова природа. Спрашивали с наивным, добродушным, снисходительным интересом тангитан к диким, неосвоенным, первобытным местам, жить в которых, разумеется, не имеет никакого смысла, зато, наверное, имеет смысл посмотреть, сфотографировать на телефон, окунуться в Берингов пролив – в общем, сделать какую-нибудь глупость. Почему-то цивилизованных белых людей то и дело тянет в первобытность – осматривать ее, фотографировать, поправлять в фотошопе, а потом любоваться! Олег никогда не отвечал на такие вопросы – не знал как.

Он знал одно: никакой природы в понимании цивилизованного человека здесь нет и в помине. Природа есть в Аль-

пах. Может, в Йеллоустонском заповеднике тоже. Здесь – мир в том самом виде, в каком его однажды создал Бог. Или Духи, он плохо в этом разбирался, куда хуже бабушки Туар!.. Тысячи и миллионы квадратных километров мира, который не принадлежит и никогда не будет принадлежать человеку. Человек имеет право осторожно и уважительно ходить по краю этого мира, боясь оступиться и погибнуть, и это и есть плата за разрешение побыть в нем – недолго.

Олег Преображенцев открыл дверь – он никогда ее не запер, – вошел в тесные сени, где было уже тепло и пахло разогретым деревом, стащил пуховик и прошел внутрь.

Нутэвэкэт из Инчоуна вошел следом, не проявляя ни интереса, ни беспокойства.

Он откинул малахай, опушенный росомашьим мехом, посмотрел, куда сесть, и сел на медвежью шкуру, разостланную на деревянном чистом полу.

– Далеко пойдем? – спросил Олег из кухни.

Он налил в чайник воды и нажал кнопку. Угостить гостя чаем – нерушимая традиция, обязанность хозяина.

– Совсем близко.

– Снегоступы брать?

– Не помешают.

– Ты давно в пути?

– Из Канчалана решил в Анадырь зайти.

Это был ответ на вопрос и означал – недавно.

Отсюда до Канчалана, по чукотским меркам, рукой по-

дать.

– Ты живешь в Канчалане?

– Ходил из Инчоуна брата навестить. Весной. После дня, благословленного добрыми Духами, когда солнце в первый раз вернулось в тундру.

Олег подумал, что от Инчоуна до Канчалана путь совсем не близкий. Пройти его на собаках непросто даже опытному каюру. Много дней, много ночей. Много одиноких холодных дней и ночей в тундре, и тьма, тьма!.. Огромное, красное, ледяное солнце появляется над горизонтом лишь на несколько минут и снова опускается за край земли, и опять наступает тьма над всем Ледовитым побережьем.

Нутэвэкэт вышел из Инчоуна весной – чтобы навестить брата, – а сейчас, в конце октября, возвращается домой.

Олег заварил чай, очень крепкий, почти черный, пожалев, что нет плиточного, самого любимого у тундровых людей, подал кружку Нутэвэкэту, которую тот невозмутимо принял. Потом подумал и поставил перед ним на медвежью шкуру серебряную сахарницу с колотым сахаром, зная, что сам гость ни за что не попросит. Сахарница была английская – очаровательная, традиционная, очень цивилизованная вещь. Его брат любитель таких вещей. Собственно говоря, Олег привез ее из Лондона как раз в подарок брату, но потом пожадничал и не отдал.

Тут ему стало смешно.

Нутэвэкэт из Инчоуна степенно сидел на полу, скрестив

ноги в пятнистых серых штанах из кольчатой нерпы, в замшевой камлейке¹, надетой поверх оленьей кухлянки, чтобы в мех не набивался снег. Подметки торбасов подбиты шкурой белого медведя, чтоб при ходьбе не скользили назад. Только морские охотники с Ледовитого побережья могут позволить себе такие, остальным редко выпадает удача добыть умку. Он сидит, прихлебывает чай, а перед ним на полу стоит серебряная лондонская штучка, которую Олег так и не подарил брату!

Из кухни двойная дверь с тамбуром вела в холодную кладовую, где сильно пахло шкурами, кожей и тундрой. Олег зажег свет и стал в ней шуровать. Его снаряжение было значительно хуже, чем у Нутэвэкэта, но все же кухлянка, малахай и штаны имелись, самые настоящие, без дураков.

Кухлянку ему сшила бабушка Туар, которая еще умела кроить шкуры пальцами, без всяких ножниц, и сшивать их оленьими жилами. Она очень сердилась, когда ей говорили, что сейчас полным-полно синтетических ниток, очень прочных, ими шить гораздо удобней! «Обычай надо держать, – говорила бабушка и поджимала губы. – Когда умру, хоть обмотайтесь нитками и ходите в них, а пока я жива, все по обычаю будет!» И в самом деле, все было «по обычаю», даже три узкие ленточки замши на спине, украшенные бусинами, голубой, красной и белой, оберег от злых духов.

¹ Камлейка – старинная чукотская промысловая непромокаемая одежда, сшитая из кишок морских животных или из оленьей замши.

И торбаса у него настоящие – из оленьих камусов с очень плотной шерстью, с лахtachьей² подошвой. Кроме того, в них еще был подложен высушенный особым образом мох, который не рассыпался и не крошился, хорошо впитывал влагу, и с такой «стелькой» удобно ходить по камням.

Никакая одежда – самая современная, самая необыкновенная, самая технологичная – не спасала в тундре от холода и ветра, а сколько ее Олег перепробовал! Все эти глупости, написанные на солидных этикетках – «до минус сорока», «защита от ветра», «защита от влаги», – на поверку оказывались именно глупостями. В десяти километрах от города этикетки уже решительно не спасали, а спасала как раз кухлянка бабушки Туар, сшитая «по обычаю»!

Олег выволок груду меховой одежды, задубевшей на холоде, свалил на диван и налил гостю еще чаю.

Тот закинул за щеку кусок сахара.

Куда они сейчас пойдут?.. Зачем?

По всей видимости, Нутэвэкэт услышал его мысли – люди из тундры это умеют, – потому что отхлебнул чаю и сказал негромко:

– Запасную одежду возьми. Есть?

Олег посмотрел на него. Тот невозмутимо пил чай.

– Для кого?

– Для женщины, которая у вас пропала, однако. За ней пойдём. Недалеко пойдём, но одежда нужна, однако.

² Лахтак – крупный тюлень, «морской заяц».

Диджей радио «Пурга» Олег Преображенцев, в котором все же была четверть настоящей, истинной луораветланской крови, удержал себя в руках.

Карабин щелкнул, и вся упряжка его эмоций оказалась надежно пристегнутой. Не сорвется.

...Если нужна одежда, значит, московская фифа Лилия Молчанова жива. Значит, она не ушла к Верхним людям. Если Нутэвэкэт из Инчоуна никуда не торопится, значит, немедленная смерть ей не грозит.

А Олег ее почти потерял. Уже верил, что потерял.

«...Кажется, никогда нам на планете этой не встретиться, просто рукой махнуть, и голос почти не слышен...»

Он вышел в соседнюю комнату и стал одеваться.

Жива.

Нутэвэкэт из Инчоуна нашел ее и пришел на радиостанцию, чтобы сказать об этом Олегу.

Где он ее нашел?! В тундре?! Как она могла оказаться в тундре?! Почему не привез ее с собой, если знает, где она?!

Олег натянул нижнюю рубаху из пыжика, мехом внутрь, потом рывком стащил ее через голову. Рубаху он прибережет для Лили. В кухлянке бабушки Туар и обыкновенном свитере он не замерзнет, особенно если идти недалеко, а Нутэвэкэт утверждает, что близко.

Впрочем, по чукотским меркам, триста километров – это совсем ничего.

...Не может она оказаться за триста километров! Или мо-

жет?

Олег набил рюкзак вещами, плохо соображая, что делает. Что еще понадобится? Лекарства? Спиртное? Бинты?

Он достал узкий термос, вылил в него остатки чая, навалил сахару, завернул крышку и поболтал.

Когда он вышел из кухни, одетый и с рюкзаком, Нутэвэкэт был уже на ногах. Кружка и прекрасная английская серебряная сахарница стояли на шкуре.

– За упряжкой умеешь бежать?

– Умею.

– На обратном пути придется. Собаки троих не потянут.

– Как ты ее нашел?

– Радио слушал, – ответил Нутэвэкэт, пожалуй, весело. – Ты же по радио сказал, что женщина пропала! А я в тундре утром следы видел.

– Какие следы?

– Вездехода. Их метель замела маленько, только я все равно след вижу. За сопкой землянка есть, на берегу. Там летом живут городские браконьеры, икру в бочках солят. Стланик примят, ветки отогнуты. Женщина там.

– Откуда ты знаешь, что она жива?

Нутэвэкэт удивился:

– Слышал, однако! Двигается. И печка топится.

Вся упряжка эмоций Олега Преображенцева потянула так, что чуть не сорвалась с привязи.

Лиля в землянке топит печку?! Этого не может быть. Че-

ловек из тундры все перепутал. Возможно, там действительно засели какие-то браконьеры, отшельники или черные старатели, моющие на Чукотке золото, но только не Лиля Молчанова!

Нутэвэкэт счел нужным объяснить:

– Сам к ней не пошел. Напугаю еще больше! Она, однако, не по своей воле в тундру пошла. Тебя не испугается, ты для нее свой.

– Откуда ты знаешь, что не по своей воле?

Его собеседник посмотрел на него, кажется, с сожалением. Я думал, что ты умнее, вот как Олег понял его выражение лица. Я думал, ты не до конца тангитанин. А ты такой бестолковый.

– Я видел следы. Я слышал звуки, – повторил он терпеливо, как маленькому. – Вездеход проехал. Вездеходу, однако, в это время года там делать нечего! Потом человек прошел. Другого человека тащил. Потом вездеход ушел. На нем один человек ушел, а другой остался! Ты по радио сказал – женщина из города пропала. Я радио очень уважаю. В тундре все уважают. Я подошел к землянке, послушал. Там женщина. Печку топит. А раз печку топит, сразу не замерзнет. Кровью не пахнет, значит, не ранена. Однако, идти надо. Ночью дуть сильно будет, а завтра пурга уйдет.

Олег кивнул.

Собаки лежали во дворе, свернувшись, похожие на снежные холмики. Завидев хозяина, стали подниматься и отря-

хиваться.

– Хорошая упряжка, – похвалил Олег.

Этого требовала вежливость.

– Жаловаться нельзя, – согласился хозяин.

В два приема он снял с нарты свой груз, чтобы Олегу было куда сесть, пристроил его под навес с той стороны, где меньше дуло – Олег помогал, – крикнул собакам, вожак стал поворачивать упряжку. Держась за «баран», круглую скобку, Нутэвэкэт разогнал упряжку вдоль улицы и пристроился на нарту. Олег, бежавший с другой стороны, неловко плюхнулся – все же давно не ездил. Собаки набрали скорость и затрусили вдоль лимана, обходя город.

Ветер свистел, метель мела, и казалось, что она не кончится никогда и весь мир состоит только из снега, холода, тьмы и равномерного бега собачьей упряжки...

Была еще одна свечка, но Лиля не решилась ее зажечь. Нужно беречь свечи и дрова. Нужно беречь силы. После первой волны тепла, от которого дергающей, воспаленной болью зашлись все внутренности, после водки и глотка кипятка, получившегося из целого чайника снега, Лиля снова стала замерзать.

Как-то по-другому, медленно и всерьез. Холод постепенно пробирался в нее подло, изнутри.

Она топала ногами, совала ледяные руки сначала в карманы телогрейки, потом в колени, потом под мышки, и везде было холодно, холодно!.. Она жалась к печке боками и спи-

ной, и печка старалась, помогала ей, прогоняла холод! Но стоило только повернуться другим боком или сделать шаг к поленице, как стужа опять одолевала, наваливалась, очень тяжелая. Она никогда не знала, что стужа такая тяжелая. Она весит много тонн, ее невозможно скинуть с себя, она везде, со всех сторон.

Приемничек «Пионер» работал тихо-тихо – «В эфире радио «Пурга» и Алена Долинская», – чтобы батарейки сразу не сели. О том, что будет, когда батарейки сядут, а она все еще не умрет, Лиля не думала.

Запретила себе.

Зато она представляла, как все сейчас там, на радиостанции, – разрешала себе, – и получалось легко, любовно, как в хорошем сне.

Олег ушел из эфира, почему-то даже не попрощавшись, а она ждала, и на его место заступила Алена, которая тоже начала с того, что пропала Лиля Молчанова, ее ищут, но пока не нашли.

Они же не знают, что она здесь, она слышит их и знает, что они беспокоятся о ней!..

Лилия представляла себе лицо Ромки Литвиненко, матроса-обманщика, и редактора Настю, которая непременно разбавляет свой кофе холодной водой из кулера – зачем? И вахтера Богданыча за очередным детективом или кроссвордом.

Она представляла себе студию с первоклассной шумоизолирующей и ультрасовременным пультом – куда там радио «Рок»

в Кельне, – и портреты диджеев с Аляски, и необыкновенные фотографии, сделанные неизвестным ей Аркадием Сухониным, знаменитым фотографом, и надпись «Микрофон включен», и сами микрофоны на изломанных журавлиных ножках. Весь мир сосредоточен вокруг микрофонов, когда ты в эфире. И время, и пространство!.. И голоса, которые знает вся Чукотка, их слушают в стойбищах и кочевьях, и они сейчас поддерживают Лилию, не дают ей совсем уж пропасть.

Она и не пропадет, куда эти голоса рядом.

Значит, надо беречь свечи, батарейки и силы. Она позволит себе еще чуть-чуть, еще немного, а потом станет слушать радио по пятнадцать минут. Чтобы экономить батарейки.

Пятнадцать минут эфира, пятнадцать минут тишины. Она так решила, чтобы подольше продержаться.

Может быть, пурга утихнет, и она выживет, выберется и сама сможет дойти до людей, и невиданные картинки представлялись ей: слепящее солнце, искрящийся снег до самого горизонта, какие-то разноцветные палатки, и высокий человек в меховых одеждах поворачивается и идет ей навстречу, а это значит, что она спасена.

Но это был бред, и она понимала, что бред.

Олег Преображенцев сказал, что ее ищут. Он каждые полчаса ставил песню «Кажется» в надежде, что она услышит!

Ноги мерзли и болели невыносимо, хотя Лилия и завернула их в брезентовую штуковину с капюшоном, снятую со сте-

ны. Время от времени она протягивала их к печке, и они начинали согреваться, но за эти минуты замерзло все остальное: руки, бока, спина, голова. Она не знала, что человек *настолько* не приспособлен к холоду.

Олег Преображенцев, должно быть, уже несколько раз объехал город. Конечно, он ищет ее, ездит по улицам! А как еще он может ее искать? И Таня слевой беспокоятся. Лилия помнила, что из-за чего-то поссорилась с Таней, но отсюда, от чугунной печки, которая изо всех сил спасала Лилию, казалось глупым и ненужным вспоминать, из-за чего именно они поссорились.

Олег Преображенцев, которому она сначала нравилась, а потом разонравилась, не знает, что она сидит сейчас в землянке где-то посреди огромной белой планеты, именуемой Чукоткой, и никак не может подать ему знак, что жива, что ее еще можно спасти!..

Как распахнулась припертая чурбаком дверь землянки и, нагнувшись, вошел высокий человек в меховых одеждах, она даже не заметила. Только что смотрела в огонь и страшилась, что сейчас придется отодвинуться от него, чтобы как-то погреть ледяные ноги, и готовилась к тому, что это надо сделать, а в следующую секунду возле нее оказался человек.

– Лилия, это я, – сказал он голосом Олега Преображенцева из приемника, откинул с головы меховой малахай и осветил фонарем.

Она в ужасе зажмурилась и подалась от него назад. Алю-

миниевый помятый чайник, загрохотав, свалился с печки. Ветер ворвался следом за ним, и Олег прогнал его, прихлопнув хлипкую дверцу.

Он не боялся ветра. Он вообще не обращал на него внимания.

Он увидел все сразу: черное лицо в потеках и саже, голые ступни, торчащую из ватника шею, располозованную царапинами от уха до горла. Он на секунду зажмурился и повторил:

– Это я.

Перебирая руками по поленнице, Лиля поднялась – он ничем ей не помогал – и моргнула.

Потом сделала шаг и осторожно потрогала его кухлянку, сшитую бабушкой Туар. Потрогала в том самом месте, где был нагрудник из шкуры белого медведя. Шкура была холодной и жесткой.

– Как ты долго, – сказала она, вдруг рассердившись. – Ужасно долго!

– Нам надо ехать.

– Я слышала тебя в эфире.

Он оглянулся на приемник, бормотавший на столе.

– Почему ты не попрощался? В конце эфира?.. Я ждала, ждала! А ты так больше и не появился!

– Я поехал за тобой.

Тут она обняла его, огромного от шкур и холодного от метели. Рук не хватало, чтобы его обнять, но она обнимала как

могла, изо всех сил.

Его чувства, хорошенько пристегнутые, натянули стропы до отказа. Все потом, потом!.. Но немного можно сейчас, самую малость.

Он обнял ее тоже изо всех сил, прижимая заострившееся и похудевшее лицо к нагруднику из белого медведя, чувствуя, как она измучилась и устала, зная все без слов – как боялась, как терпела, ждала, когда все закончится!

– Мне показалось, что щенок скулит, а это я скулила! Я скулила и слышала себя.

– Я искал тебя. Тебя весь город ищет.

– Я думала, приемник-то уж точно не работает, а он вдруг заработал! И я тебя услышала! Это было такое счастье!

– ...У тебя могут быть пальцы отморожены.

– Как хорошо, что ты меня нашел, Олег.

– Как хорошо, что я тебя нашел.

Они еще постояли, обнявшись и покачиваясь из стороны в сторону, а потом он вдруг стал злым и мрачным. Короткими движениями вывалил из рюкзака какое-то барахло и стал напяливать его на Лилю, стащив с нее телогрейку и ватные штаны. Лиля ему помогала, но у нее плохо получалось.

Они путались руками – у него они были очень горячими, а у Лили ледяными.

Она взяла его за руку и уткнулась носом в ладонь.

– Ничего, ничего, – сказал он откуда-то издалека. – Все обошлось.

Он понятия не имел, обошлось или нет.

Он натянул на нее собственные штаны для сноуборда, пыжиковую рубаху – мехом внутрь, – пуховик, унты. Она старательно и сосредоточенно совала в них ноги.

Он надвинул ей на голову шапку.

– У тебя есть водка? – спросила Лиля.

Он спохватился:

– У меня есть чай! Горячий, сладкий! Вот, в термосе, я сейчас...

– Не-е-ет. – Лиля посмотрела на него укоризненно. – Нам нужно здесь оставить! Я же всю водку выпила, что здесь была! Надо людям оставить, которые... потом придут. И дрова! Я много сожгла.

– У меня нет водки, – признался Олег Преображенцев. – И дров нет. Но... я тебе обещаю. Я принесу сюда водку и дрова.

– Точно?

– Точно.

Она подумала немного, очень бледная, в странных, нелепых одеждах.

– Я с тобой тогда пойду, – решила она. – Мы вместе водку принесем. Да, и спички!

Она подняла бережно коробок, который выпал на пол во время переодевания. Олег смотрел на нее. Она погладила коробок, как живое существо, и пристроила его на поленницу.

Сердце у него прыгало, как олень в мае.

– На чем ты приехал?

– На собаках, – сказал Олег.

Ее растерзанные вещи валялись на топчане, он сгреб их в ком и запихал в рюкзак.

До упряжки было метров сто, и они шли их очень долго. Лиля плохо держалась на ногах. Они то и дело проваливались в снег почти по пояс, и Олег тащил ее, а она все повторяла испуганно: «Сейчас, сейчас! Я сейчас!» Как будто он мог убежать и бросить ее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.